

Информация для цитирования:

Воронина Т. М. Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование») / Т. М. Воронина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27.

Voronina, T. M. (2023). Specifics of Structuring Ideographic Word Classes Representing Social Spheres (Example of “Education” Sphere). *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-9-27

**Специфика
структурирования
идеографических классов
слов, репрезентирующих
социальные сферы
(на примере сферы
«Образование»)**

Воронина Татьяна Михайловна
orcid.org/0000-0001-6834-9856
кандидат филологических наук, доцент
tmv313@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352,
<https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

**Specifics of Structuring
Ideographic Word Classes
Representing Social Spheres
(Example of “Education”
Sphere)**

Tatyana M. Voronina
orcid.org/0000-0001-6834-9856
PhD in Philology, associate professor
tmv313@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Сфера «Образование» может быть осмыслена в аспекте культуры, знания, аксиологии и т. д. Это свидетельствует об интегративности и многоаспектности содержания, стоящего за лексемами типа образование, учение, обучение, учеба. В данной статье основной аспект исследования — лексикографический. Целью является определение объема и структуры лексического множества слов, составляющих идеографическую сферу «Образование» в современном русском языке. Работа выполнена в рамках разработки проекта «Универсальный идеографический словарь-тезаурус русского языка» Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко. Используются материалы различных словарей, подготовленных этим коллективом исследователей. В качестве методов применялись метод компонентного анализа лексического значения, метод идеографической классификации. Выявлены различные типы отношений, организующих это лексическое множество, с целью представить моделирование сферы «Образование» как фрагмента денотативно-идеографической карты мира. Приводятся примеры слов и рядов слов, связанных отношениями гиперо-гипонимии, меронимии, синонимии и антонимии, в составе денотативно-идеографических групп данной сферы. Показано, что лексическое множество слов, репрезентирующих сферу «Образование», так же как и многие другие подобные классы слов, денотативно связанных с социальной жизнью человека, структурировано не иерархически, а в соответствии с компонентами отображаемых ситуаций.

Ключевые слова:

образование; классы слов; лексикография; идеографический словарь; тезаурус; Уральская семантическая школа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The sphere of “Education” can be understood in terms of culture, knowledge, axiology, etc. This indicates the integrative and multi-aspect nature of the content behind lexemes such as education, learning, teaching, and studying. The main aspect of this article is lexicographic, with the aim of determining the scope and structure of the lexical set of words comprising the ideographic sphere of “Education” in modern Russian language. The work was carried out as part of the development of the project “Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus of the Russian” by the Ural Semantic School under the guidance of L. G. Babenko. Materials from various dictionaries prepared by this team of researchers were used. Methods used included component analysis of lexical meaning and ideographic classification. Various types of relationships organizing this lexical set were identified in order to present a modeling of the “Education” sphere as a fragment of the denotative-ideographic world map. Examples of words and word groups related by hyper-hyponymy, meronymy, synonymy, and antonymy within the denotative-ideographic groups of this sphere are provided. It is shown that the lexical set of words representing the sphere of “Education,” like many other similar classes of words denotatively linked to human social life, is structured not hierarchically, but in accordance with components of represented situations.

Key words:

education; word classes; lexicography; ideographic dictionary; thesaurus; Ural semantic school.

Специфика структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы (на примере сферы «Образование»)

© Воронина Т. М., 2023

1. Введение = Introduction

В современных лингвистических исследованиях уделяется значительное внимание типам и форматам знаний о действительности, фиксируемых языковыми единицами. Отмечаются особенности единиц языка с точки зрения их семантики и функции: глобально различаются те, которые являются средствами репрезентации знаний о предметах и явлениях объективной действительности, и те, которые являются средствами интерпретации (см. об этом, например: [Болдырев, 2021]). Это важно и с точки зрения идеографической лексикографии, ведь словарь тезаурусного типа, как отмечает Л. Г. Бабенко, «представляет собой уникальную систему лексических единиц, выявленную в результате анализа семантики лексических репрезентаций, когнитивной стратегии категоризации реально существующего внешнего мира (объективный предметный мир), а также мыслимого в сознании каждого человека внутреннего мира (субъективный ментальный мир), основанного на восприятии и интерпретации внешнего мира» [Бабенко, 2023, с. 61]. При этом следует отметить, что классы слов, имеющие денотативную природу, неоднородны, поскольку имеются различия в самих отображаемых объектах и сферах действительности. Эти объекты могут быть конкретными или абстрактными — «в качестве объектов выступают как физические конкретные объекты (озера, лодки, звезды), так и отвлеченные, абстрактные (мысль, красота, верх)» [Свод лексики..., электр. ресурс]; могут быть объектами физического мира, внутреннего мира человека, социальной сферы и т. д.

Обратим внимание на особый статус социальных сфер и их отображение в языке. Так, Н. Н. Болдырев специально выделяет — наряду с моделями структурирования знаний о физическом мире, с одной стороны, и моделями интерпретации знаний, с другой стороны, — еще и модели структурирования общества: «Языковые модели структурирования общества непосредственно связаны с процессами социализации человека и со-

проводят их. Они преимущественно представлены в лексических категориях, объединяющих наименования профессий, видов деятельности, социальных статусов, иерархий и социальных отношений человека <...>, в характеристике видов профессиональной деятельности и описаниях должностных обязанностей и полномочий <...>. К этой группе можно отнести, например, глаголы социальной иерархии <...>» [Болдырев, 2019, с. 101—102]. Более того, рассуждая о наиболее сложном матричном формате знания, Н. Н. Болдырев приводит в качестве примеров лексем — репрезентантов знания такого формата, для которых «концептуальное содержание не сводится к отдельным характеристикам или их определенному набору и характеризуется интегративностью различных его аспектов», именно лексемы, являющиеся именами социальных сфер: *наука, культура, искусство, образование, религия, экономика* и под. [Там же, с. 89 и след.].

В данной статье рассмотрим особенности структурирования идеографических классов слов, репрезентирующих социальные сферы, на примере сферы «Образование».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Следует отметить, безусловно, что подобный материал неоднократно становился объектом лингвистического исследования в разных аспектах. Приведем несколько примеров подобных работ, выполненных на материале разных языков и типов дискурса.

Так, В. А. Заварзина исследовала терминологию русского образования и отметила ее пополнение за счет терминов других тематических областей (экономики, IT, психологии и др.) [Заварзина, 2022], С. Т. Агаева рассмотрела репрезентацию концепта ОБРАЗОВАНИЕ на материале терминологии данной сферы в азербайджанском языке [Агаева, 2020], А. Ю. Башмакова также обратилась к профессиональному дискурсу и с применением автоматизированных методов в текстах новостных статей с сайтов образовательных порталов выявила ключевую лексику тематического поля «Образование / Education» для русского и английского языков [Башмакова, 2021].

Т. В. Леонтьева выявила свойственные народной культуре представления об обучении / передаче опыта на основе анализа русской паремиологии и диалектной лексики [Леонтьева, 2011]. К анализу фразеологических единиц для выявления ценностной составляющей представлений об образовании обратились М. Ю. Конобеева — на материале русского и английского языков [Конобеева, 2013], Ши Лэй — на материале русского и китайского языков [Ши Лэй, 2013].

О. А. Димитриева проанализировала метафорическое моделирование концептов ПЕДАГОГИКА и ВОСПИТАНИЕ в педагогическом дискурсе

на материале работ Г. Н. Волкова [Димитриева, 2017], нами было проведено исследование метафорической составляющей концептов смежных сфер «Интеллект» и «Образование» [Воронина, 2011]; с другой стороны, Г. К. Абзулдинова рассмотрела когнитивную область УЧЕБА в противоположном направлении, как сферу-источник при метафоризации [Абзулдинова, 2011].

С. В. Архипова на материале толковых и ассоциативных словарей проанализировала семантику лексем *образование* и *education* [Архипова, 2013], Е. В. Алымова сопоставила специфику образования как лингвокультурного феномена в зеркале русского и английского языков [Алымова, 2007], в работе М. А. Баум исследованы авто- и гетеростереотипные представления о концептосфере ОБРАЗОВАНИЕ в российской и британской картинах мира на основе результатов психолингвистического эксперимента [Баум, 2016], Е. А. Тулусина и А. Г. Садыкова выявили национальную специфику репрезентации концептов LERNEN и УЧЕБА в русском и немецком языках [Тулусина, 2017], М. Г. Чепорухина и Е. П. Иванова рассмотрели особенности употребления лексем, входящих в лексико-семантическое поле «Высшее образование» во французском и русском языках, в аспекте перевода [Чепорухина, 2019].

Т. А. Ивушкина на материале творчества С. Фрая исследовала тематическую принадлежность лексем, связанных с обучением в университетах Оксфорда и Кембриджа, как маркеров речи представителей высших классов Великобритании [Ивушкина, 2020].

Как видим, сфера «Образование» может быть осмыслена в аспекте культуры, знания, профессиональной и административной деятельности, народных представлений, аксиологии, языка социального статуса и т. д. Это, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует об интегративности и многоаспектности концептуального содержания, стоящего за лексемами типа *образование*, *учение*, *обучение*, *учеба*: в разных «когнитивных контекстах», по выражению Н. Н. Болдырева, возможно различное осмысление этого содержания.

В данной статье основной аспект исследования — лексикографический: предметом является объем и структура лексического множества слов, составляющих идеографическую сферу «Образование» в современном русском языке. Рассматриваются различные типы отношений, организующих это лексическое множество, с целью представить моделирование сферы «Образование» как фрагмента денотативно-идеографической карты мира, которую Л. Г. Бабенко определяет как «схематический концептуальный конструкт, в свернутом виде отображающий знания о каком-либо предметном фрагменте мира в виде денотативно-идеографической сети, формируемой в своей основе, вершине идентификатором, и конкретизируемый, интерпретируемый различными устойчивыми отношениями: гипе-

ро-гипонимическими, меронимии, тождества, противоположности и пр.» [Свод лексики..., электр. ресурс].

В качестве методов исследования применялись метод компонентного анализа лексического значения, метод идеографической классификации. Работа выполнена в рамках разработки проекта «Универсальный идеографический словарь-тезаурус русского языка» Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко. Анализируются также материалы идеографических словарей, созданных коллективом данной научной школы, — подробный анализ типов словарей Уральской семантической школы и разновидностей лексических множеств, представленных в них, см. в [Бабенко, 2020].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лексика сферы «Образование» в идеографических словарях

Объем проанализированного лексического материала составил порядка 890 ЛСВ разных частей речи. Поличастеречный принцип, заявленный в проекте «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка», по словам Л. Г. Бабенко, в наибольшей степени отвечает задаче отображения в словаре информации о фрагментах действительности: «Именно словари-тезаурусы специализированы аккумулировать знания о разных предметных областях и отображать их списками лексики определенных денотативно-идеографических групп» [Свод лексики..., электр. ресурс].

В современных исследованиях неоднократно подчеркивается, что чисто семантический принцип группировки материала в словаре не обеспечивает решение этой задачи. Ср. мнения авторов лексикографических проектов: «Обратившись к созданию идеографического словаря существительных, над которым коллектив Уральской семантической школы работал в течение десятилетия конца XX и начала XXI веков, мы выбрали дополнительно к структурно-семантической еще одну лексикографическую стратегию их категоризации и интерпретации в словаре, так как категоризация предметного мира, репрезентируемого существительными (а также и прилагательными), с применением только структурно-семантического анализа их значений оказалась недостаточной. <...> При выделении классов существительных учитывались как структура их лексического значения, так и тип отображаемой ими общей ситуации или компонента ситуации — денотата существительного [Бабенко, 2020, с. 16—18]; «Например, невозможно представить в полном объеме знания говорящего о движении, основанные только на глаголах движения, без понятия трассы, среды, транспортных средств, скорости, которые передаются другими частями речи» [Кильдибекова, 2010, с. 1009—1010]; «Системность, безусловно, соответствует и когнитивным основам организации языковой способности. Хотя лингвистике по сей день доподлинно неиз-

вестны принципы хранения языка в сознании его носителей, исследования психолингвистического толка и прежде всего ассоциативные эксперименты свидетельствуют в пользу того, что ментальная языковая организация в целом соразмерна языковой системности (выделение парадигматических, синтагматических, словообразовательных и других ассоциаций)» [Богачева, 2017, с. 40—41]. Приведем также вывод В. А. Белова, выполнившего обзор работ зарубежных ученых о семантической организации ментального лексикона: «В большинстве исследований доказывается, что доминирующий тип связей, которые представляют ассоциативные реакции, — тематические. Ассоциативно связанными оказываются разные типы семантических отношений: синонимические, тематические, таксонимические, контекстуальные отношения и другие» [Белов, 2020, с. 38].

Следует отметить, что в идеографических словарях возможны разные способы категоризации лексики. Так, в словаре «Лексическая основа русского языка» группа «Воспитание, обучение, образование» является одноуровневой с такими группами, как «Язык», «Невербальные средства коммуникации», «Умения, навыки», «Культура и искусство», «Печать, произведения печати, пресса», «Радио и телевидение» в составе класса «Коммуникация мыслей и чувств» [Лексическая основа..., 1984]. В «Функционально-когнитивном словаре русского языка» сфера «Образование, просвещение» отражена в вып. 3, где описываются такие аспекты жизнедеятельности человека, как «говорить», «думать», «учиться»; причем в сферу «Образование, просвещение», помимо наименований занятий, учащихся, преподавателей, учебных заведений и т. п., включены также классы слов, связанных с обозначением письма, чтения, знания, книг, печатной продукции и печатного дела, СМИ, компьютера и интернета [Функционально-когнитивный..., 2006]. В «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой, где принят частеречный и собственно семантический способ организации материала, логичным образом наименования действий, связанных с образованием, оказываются в т. 4 (глаголы) и в т. 3 (существительные с абстрактным значением), а имена существительные с конкретным значением, денотативно связанные с образованием, обучением, расположены в т. 2 в разных местах идеографической сетки в соответствии с их категориально-лексической семантикой (инфраструктура, организации, помещения, занятия, люди и т. д.) [Русский семантический..., 1998].

3.2. Структура денотативно-идеографических групп класса «Образование» и отношения слов в их составе (по материалам словарей Уральской семантической школы)

В синоптической схеме «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка», разработанной Л. Г. Бабенко, класс «Образова-

ние» выделяется в составе денотативно-идеографической сферы «Общественно-государственная сфера», тем самым в сетке синописа отмечается принадлежность образования к социальным институтам, наряду с такими, например, как «Экономика», «Право», «Наука», «Религия», «Искусство», «СМИ», «Производство» и под. Это внешние, классификационные связи рассматриваемого класса слов. Внутренняя же структура класса «Образование» включает 9 денотативно-идеографических групп (ДИГ):

- «Процесс обучения»;
- «Человек в образовательном процессе»;
- «Учебное заведение, подразделение, помещение»;
- «Форма, способ обучения и учебный предмет»;
- «Средство обучения»;
- «Отметка»;
- «Образовательный документ»;
- «Время обучения»;
- «Результат образования».

Наибольшие по количеству группы — это «Процесс обучения» и «Человек» (ок. 240 ЛСВ в каждой), а также «Результат» (ок. 140 ЛСВ). Номинативная плотность для процессов и участников понятна, она характерна для любого лексического множества, связанного с репрезентацией какой-либо социальной сферы. Так, описывая виды институционального дискурса, В. И. Карасик пишет: «При анализе дискурса предлагается охарактеризовать его типовых участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [Карасик, 2002, с. 302—303]; А. В. Щетинина, обозначая цель создания идеографического словаря социальной лексики, указывает, что номинативные множества в данном словаре включают слова, называющие «факты, объекты, отношения, взаимодействия из социальной сферы» [Щетинина, 2017, с. 214].

Распределение ЛСВ по группам и частеречной принадлежности в проекте «Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка» отражено на рис. 1:

Рубрикации следующего уровня в группах нет, так как они вполне обозримые по количеству единиц. Хотя при желании можно было бы выделить, например, в группе «Человек» более мелкие подгруппы: скажем, классифицировать учащихся по ступени образования, разделить наименования преподавателей и учащихся и т. д., однако мы не считаем это целесообразным. Есть имена, называющие учащегося вне зависимости от ступени образования (*новичок, отличник, выпускник, младший, старший*); а объединение номинаций преподавателей и учащихся может быть обосновано еще и самой спецификой сферы образования, где субъектно-объектные отношения не яв-

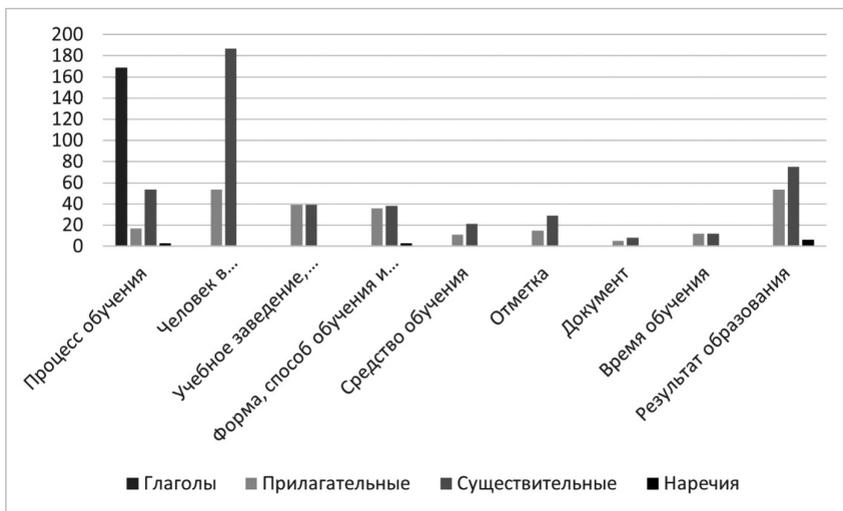

Рис. 1. Количество слов разных частей речи в идеографических группах класса «Образование»

ляются в такой степени иерархическими, как в других сферах общества (например, в медицине — медработник и больной человек, в праве — работник правоохранительной системы и преступник и т. п.).

Охарактеризуем далее типы отношений, которые имеют место внутри групп.

Группа **«Человек в образовательном процессе»** организована прежде всего на гиперо-гипонимической основе. Иерархия в этих отношениях вполне объяснима: человек — *преподаватель, обучающийся*; преподаватель — *воспитатель, учитель, куратор, наставник, ...*; обучающийся — *студент, школьник, курсант, кадет, старшеклассник, первокурсник, абитуриент, выпускник, ...*. Интересно, что во многих других классах слов, называющих людей в различных социальных сферах (например, в науке: человек — *академик, магистр, биолог, русист, юрист, физиолог, экспериментатор, ядерщик, ...*; в строительстве — *архитектор, бетонщик, маляр, прораб, ...*; в СМИ — *журналист, редактор, комментатор, ...*; и т. п.), гиперо-гипонимическими отношениями все и ограничивается. Со своей стороны, среди наименований людей в образовании выделяются синонимические ряды, единицы которых отличаются не только дифференциальными семантическими компонентами, но и стилистическими и эмоционально-оценочными характеристиками, например:

Учитель, наставник, педагог, преподаватель, репетитор, устар. ментор, жарг. препод;

Учительница, наставница, преподавательница, разг. репетиторша, разг. учителька, разг. учительша, разг., шутол. педагогиня, разг., пренебр. училка;

Студент, слушатель, устар. студиоз, устар. студиозус, разг. вузовец, жарг. студень;

разг. Задолжник, разг. должник, разг. хвостист;

разг. Зубрила, разг. заучка, разг. зубрилка, жарг. ботан, жарг. ботаник [СТСРР].

Это связано с высокой степенью освоенности сферы средним носителем языка и важностью категории оценки для сферы в целом.

Как справедливо пишет В. И. Карасик, «именно в педагогическом дискурсе оценка сопряжена с ее градуальным выражением» [Карасик, 2002, с. 316]. Добавим, что «Образование» — единственная среди социальных сфер, для которой сформирована отдельная ДИГ «**Отметка**». Она организована по гиперо-гипонимическому принципу, и при том, что эта группа довольно небольшая по количеству ЛСВ, каждое наименование отметки образует синонимический ряд:

Отметка, балл, оценка;

Задолженность, разг. долг, разг. хвост;

Единица, разг. кол;

Двойка, два, неудовлетворительно, плохо, разг. неуд, разг. пара, жарг. банан;

разг. Двоечный, неудовлетворительный, плохой;

Тройка, посредственно, три, удовлетворительно, разг. трешка, разг. трояк, жарг. троебан и жарг. тройбан;

разг. Троечный, посредственный, удовлетворительный;

Четверка, хорошо, четыре, жарг. фошка;

разг. Четверочный, хороший;

Пятерка, отлично, пять;

разг. Пятерочный, отличный [СТСРР].

Еще одна интересная особенность данной группы состоит в том, что градуальный характер оценки может быть переосмыслен как контрарный. Сами по себе названия оценок пятибалльной системы (пятерка, четверка, тройка, двойка и практически не используемая сейчас единица) — это со-гипонимы, и вряд ли четко противопоставляются пятерка и двойка, нельзя найти для них средний член оппозиции. Однако при характеристике чело-века в производных наименованиях абсолютный характер оценки снима-ется и возникает оппозиция:

отличник, разг. пятерочник ‘тот, кто отлично учится, получает преимущественно пятерки’ ↔ *разг. двоечник* ‘тот, кто плохо учится, постоянно получает двойки’ [БТИССАК].

Оценочный компонент чрезвычайно важен и для лексем группы «**Результат образования**», при этом определяющим типом отношений внутри данной группы являются оппозитивные. Лексемы *образованный / необразованный, компетентный / некомпетентный* организуют синонимико-антонимические комплексы на основе двух основных оппозиций. См. их представление в словаре синонимико-антонимических комплексов:

— имеющий образование, получивший разносторонние знания ↔ не имеющий образования или не получивший систематического образования, не имеющий достаточных знаний (*образованный* ↔ *необразованный*);

— обладающий основательными знаниями в какой-либо области ↔ не имеющий достаточных знаний в какой-либо области (*компетентный* ↔ *некомпетентный*) [БТИССАК]; более подробно см. об этом также [Воронина, 2017].

Синонимические же ряды в составе данных комплексов конкретизируют степень образованности / необразованности и выражают оценку, в том числе путем использования метафорических моделей силы / слабости и света / темноты. Естественно, отрицательные номинации преобладают:

Образованный, высокообразованный, начитанный, просвещенный, эрудированный, разг. ученый ↔ *Необразованный, безграмотный, малограмотный, малообразованный, невежественный, неграмотный, непросвещенный, неученый, полуграмотный, перен. темный, разг., перен. дремучий, разг., перен. серый*;

Компетентный, перен. грамотный, знакомый, знающий, осведомленный, перен. сильный, книжн. сведущий ↔ *Некомпетентный, перен. безграмотный, перен. малограмотный, малокомпетентный, невежественный, неграмотный, полуграмотный, перен. слабый, книжн. малосведущий, книжн. несведущий* [БТИССАК].

Синонимические отношения, тоже в значительной мере связанные с конкретизацией оценки действий в обучении и их субъекта, а также степени интенсивности таких действий и прилагаемых усилий, характерны для группы «**Процесс обучения**». Ср. следующие объемные синонимические глагольные ряды:

Учить / выучить, научить и обучить, выучивать / выучить, готовить / подготовить, обучать / обучить, подготавливать / подготовить, преподавать, репетировать, разг. дрессировать/выдрессировать, разг. заниматься, разг. муштровать / вымуштровать, разг. натаскивать / на-

таскать, разг. подковывать / подковать, разг. подтягивать / подтянуть, разг. школить / вышколить;

Изучать / изучить, обучаться / обучиться, овладевать / овладеть, осваивать / освоить, усваивать / усвоить, учиться / выучиться и научиться, книжн. постигать / постичь и постигнуть, книжн. штудировать / проштудировать, разг. одолевать / одолеть, разг. прорабатывать / проработать, разг. проходить / пройти, разг. учить / выучить;

Учить / выучить, выполнять / выполнить, выучивать / выучить, готовить / приготовить, делать / сделать, заучивать / заучить, приготавливать / приготовить, разучивать / разучить, разг. выдалбливать / выдолбить, разг. вызубривать / вызубрить, разг. долбить / выдолбить, разг. задалбливать / задолбить, разг. зазубривать / зазубрить, разг. затверживать / затвердить, разг. зубрить / вызубрить и зазубрить, разг. твердить / вытвердить, разг. вытверживать / вытвердить [СТСРР].

Результаты проверки знаний учащихся, прохождение / непрохождение испытаний для такой проверки — еще одна важная ситуация в процессе образования, причем если успешный результат номинируется только глаголами *сдавать / сдать*, то неуспешный — синонимическим рядом метафорических стилистически окрашенных глагольных ЛСВ:

разг., перен. Проваливаться / провалиться, разг., перен. срезаться / срезаться, разг.-сниж., перен. заваливаться / завалиться, разг.-сниж., перен. засыпаться/засыпаться [Там же].

Антонимические отношения в рассматриваемой группе связаны также с профилированием временного параметра начала / завершения обучения. Это находит отражение в оппозициях:

Принимать / принять, зачислять / зачислить, набирать / набрать ↔ Выпускать / выпустить;

Поступать / поступить ↔ Оканчивать / окончить, заканчивать / закончить, выпускаться / выпуститься;

Зачислять / зачислить, набирать / набрать, принимать / принять ↔ Отчислять / отчислить, исключать / исключить [БТИССАК].

Этот аспект конкретизации и дифференциации связан не только с отображением этапов деятельности в сфере «Образование», но и с профилированием важности административной составляющей процесса обучения.

Важно также отметить еще одну особенность класса слов, называющих образование, связанную с отображением времени. Хотя, по сути, любая социальная деятельность может иметь этапы и т. п., несмотря на это, специальная группа **«Время обучения»** (*урок, час, перемена, семестр, академический, курс, сессия* и т. д.) среди всех классов общественно-государственной сферы выделена только в рассматриваемом множестве слов.

Остальные ДИГ в составе класса «Образование» структурированы аналогично другим группам в составе классов социальной денотативной отнесенности. Так, в группах **«Средство обучения», «Форма, способ обучения, учебный предмет»** (*учебник, пособие, задачник, пропись, ..., предмет, курс, контрольная, тренинг, очный, подготовительный, дистанционный, ...*), **«Документ»** (*программа, табель, дневник, аттестат, ...*) определяющими являются отношения согипонимии, в группе **«Учебное заведение, подразделение, помещение»** (*университет, школа, гимназия, семинария, ..., аудитория, класс, деканат, учительская, ...*) — согипонимии и меронимии.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, для сферы «Образование», исходя из анализа групп слов, репрезентирующих ее, необходимо обозначить следующие элементы денотативно-идеографической карты.

1. Субъекты: наименования обучающихся и преподавателей в ДИГ «Человек в образовательном процессе» связаны гиперо-гипонимическими отношениями и конкретизируются семантически и прагматически в рамках синонимических рядов.

2. Виды деятельности, репрезентируемые лексемами ДИГ «Процесс обучения»: процессы передачи знаний, получения знаний и их усвоения, а также этапы начала и завершения обучения. Конкретизация оценки действий, связанных с обучением, и их субъекта, а также степени интенсивности таких действий и прилагаемых усилий осуществляется лексемами в составе глагольных синонимических рядов (и деривационно связанных с ними субстантивных). В профилировании временного параметра начала / завершения обучения, а также отображении административных отношений в образовании участвуют антонимические оппозиции.

3. Средства и формы обучения конкретизируются лексемами ДИГ «Средство обучения», «Форма, способ обучения, учебный предмет», в их структуре определяющими являются отношения согипонимии. Следует отметить, что специализация средств и способов деятельности характерна для многих социальных сфер, ср. ДИГ «Способ ведения хозяйства» («Экономика»), «Метод научного исследования» («Наука»), «Способ производства» («Производство»), «Методы и приемы лечения и обследования», «Приспособления, приборы и иные средства лечения» («Медицина»), «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления» («Спорт») и под. Наличие и наполнение таких групп в той или иной денотативно-идеографической сфере, как представляется, зависит от степени конкретности деятельности: например, в синопсисе «Универсального

идеографического словаря-тезауруса русского языка» подобных групп не выделено в таких сферах, как «Государство», «Политика», «Искусство».

4. Место осуществления деятельности, связанной с образованием. ДИГ «Учебное заведение, подразделение, помещение» организована на основе отношений согипонимии и меронимии.

5. Время обучения. Наличие соответствующей ДИГ слов, являющейся уникальной на фоне других социальных сфер, объясняется строгой регламентированностью процесса обучения. Отношения в группе гипонимические.

6. Документы, в которых фиксируются процесс и результаты образования. Группа небольшая по количеству ЛСВ и простая по структуре, ее элементы связаны отношениями согипонимии. Однако ее наличие также является свидетельством специфики сферы «Образование». Подобные группы выделяются не во всех денотативно-идеографических сферах, а только в тех, которые связаны с репрезентацией видов деятельности, где важно подтверждение статуса человека или процесса осуществления самой деятельности, взаимодействия между участниками. Так, ДИГ «Документ» есть также в сферах «Экономика», «Право», «Медицина», «Трудовая деятельность», но отсутствует в сферах «Религия», «Искусство», «Техника» и др.

7. Результат образования. Наличие данной «точки» на денотативно-идеографической карте сферы образования следует прокомментировать отдельно. Дело в том, что ДИГ слов, репрезентирующих результаты и достижения, есть еще только в сферах «Спорт» и «Военная служба», и это объяснимо, поскольку в этих видах деятельности важны соревновательность и противостояние. Результат образования же важен для статуса человека, его жизни, деятельности, успешности в целом. Это проявляется в количественном составе данной ДИГ (112 ЛСВ), а также в том, что определяющим типом отношений внутри данной группы являются отношения оппозиции и конкретизации: выявлены синонимико-антонимические комплексы образованный ↔ необразованный, компетентный ↔ некомпетентный. Количественное выражение достижений и результатов в образовании также является важным, в связи с чем в данной сфере выделена уникальная на фоне других социальных сфер ДИГ «Отметка».

В целом следует заключить, что лексическое множество слов, репрезентирующих сферу «Образование», так же как и многие другие подобные классы слов, денотативно связанных с социальной жизнью человека, структурировано не иерархически, а в соответствии с компонентами отображаемых ситуаций. Для любой социальной сферы важны ее субъекты и их взаимодействие, осуществляемая ими деятельность и объекты, на которые она направлена, способы осуществления этих действий / взаимодействия, локализация и временная организованность, фиксация процесса и /

или результатов в определенных документах и т. д. Однако каждая сфера имеет свою специфику, что может стать отдельным объектом изучения и составить перспективу исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТИССАК — *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов : [материалы словаря] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 414 с. — ISBN 978-5-6044025-4-2.
2. *Лексическая* основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Русский язык, 1984. — 1167 с.
3. *Русский* семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1998. — XXV, 674 с. — ISBN 5-88744-008-2.
4. СТСПР — *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи : 600 ключевых понятий, 7300 синонимических рядов, 40000 слов-синонимов / [авт.-сост. Л. Г. Бабенко, Н. А. Дьячкова, Ю. В. Казарин и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : Издательство «Словари XXI века», 2017. — 446, [1] с. — ISBN 978-5-9909262-0-2.
5. *Функционально-когнитивный* словарь русского языка (сферы «Говорить», «Мыслительная деятельность» / Т. А. Кильдибекова и др. — Уфа : РИО БашГУ, 2006. — Ч. 3. — 248 с. — ISBN 5-7477-1376-0.

Литература

1. *Абзулдинова Г. К.* Метафоризация когнитивной области УЧЕБА в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. К. Абзулдинова. — Тобольск, 2011. — 25 с.
2. *Агаева С. Т.* Концепт и его структура (на примере концепта ОБРАЗОВАНИЕ) / С. Т. Агаева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 1(30). — С. 149—151. — DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0076.
3. *Алымова Е. В.* Лингвокультурологическая модель концепта ОБРАЗОВАНИЕ в национальном самосознании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Алымова. — Саратов, 2007. — 24 с.
4. *Архипова С. В.* Значение лексем образование и education в русском и английском языках / С. В. Архипова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 1 (22). — С. 94—98.
5. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
6. *Бабенко Л. Г.* Универсальные интерпретационные категории : когнитивные стратегии и репрезентации в структуре идеографического словаря / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 2 (53). — С. 58—65.

7. *Баум М. А.* Концептосфера ОБРАЗОВАНИЕ в российской и британской картинах мира стереотипы и метафоры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. А. Баум. — Екатеринбург, 2016. — 22 с.

8. *Башмакова А. Ю.* Выявление ключевых слов тематического поля «Образование/ Education» / А. Ю. Башмакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. — Выпуск 12. — С. 3986—3990. — DOI: 10.30853/phi120210598.

9. *Белов В. А.* Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона / В. А. Белов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 29—51. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-29-51.

10. *Богачева Г. Ф.* Электронный идеографический словарь : теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря») / Г. Ф. Богачева, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 12. — С. 39—60. — DOI: 10.17223/22274200/12/3.

11. *Болдырев Н. Н.* Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2 (45). — С. 34—44.

12. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е издание. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1.

13. *Воронина Т. М.* Метафорическая составляющая смежных концептов : сходства и различия (на материале концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование») / Т. М. Воронина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — № 3 (33). — С. 518—521.

14. *Воронина Т. М.* Сфера «Образование» : роль антонимии в концептуализации процесса и результата обучения / Т. М. Воронина // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 30 ноября 2017 года / ответственный редактор Газизов Р. А. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2017. — С. 278—284. — ISBN 978-5-7477-4507-0.

15. *Димитриева О. А.* Концепты ПЕДАГОГИКА и ВОСПИТАНИЕ в педагогическом сочинении Г. Н. Волкова «Педагогика любви» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 29—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-29-42.

16. *Заварзина В. А.* О системной классификации терминологической лексики современного образования / В. А. Заварзина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2022. — № 1. — С. 13—23.

17. *Ивушкина Т. А.* Лексические номинации как индексы образовательного и социального статуса / Т. А. Ивушкина // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 65—80. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-65-80.

18. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.

19. *Кильдибекова Т. А.* Инновационный ракурс когнитивного подхода к языковой картине мира / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова, Л. А. Абдюкова // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 3—1. — С. 1008—1011.

20. *Конобеева М. Ю.* Семантическая репрезентация ценностного компонента концепта УЧЕНИЕ в английской и русской фразеосистемах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Ю. Конобеева. — Москва, 2013. — 25 с.

21. Леонтьева Т. В. Семантическое поле «Обучение, передача опыта» в русской языковой и фольклорной традиции / Т. В. Леонтьева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2011. — № 3(93). — С. 6—19.
22. *Свод лексики как идеографическая карта мира* : Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения 06.10.2023).
23. Тулусина Е. А. Общее и национально-специфическое в репрезентации концептов LERNEN и УЧЕБА (на материале экспериментальных данных) / Е. А. Тулусина, А. Г. Садыкова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 71—74.
24. Чепорухина М. Г. Лексико-семантическое поле «Высшее образование» / М. Г. Чепорухина, Е. П. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16. — № 2. — С. 291—303. — DOI: 10.21638/spbu09.2019.209.
25. Ши Лэй. Фразеологические единицы, относящиеся к теме «Учеба», в русском и китайском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ши Лэй. — Москва, 2013. — 22 с.
26. Щетинина А. В. Лексикографирование социальных номинаций (опыт создания идеографического словаря) / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 214—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-214-230.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

- BTISSAK — *A large explanatory ideographic dictionary of synonymic-antonymic complexes: [materials of the dictionary]*. (2021). Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 414 p. ISBN 978-5-6044025-4-2. (In Russ.).
- Functional and cognitive dictionary of the Russian language (spheres of “Speaking”, “Mental activity”*, 3. (2006). Ufa: RIO Bashgu. 248 p. ISBN 5-7477-1376-0. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. (ed.). (1984). *The lexical basis of the Russian language: A comprehensive educational dictionary*. Moscow: Russian language. 1167 p. (In Russ.).
- Russian semantic dictionary: Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings*. (1998). Moscow: Azbukovnik. XXV, 674 p. ISBN 5-88744-008-2. (In Russ.).
- STSRR — *Dictionary-thesaurus of synonyms of Russian speech: 600 key concepts, 7300 synonymous series, 40,000 synonymous words*. (2017). Moscow: Publishing house “Dictionaries of the XXI century”. 446, [1] p. ISBN 978-5-9909262-0-2. (In Russ.).

References

- Abzuldinova, G. K. (2011). *Metaphorization of the cognitive field of STUDY in Russian*. Author’s abstract of PhD Diss. Tobolsk. 25 p. (In Russ.).
- Agaveva, S. T. (2020). Concept and its structure (on the example of the concept of EDUCATION). *Baltic Humanitarian Journal*, 9 / 1 (30): 149—151. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0076. (In Russ.).
- Alymova, E. V. (2007). *Linguistic and cultural model of the concept of EDUCATION in national consciousness*. Author’s abstract of PhD Diss. Saratov. 24 p. (In Russ.).

- Arkhipova, S. V. (2013). The meaning of the lexemes education and education in Russian and English. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University, 1* (22): 94—98. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog, 9*: 9—47. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47> (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2023). Universal interpretative categories: cognitive strategies and representations in the structure of an ideographic dictionary. *Cognitive studies of language, 2* (53): 58—65. (In Russ.).
- Bashmakova, A. Yu. (2021). Identification of keywords of the thematic field “Education”. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14* (12): 3986—3990. DOI: 10.30853/phil20210598. (In Russ.).
- Baum, M. A. (2016). *Conceptosphere EDUCATION in the Russian and British worldviews stereotypes and metaphors*. Author’s abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 22 p. (In Russ.).
- Belov, V. A. (2020). Semantic Studies of Organisation and Functioning of Mental Lexicon. *Nauchnyi dialog, 8*: 29—51. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-29-51> (In Russ.).
- Bogacheva, G. F., Olkhovskaya, A. I., Paramonova, M. K. (2017). Electronic ideographic dictionary: theoretical and applied aspects (based on the material of the “Russian thematic dictionary”). *Questions of lexicography, 12*: 39—60. DOI: 10.17223/22274200/12/3. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2021). Interpretative semantics as a way of secondary understanding of the world. *Cognitive studies of language, 2* (45): 34—44. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language. 2nd edition*. Moscow: YASK Publishing House. 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. (In Russ.).
- Chaporukhina, M. G., Ivanova, E. P. (2019). Lexical-semantic field “Higher education”. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 16* (2): 291—303. DOI: 10.21638/spbu09.2019.209. (In Russ.).
- Dimitriyeva, O. A. (2017). Concepts PEDAGOGY and EDUCATION in G. N. Volkov’s “Pedagogy of Love”. *Nauchnyy dialog, 6*: 29—42. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-29-42. (In Russ.).
- Ivushkina, T. A. (2020). Lexical Nominations as Indices of Educational and Social Status. *Nauchnyi dialog, 6*: 65—80. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-65-80> (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Kildibekova, T. A., Gafarova, G. V., Abdyukova, L. A. (2010). Innovative perspective of the cognitive approach to the linguistic picture of the world. *Bulletin of Bashkir University, 15* (3—1): 1008—1011. (In Russ.).
- Konobeeva, M. Y. (2013). *Semantic representation of the value component of the concept of TEACHING in English and Russian phraseosystems*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2011). The semantic field “Learning, transfer of experience” in the Russian linguistic and folklore tradition. *Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities, 3* (93): 6—19. (In Russ.).

- Shchetinina, A. V. (2017). Lexicographic Work on Social Nominations (Experience in Creation of Ideographic Dictionary). *Nauchnyy dialog*, 11: 214—230. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-214-230. (In Russ.).
- Shi Lei. (2013). *Phraseological units related to the topic of “Study” in Russian and Chinese*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Tulusina, E. A., Sadykova, A. G. (2017). General and national-specific in the representation of LERNEN concepts and STUDIES (based on experimental data). *Bulletin of Vyatka State University*, 5: 71—74. (In Russ.).
- Vocabulary set as an ideographic map of the world: a universal thesaurus of the Russian language. A project card supported by the Russian Science Foundation*. Available at: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/> (accessed 06.10.2023).
- Voronina, T. M. (2017). Sphere of “Education”: the role of antonymy in the conceptualization of the learning process and result. In: *Linguistic units in the light of modern scientific paradigms: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Ufa, November 30, 2017*. Ufa: Bashkir State University. 278—284. ISBN 978-5-7477-4507-0. (In Russ.).
- Voronina, T. M. (2011). The metaphorical component of related concepts: similarities and differences (based on the concepts of the sphere of “Intelligence” and the sphere of “Education”). *Problems of history, philology, culture*, 3 (33): 518—521. (In Russ.).
- Zavarzina, V. A. (2022). On the systematic classification of terminological vocabulary of modern education. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 1: 13—23. (In Russ.).

*The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*

Информация для цитирования:

Голомидова М. В. Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование / М. В. Голомидова, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 28—48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48.

Golomidova, M. V., Goryaev, S. O. (2023). Toponymic Landscape of Shadrinsk in Aspect of Regional and Local Identity: A Sociolinguistic Study. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 28-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-28-48

Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование

Голомидова Марина Васильевна¹
orcid.org/0000-0001-7951-9208
доктор филологических наук, профессор
кафедры интегрированных маркетинговых
коммуникаций и брендинга
marinagolomidova@urfu.ru

Горяев Сергей Олегович *^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1684-0384
кандидат филологических наук,
¹ доцент кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации;

² доцент кафедры социально-
гуманитарных и естественно-научных
дисциплин,

* *корреспондирующий автор*
gorajev@yandex.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Миссионерский институт
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ в рамках проекта 23-28-01523
«Топонимический ландшафт города в аспекте
отражения региональной и локальной
идентичности (на языковом материале городов
Уральского федерального округа)»,
<https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

Toponymic Landscape of Shadrinsk in Aspect of Regional and Local Identity: A Sociolinguistic Study

Marina V. Golomidova¹
orcid.org/0000-0001-7951-9208
Doctor of Philology, Professor,
Department of Integrated Marketing
Communications and Branding
golomidova-marin@mail.ru

Sergey O. Goryaev *^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1684-0384

PhD in Philology, associate professor,
¹ Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication;

² Department of Social-Humanitarian
and Natural Sciences,

* *Corresponding author*
gorajev@yandex.ru

¹ Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Missionary Institute
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 23-28-01523
“The Toponymic Landscape of the City
in the Aspect of Reflecting Regional and Local
Identity (on the Linguistic Material of Cities
in the Ural Federal District)”
<https://rscf.ru/project/23-28-01523/>

© Голомидова М. В., Горяев С. О., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме репрезентации региональной и локальной идентичности в городской топонимии. Опираясь на социологическую трактовку феномена территориальной идентичности применительно к городской среде, авторы ставят цель выявить восприятие жителями топонимического / урбанонимического ландшафта в качестве транслятора характеристик местной самобытности. Исследование осуществлялось применительно к зауральскому городу Шадринску, основанному в XVII веке. В качестве метода научного решения использовался направленный опрос жителей в сети Интернет с дальнейшей социо- и лингвокультурологической интерпретацией полученных данных. Результаты исследования позволили установить наличие устойчивых ключевых характеристик в сложившемся у горожан образе Шадринска. Выявлено противоречие между потребностями в обновлении урбанонимического ландшафта в направлении топонимического акцентирования черт его уникальности и пока недостаточными усилиями в этом направлении. Получены данные о предпочтительных, с точки зрения горожан, номинативных темах для потенциальных названий. Собраны версии новых урбанонимов, которые могут в наибольшей степени поддерживать ключевые характеристики города и усиливать репрезентацию его региональной и локальной идентичности.

Ключевые слова:

городская топонимия; урбанонимия; урбанонимический ландшафт; территориальная идентичность; Шадринск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of representing regional and local identity in urban toponymy. Based on a sociological interpretation of the phenomenon of territorial identity in an urban environment, the authors aim to identify how residents perceive the toponymic / urbanonymic landscape as a translator of local distinctiveness. The study was conducted in the Zaural city of Shadrinsk, founded in the 17th century. The research method involved a targeted survey of residents on the Internet, followed by socio- and linguistic interpretation of the data obtained. The results of the study allowed for the identification of stable key characteristics in the established image of Shadrinsk among its residents. A discrepancy was found between the need to update the urbanonymic landscape by emphasizing its unique features and the insufficient efforts in this direction. Data was collected on preferred nominative themes for potential names, and new urbanonyms were proposed that could best support the city's key characteristics and enhance the representation of its regional and local identity.

Key words:

urban toponymy; urbanonymy; urbanonymic landscape; territorial identity; Shadrinsk.

УДК 811.161.1'373.211(470.54/.56+.58)+316.334.56(470.54/.56+.58)

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Топонимический ландшафт Шадринска в аспекте региональной и локальной идентичности: социолингвистическое исследование

© Голомидова М. В., Горяев С. О., 2023

1. Введение = Introduction

Вопросы отражения в языке связей человека с пространством составляют одно из актуальных направлений в лингвокультурологии и социолингвистике. Современная ономастика, и прежде всего топонимика, обращается к этим вопросам, исследуя особые языковые знаки — имена собственные. В этом ключе, в частности, изучается феномен территориальной идентичности в его топонимическом проявлении [David et al., 2014; Felecan, 2015; Golomidova, 2020; Галактионова, 2016; Полюшкевич, 2019; Разумов и др., 2020]. Особой научной притягательностью обладает топонимия города (урбанонимия), объединяющая имена разных внутригородских пространственных объектов, которые формируют особый урбанонимический ландшафт.

Само понятие урбанонимического ландшафта можно определить как «совокупность топографических собственных имен, вовлеченных в единую систему пространственных семиотических связей и организующих семантические и функциональные слои в вербальном образе города» [Голомидова и др., 2023, с. 150]. Идея урбанонимического и, шире, топонимического ландшафта связана с ономастическим преломлением понятия культурного ландшафта, играющего важную роль в современном гуманитарном знании и ставшего, по сути, объяснительным инструментом для научных построений. Объясняя феномен культурного ландшафта, исследователи неизменно подчеркивают связь материального и духовного, природного и культурного. «Ландшафт как предметная и осязаемая среда человеческого бытия не может быть осознан и осмыслен вне культурного контекста, связь ландшафта и культуры фундаментальна и неразрывна» [Стрелецкий, 2020, с. 73]. Специфика урбанонимического ландшафта заключается в том, что, с одной стороны, он соотносится с обозначением мест в реальном физическом пространстве города, а с другой стороны, через топонимы как языковые знаки транслируются символические значения, обусловленные человеческим восприятием локаций и культурным контекстом.

Топонимы в целом, и городские топонимы в частности, кроме основной знаковой функции — указания на конкретный локализованный объект, несут также прагматически значимую информацию. Топографические имена отражают исторические события, опыт хозяйственного освоения территории, уклад жизни населения и, особенно в случае с городской топонимией, часто предполагающей целенаправленное создание и официальное закрепление имени, господствующие идеологические представления и предписываемые социальные идеалы. Городская топонимия формирует своего рода образ места, фиксирует срез культуры города на определенный период его исторического развития и, несомненно, несет на себе дух времени.

Однако любой развивающийся город меняется вместе с динамикой социальных процессов, в которых могут сложным образом переплетаться наследие прошлого и современный опыт. И вполне закономерно, что в городской топонимии сосуществуют названия, принадлежащие разным эпохам. Если исходить из выполнения утилитарных задач коммуникации, любые топонимы пригодны для того, чтобы выполнять свои навигационные функции, но если рассматривать урбанонимы как средство актуализации культурных смыслов и поддержания городской идентичности, то особую проблемную напряженность приобретают вопросы рационального развития и коррекции топонимических ландшафтов.

На протяжении XX и XXI столетия имена городских объектов присваиваются официально органами муниципальной власти. Но нередко топонимические практики исходят из конъюнктурных задач текущего момента и не учитывают потенциал развития культурных ресурсов города. В результате создается диссонанс между невыразительной штампованной урбанонимией и тем уникальным образом города, который складывается у жителей через восприятие его пространственных реалий, знание и понимание его социокультурных особенностей. В связи с этим представляется актуальным дальнейшее уточнение подходов к изучению городской топонимии в аспекте трансляции региональной и локальной идентичности с перспективой дальнейшей выработки рекомендаций для топонимических практик.

Территориальная идентичность является действенным культурным механизмом, который обеспечивает солидарность социальных общностей [Capello, 2019; Paasi, 2003; Головнева, 2018; Смирнова, 2004] и одновременно для отдельных индивидов означает осознание своей связи с местом, «чувства места» [Humpton, 1992], «топофилии», по выражению И-Фу Туана [Tuan, 1990]. Для того чтобы установить черты территориальной идентичности как ее воспринимают сами жители города, необходимо обратиться к их мнению, услышать их суждения и оценки. Выбранный ракурс

применительно к изучению городских топонимов требует привлечения к исследованию социолингвистического инструментария.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История городов Урала, насчитывающая не одно столетие, сформировала общую территориальную специфику, что обусловлено прежде всего историей русского освоения восточных рубежей России, сходством климатических условий и жизненного уклада. Однако в сложившемся единстве, несомненно, остается место для проявления индивидуальности каждого отдельного города.

Наряду с городами, составляющими костяк «горнозаводской цивилизации» [Иванов, 2010], центром которой был Екатеринбург, Шадринск, географически относящийся уже к Зауралью, то есть к равнинной территории восточнее Уральских гор, первоначально развивается как сельскохозяйственное и военное поселение. Его история восходит ко второй половине XVII века, когда Шадринская слобода-крепость защищала русских переселенцев, занимавшихся хлебопашеством и ремесленным производством [Уральская историческая энциклопедия, 2000, с. 611].

В дальнейшем Шадринск становится важным торговым центром: «В середине XIX в. торговые связи Шадринска простирались на многие города и уезды Российской империи. Торговые площади, обслуживаемые городом, включали в себя значительные территории Челябинского, Екатеринбургского, Камышловского, Курганского и Ялуторовского уездов, северную часть Казахстана» [Закожурникова, 2009, с. 14]. Только с развитием в конце XIX века железных дорог, изменивших экономический ландшафт Урала, роль Шадринска как торгового центра снизилась, поскольку первая железная дорога из Екатеринбурга в Курган прошла не через Шадринск и к железнодорожной сети город был присоединен только в начале XX века. Сейчас Шадринск с населением в почти 70 000 человек является вторым по величине городом Курганской области.

Именно историческими особенностями Шадринска был обусловлен выбор его урбанизации в качестве объекта исследования. Для выявления отношения жителей к сложившемуся урбанизационному ландшафту был использован метод социолингвистического опроса в сети Интернет. В опросе приняло участие 108 человек, данные о респондентах представлены на рисунках 1—4.

Социально-демографические характеристики информантов позволяют утверждать, что это достаточно репрезентативная выборка, поскольку возраст, образование, длительность проживания в городе и добровольный отклик на предложение участвовать в опросе доказывают объединение со-

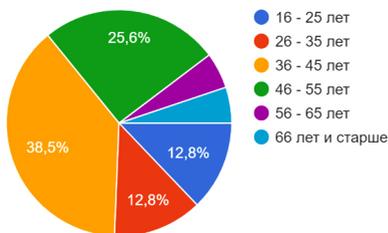

Рис. 1. Возраст респондентов

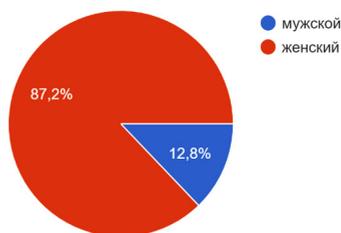

Рис. 2. Пол респондентов

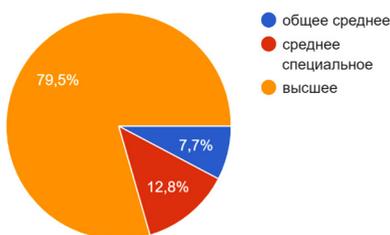

Рис. 3. Образование респондентов

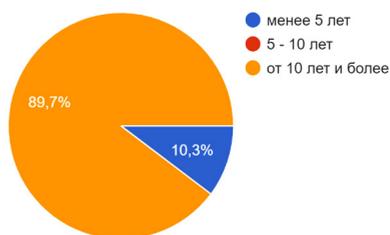

Рис. 4. Время проживания в городе

циальной группы не только по критерию знания местной истории и современных реалий, но и по критерию равнодушного отношению к родному городу, заинтересованности в его благополучии и развитии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ Шадринска в восприятии его жителей

Первый шаг опроса по «шадринской» теме предполагал выявление свободного оценочного суждения респондентов относительно индивидуальных представлений о городе. При этом не выявлялась осведомленность об урбанонимах, а вопрос был обращен к общему восприятию места и формулировался так: «Мой город, какой он? Для определения назовите 3—7 ключевых слов (прилагательных, существительных или словосочетаний), которые, на Ваш взгляд, передают характеристики города».

Полученные ответы позволяют говорить о существовании ряда достаточно устойчивых и часто актуализируемых представлений, из которых складывается отчетливый образ города. Его доминирующие характеристики можно установить на основе сходства компонентов понятийного содержания лексем в вариантах ответов. Расположив эти характеристики в со-

ответствии с частотностью упоминания, мы получим палитру атрибуций с более плотным ядром и менее частотной периферией.

Первый по частотности ряд образуют атрибутивы: *старинный, зеленый, уютный, маленький и обновляющийся*. Следующий по упоминаемости ряд признаков представлен в понятиях: *красивый, тихий, купеческий, родной, дружелюбный*. Ближе к периферии находятся такие определения, как *провинциальный, талантливый, грустный*.

Показательно, что в ответах нашли место знаковые реалии природного ландшафта, локальной истории и культурного колорита: *река Исеть* (водная артерия города и важный семиотический компонент его образа), *Юшка Соловей* (Юрий Никифорович Малечкин, слобожанин казацкого рода, основатель Шадринска), *шадринский гусь* (порода гусей, которая обросла легендами и воспринимается как своеобразный зауральский «экобренд» [Бритвин, 2013, с. 23]).

Более подробно ключевые слова из ответов информантов и выводные характеристики города даны в таблице (табл. 1) в порядке убывания частотности.

Как следует из приведенных сведений, некоторые определения пересекаются, образуя семантические «сгущения» или единства. Отталкиваясь от их особенностей, можно наблюдать очевидное преобладание в образе Шадринска позитивных коннотаций. Ответы убеждают, что жители солидарны в своем «чувстве места». Это проявляется в смысловых доминантах эмоциональной теплоты, в образно-эстетическом восприятии пространства как зеленого, красивого, уютного, в «живом ощущении» истории города с ее глубокой ретроспективой, в понимании, что жизнь города объединяет традиции и движение в будущее.

3.2. Значимые локации Шадринска и обозначающие их урбано-нимы

Следующим шагом опроса стало обращение к топографическим объектам и собственно урбанонимическому материалу. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Какие городские пространственные объекты (улицы, площади, скверы, парки, мосты, скульптуры, значительные здания, сооружения и под.), а также их названия наилучшим образом передают особенности Вашего города. Приведите примеры (от 5 и более)».

По мнению большинства респондентов, ключевыми локациями Шадринска являются *Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева, Набережная им. К. Д. Носилова, Памятник И. Д. Иванову-Шадрю, Сквер Победы, Храм Воскресения Словущего, Храм Преображения Господня*.

Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева — коммеморативное название в честь создателя, пионера зауральского садоводства Михаила Федоровича

Таблица 1

Репрезентация ключевых характеристик образа Шадринска
в ответах респондентов

№ п/п	Характеристика	Ключевые слова из ответов респондентов	Частотность упоминаний
1.	Старинный	Старинный; старый; исторический; старинные здания; архитектура; пенсионеры.	59
2.	Зеленый	Зеленый; хорошо озелененный; бор; красивая природа; чистый; чистый воздух.	52
3.	Уютный	Уютный; комфортный.	41
4.	Маленький	Маленький; компактный; небольшой.	35
5.	Обновляющийся	Развивающийся; развивающийся и сохраняющий традиции; растущий, процветающий; будущее; молодой; дети; комфортный для проживания и воспитания детей; студенты; с большим будущим город.	29
6.	Красивый	Красивый; прекрасный; интересный; логичный.	19
7.	Тихий	Тихий; тихий и очень замечательный; спокойный.	17
8.	Купеческий	Купеческий.	16
9.	Родной	Родной; знакомый; любимый; классный.	13
10.	Дружелюбный	Доброжелательный; доброжелательные жители; дружелюбный; душевный; гостеприимный.	7
11.	Провинциальный	Провинциальный.	11
12.	Богатый талантами	Талантливый; голосистый, спортивный.	3
13.	Город в реалиях	Шадринский гусь, Юшка Соловей, Исеть	3
14.	Негативные оценки	Необразованный; темный; местами странный; с грустным настоящим и неопределенным будущим; захолустный; серый и грустный	4

Кельдюшева. Сад был заложен в 1882 году, а в 1999 ему было присвоено современное имя.

Набережная получила нынешнее коммеморативное название в память об уроженце города, этнографе, писателе и путешественнике Константине Дмитриевиче Носилове (1858—1923) только в мае 2023 года, поэтому большинство респондентов обозначили ее просто *Набережная* или *Набе-*

режная реки Исеть. В выборе респондентами этого обозначения хорошо просматривается роль реки в символическом пространстве города.

Важным для жителей является представление о духовном наследии. Поэтому закономерно, что имя И. Д. Шадря, известного скульптора, считавшего Шадринск своим родным городом и взявшего себе псевдоним в его честь, и соответствующий урбаноним — название памятника — часто упоминаются в ответах.

Сохраняет свой высокий ценностный смысл память о Победе в Великой Отечественной войне. Соответствующие урбанонимы, в частности название *Сквер Победы*, по ответам информантов, входят в группу наиболее заметных обозначений общественных пространств. Дополняет эту тему название *Сквер Воинской славы*, которое более широко охватывает память о разных военных событиях отечественной истории.

Знаменательно возвращение в актуальное символическое пространство конфессиональных названий — имен православных храмов: *Воскресенского* и *Преображенского*, а также менее частотного в ответах *Николаевского собора*.

Информанты обращают внимание на купеческую составляющую в истории города и отмечают значимые для культурного и урбанонимического ландшафта названия старинных купеческих усадеб: *усадьба Густомесова*, *дом Фетисова*. И даже если в ответах не указываются фамилии бывших владельцев усадеб, то купеческие дома упоминаются как характерная примета шадринского архитектурного облика.

Неизменный эмоционально-оценочный отклик вызывают у жителей формы малой городской скульптуры, и соответствующие названия — артионимы — упоминаются в комментариях как свидетельства местного колорита: скульптурная композиция *«Старый город»*, изображающая купца и крестьянку, продающую гуся; жанровые скульптуры *«Шадринский гусь»*, *«Гусь с балалайкой»*, *«Так вот он какой, Шадринский гусь»* (народное название *Гусь с лаптем*), скульптура *«Царевна-лягушка»* (родиной этого сказочного персонажа считается Шадринск).

Распределение названий, которые маркируют объекты, наиболее значимые для восприятия Шадринска, показывает, что семиотически нагруженной оказывается центральная часть города с ее историческими улицами, зелеными зонами, набережной Исети, соборами с прилегающим к ним пространствами, наиболее заметными архитектурными объектами и скульптурами.

Подробные сведения о частотности упоминания шадринских локаций и их названиях размещены в таблице (табл. 2). В нее включены факты, которые оказываются в диапазоне от 59 до 11 упоминаний.

Таблица 2

Ключевые объекты городского пространства Шадринска

№ п/п	Официальное название	Вариативные обозначения в ответах респондентов (сохранена орфография источника)	Частотность упоминаний
1.	Городской сад им. М. Ф. Кельдюшева	Городской сад им. Кельдюшева; Городской сад (жаль его переделали совсем) и скульптуры Шадря рядом с ним; Городской парк.	59
2.	Набережная им. К. Д. Носилова	Набережная; Набережная Исети; Набережная реки Исеть.	52
3.	Памятник И. Д. Иванову-Шадру	На ул. Октябрьская – ул. Луначарского находится памятник скульптору И. Д. Иванову-Шадру; памятник Шадру; памятник Шадря; скульптура Ивана Шадря.	36
4.	Сквер Победы	Сквер по Комсомольской, Поскотина.	35
5.	Храм Воскресения Словущего	Воскресенский собор; Воскресенская церковь и при ней Васильевское кладбище; старое кладбище у Воскресенской церкви; храм Воскресенский (в простонародье); На Воскресенском кладбище по ул. Комсомольской расположен действующий Храм Воскресения Словущего.	31
6.	Храм Преображения Господня	Спасо-Преображенский собор.	22
7.	ул. Свердлова	Проспект Свердлова, красиво засаженный пирамидальными тополями; Аллея.	19
8.	Городской бор №1	Городской бор; лес возле детской больницы.	16
9.	Сквер Воинской славы	Сквер в честь участников гражданской войны; сквер Революции; сквер Революции и мемориал в нем.	15
10.	Памятники местным фольклорным персонажам	На ул. Гагарина расположена скульптурная композиция, изображающая купца и крестьянку, торгующую гусем; Старый город; Памятник шадринскому гусю на набережной; Гусь с балалайкой; Гусь с лаптем; скульптуры Царевне-лягушке и шадринскому гусю.	14
11.	Усадьбы	Усадьба Густомесова; усадьба купца Густомесова; дом Фетисова; дом-усадьба Фетисова; купеческие дома; старинные дома (памятники архитектуры).	12
12.	ул. Комсомольская	Комсомольская (Поскотина); ул. Комсомольская (бывшая Торговая) и на ней сквер Победы.	11
13.	Собор Николая Чудотворца	Никольский храм; Николаевский собор; Николаевская церковь; Николаевская площадь.	11

Основу любого урбанонимического ландшафта, его фундамент и главный языковой материал формируют официальные названия — те урбанонимы, что фиксируются в документах и на картах, пишутся в справочниках и на уличных табличках. Они в первую очередь обеспечивают единую, открытую и одинаковую для всех систему различения городских объектов. Однако наряду с официальными в речи горожан используются названия неофициальные, или народные. Некоторые из них существуют параллельно с официальными, переводя восприятие денотата в план экспрессивной, субъективно оценочной и эмоциональной интерпретации — шутливой, ироничной, огрубленной. Другие применяются в отношении пространственных реалий, не имеющих своих имен, но значимых для ориентации и квалификации форм физического ландшафта. В социолингвистике неофициальные урбанонимы рассматриваются как разновидность лексических регионализмов, которые отражают местные особенности языковых и речевых практик [Матвеева, 2021, с. 13—16]. Самим фактом своего появления регионализмы доказывают наличие в языке города потенциала к развертыванию территориальных словесных отличий.

В речи шадринцев бытуют подобные народные урбанонимы, и важно, что респонденты обращают на них внимание, подчеркивая, что это особое, «местные словечки», «наши местные названия». Наиболее часто упоминаются онимизированные лексемы *Увал*, *Увалы* в отношении высокого правого берега реки Исети, что свидетельствует о топографической и визуально-образной значимости локации: «Увал, он же зеленый и городу зеленых красок добавляет»; «Увал. Зимой там на санках катались»; «Отсюда панорама реки Исети открывается и Увалы».

Устойчиво соотносятся с образом Шадринска сухие возвышенности в пойме реки Исети, которые горожане называют *Рёлками*. Нужно сказать, что диалектная лексема *рёлка* известна в говорах Урала и Зауралья, она функционирует в деревенской речи как нарицательное обозначение для «возвышенности на болоте, в лесу, в поле» [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1984, с. 72]. В речи жителей Шадринска лексема, закрепившись за конкретным участком территории, прибрела индивидуализирующую, онимическую семантику.

Продолжают ряд неофициальных урбанонимов, указанных самими информантами, названия *Сковородка* (сквер возле кинотеатра «Октябрь»), *Поскотина* (улица Комсомольская: «Раньше здесь выгул был, а потом улица для молодежных прогулок, парочки друг друга выгуливали»), *Бабья Лужа* («мелкий прудик, дети туда бегали купаться»).

Анкетный вопрос не предполагал обязательного обращения к неофициальным названиям, поэтому их появление в комментариях позволяет

сделать некоторые выводы. Во-первых, сами носители языковой информации ощущают роль регионализмов в объяснении особенностей города и его пространства как обжитого, освоенного и «присвоенного» в коллективном опыте (ср.: *«так ещё наши родики это место называли, а может даже и деды с бабками»*). Во-вторых, актуализация неофициальных названий доказывает объективную неоднородность урбанонимического ландшафта, который не только организуется именами разных разрядов, но и включает обозначения, отличающиеся по своим функциональным свойствам и соотношенные с разными слоями речевой культуры города.

3.3. Названия ключевых линейных объектов Шадринска в свете выражения индивидуальности города

Отдельное внимание в интернет-опросе было уделено восприятию названий улиц (годонимов), поскольку улицы, переулки, проезды и прочие линейные объекты составляют важнейшую часть планировочной структуры, а их названия формируют большую часть урбанонимического ландшафта. Вопрос был задан в такой формулировке: «Названия каких улиц вашего города, на Ваш взгляд, отражают его характер и почему? Приведите 4—5 примеров».

Полученные данные свидетельствуют о том, что в первую очередь респонденты обращают внимание не столько на имена, сколько на пространственно-семиотическую роль самих объектов номинации. Так, в качестве наиболее значимых были выбраны улицы, расположенные в центре города, выполняющие функции магистральных, в пределах которых расположены социально важные объекты. Исключением стала *улица Михайловская*, название которой своей внутренней формой отсылает к имени архангела Михаила и к старинным названиям Шадринска — *Архангельский Шадринский городок*, *Малоархангельск*. Более подробно распределение наиболее частотных ответов и комментарии к ним даны в таблице (табл. 3).

Показательно, что для наиболее упоминаемых улиц нередко приводится историко-культурная информация. Жители указывают на прежние названия: *«Улица Комсомольская, раньше — Торговая»*; *«Улица Пионерская была Преображенской, потому что вела к Преображенскому собору»*; *«На месте улицы Свердлова была Екатеринбургская»*; *«Улица Февральская называлась Московская»*; *«Улица Кондюрина — одна из первых улиц города, где начиналась Слобода (Шадринская слобода)»*.

Многие из опрошенных сходятся во мнении, что основной массив названий улиц в Шадринске не передает местной уникальности, поскольку эти имена были созданы в советское время, они транслировали идеологические установки, единые для всей страны, и не отличаются от названий в других городах: *«Бо льшая часть названий улиц города изменена на от-*

Таблица 3

Значимые шадринские годонимы

№ п/п	Годоним	Комментарии респондентов (сохранена орфография источника)	Типизированные характеристики	Частотность упоминаний
1.	Улица Свердлова	Улица Свердлова — находится Администрация города; Свердлова, проходит через весь центр; Свердлова, ориентированность на Екатеринбург; Свердлова — главная улица; Свердлова — основная городская; улица Свердлова (Екатеринбургская) — центральная улица города, где находится пешеходная часть и тополиная аллея; ул. Свердлова — современный центр города; Свердлова — главная улица, красивые деревья; улица Свердлова — «жила» города; на месте улицы Свердлова была Екатеринбургская.	Центральное расположение, ориентированность на Екатеринбург; место размещения Администрации	44
2.	Улица Михайловская	Улица Михайловская — на ней находилась торговая площадь и ликёро-водочный завод; ул. Михайловская в честь покровителя города Архангела Михаила.	Магистральная функция, историческая связь с торговой ролью города, соответствием со старинным названием города Малоархангельск	29
3.	Улица Комсомольская	Улица Комсомольская — находится фонтан, памятник героям Великой Отечественной Войны, Комсомольская (Торговая); улица Комсомольская — раньше Торговая.	Центральное расположение, историческая связь с торговой ролью города, наличие знаковых объектов.	26
4.	Улица Ленина	Улица Ленина — парк Революции; ул. Ленина – исторический центр со старинными домами.	Центральное расположение, старинная архитектура.	17

№ п/п	Годним	Комментарий респондентов (сохранена орфография источника)	Типизированные характеристики	Частотность упоминаний
5.	Улица Кондюрина	Улица Кондюрина (Набережная) — ведёт к набережной, граничит с рекой, одна из первых улиц города, где началась Слобода; Кондюрина улица — сохранилась где-то история.	Близость к реке Исеть, связь с начальной историей города.	15
6.	Улица Февральская	Улица Февральская (Московская) — расположен городской сад, улица Февральская называлась Московская.	Центральное расположение, наличие значимых объектов	12
7.	Улица Пионерская	Улица Пионерская (ранее Преображенская) — основная улица, которая вела (-дёт) к собору; улица Пионерская была Преображенской, потому что вела к Преображенскому собору.	Связь с начальной историей города, наличие конфессиональных объектов	11

ражающие советскую действительность и является распространённым среди городов России»; «Названия большинства улиц были изменены — вряд ли названия улиц Октябрьская, Февральская, Свердлова, Пролетарская могут как-то передать характер города».

Высказываются утверждения, что характеру города больше соответствовали дореволюционные названия: *«Отражали характер города дореволюционные названия улиц (Торговая, Веселая, Рыбная); «Раньше улицы имели другие названия, и вот они бы больше отражали характер города, а теперь у нас все улицы как везде, никакой оригинальности».*

Однако, по мнению некоторых информантов, и названия советского времени могут передавать местную идентичность, трактуя ее как часть общей истории страны, в которую было вовлечено и местное сообщество. Как замечает один из респондентов, *«улица 4-го Уральского полка, улица Красноармейская, улица Февральская — все они связаны с беспокойными событиями нашей страны».* Необходимо пояснить, что Четвертый Уральский полк РККА был создан именно из добровольцев города Шадринска и его уездов [Четвертый Уральский ..., 1967, с. 2].

Отражают местную специфику и некоторые топонимические названия улиц и дорог. Исторически Шадринск развивался как город на перекрестке торговых путей, и этот «генетический код» проступает в семантике названий, передающих региональные и межрегиональные пространственные связи. Респонденты отмечают открытость Шадринска к общению с другими городами и регионами: *«Характер города отражают, например, улицы Омская, Челябинская, Курганская, Тюменская; все крупные города находятся в примерно одинаковой удаленности».*

3.4. Пути развития топонимии Шадринска: предложения жителей

Отвечая на вопрос о важности или, напротив, неважности имен пространственных объектов для восприятия особенностей города, шадринцы в целом склоняются в пользу положительного суждения: *«Думаю, что важны, чтобы у города была какая-то индивидуальность, его можно было бы чем-то выделить»;* *«Важны. Они должны помочь воспринимать город не только как часть страны, но и как город, обладающий индивидуальностью»;* *«Думаю, что да. Легче будет ориентироваться»;* *«Важны, потому что с их названиями ассоциируются общественные пространства».*

В этой связи ряд информантов предлагает вернуть часть старых дореволюционных названий, реставрируя историческую глубину урбанонимического ландшафта: *«Я бы предложила вернуть старые названия улиц»;* *«Скорее всего, я бы вернула дореволюционные названия некоторых улиц, например, Комсомольскую заменила бы на Торговую, ну и так далее»;*

«Лучше — вернуть старые названия улиц (например, улица Никольская — в честь святителя Николая, улица Преображенская); «Вернуть прежние названия, так как они отражали суть предназначения. Например, ул. Торговая — именно на этой улице сосредоточены большинство магазинов (настоящее название ул. Комсомольская)».

По мнению жителей, своеобразие города могли бы символически подчеркнуть урбанонимы:

— которые передают память о выдающихся земляках: *«Можно давать названия в честь основателей города, в честь учёных земляков, героев ВОВ и других военных компаний, в честь героев труда»; «Именами прославивших Шадринск спортсменов»;*

— содержат отсылки к местным историко-культурным реалиям: *«Нужно, чтобы названия показывали, что у нас есть интересного, какая история, чем мы можем похвалиться»;*

— показывают природно-географические особенности места: *«Они должны быть связаны с местностью, где расположен город».*

Основные номинативные темы нашли воплощение в конкретных названиях, созданных самими респондентами. Соответствующий языковой материал размещен в таблице (табл. 4).

По созданным названиям можно в определенной мере судить о том, какой видится существующая на сегодняшний день шадринская идентичность. В частности, прослеживается в номинациях поддержка природно-пейзажного образа зеленого города на берегу Исети (*Зеленая улица, Березовая роща; Лесная улица, Исетский проспект*).

Акцентируются мотивы социальной памяти как значимого компонента, объединяющего жителей в их отношении к месту с многовековой историей. Доказательством служат рекомендации присваивать названия в честь основателей города и тех, кто в разные времена прославил Шадринск своими делами. При этом любопытно, что большинство из предложенных исторических персон уже увековечены на карте города, однако шадринцы готовы топонимически усилить их общественное признание.

Неизменной для аксиологического отношения, объединяющего современных жителей Шадринска, остается тема военного подвига (*улица Победителей*). В новых урбанонимах их создатели заложили идеи ценности воспитания нового поколения (*улица Учителей; улица Наставников Парк молодежи*), отразили любовь к спорту и спортивную «жилку» города (*парк Спортивных начинаний, улица Спортивная*) и тем самым высветили образ будущего и тему развития.

В перечне предлагаемых новых названий, на наш взгляд, весьма достойных и целесообразных, с особой яркостью прозвучала креативная

Таблица 4

Предлагаемые урбанизмы

№ п/п	Урбанизмы, предложенные респондентами в ходе опроса (сохранена орфография источника)	Мотивировка новых названий	Всего
1.	Улица Бирокова; улица Бронникова; улица Здобнова; улица Кельдошева; улица Лещева; улица Малечкина; улица Мальцева; улица Носилова; улица Первушина (2 предложения); улица Ф. А. Соснина; улица Шадра; улица Мамина-Сибиряка (не уроженец города, но знаковая фигура Урала).	Посвящение отдельным выдающимся людям	13
2.	Улица Учителей; Наставников улица; Победителей улица; Парк молодежи.	Посвящение социальным группам	4
3.	Исетский проспект; Зеленая ул. (2 предложения); Березовая роща; Цветной бульвар; Лесная улица; Просторная улица (для улицы, расположенной в «степи» Северного посёлка); Жемчужина Зауралья парк (так как в округе города находятся источники с целебной минеральной водой).	Отражение природных реалий и ландшафтно-пейзажных особенностей	8
4.	Парк Спортивных начинаний (для спортивной площадки в бору); улица Спортивная (где больше спортивных объектов).	Связь со спортом как значимым социальным явлением	2
5.	Малоархангельская площадь; Соборная площадь; Кулеческая улица; улица Шадринского гуся; Торговая улица; Никольская улица. Преображенская улица.	Соотнесенность с местными культурно-историческими реалиями (включая старые дореволюционные названия)	7
6.	Улица 80 лет атомной промышленности.	Напоминание о юбилейных событиях	1

номинация *улица Шадринского гуся*, удачно соединившая фольклорный образ и современную топонимическую форму. Необычное, но, безусловно, показывающее шадринскую индивидуальность, оно могло бы украсить один из новых объектов города.

В целом можно констатировать, что полученный языковой материал полезен для внедрения в официальные топонимические практики Шадринска.

4. Заключение = Conclusions

Территориальная идентичность во многом складывается за счет самоопределения и рефлексии жителей, поэтому изучение топонимической репрезентации этого феномена требует использования социологических и социолингвистических методов. Апробированный в данном исследовании интернет-опрос с заданными географическими параметрами (жители города Шадринска) и заданными направлениями для размышления (символическая роль урбанонимии), на наш взгляд, доказал свою уместность.

Подобная анкета как инструмент замеров топонимического отражения территориальной идентичности может быть экстраполирована на другие города. При этом нужно полагать, что в значительной мере объективность информации будет зависеть от выборки респондентов. В нашем опыте выборку можно считать репрезентативной как по количественному, так и по качественному показателям: подавляющее число респондентов — люди с высшим образованием, долгое время живущие в Шадринске, неравнодушно относящиеся к его истории, настоящему и будущему.

Опрос позволил выяснить ключевые характеристики в образе города, каким его представляют и ощущают сами жители. Рекомендуемые информантами номинативные решения для корректировки урбанонимического ландшафта показывают запросы на реконструкцию его исторической глубины, а также интерес к дальнейшей топонимической репрезентации местной самобытности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Бритвин А. М. Город Шадринск в поисках бренда / А. М. Бритвин // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 22—24.

2. *Галактионова Н. А.* Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) / Н. А. Галактионова // Регионоведение. — 2016. — № 1 (94). — С. 152—163.

3. *Головнева Е. В.* Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона) : диссертация ... доктора филологических наук / Е. В. Головнева. — Екатеринбург, 2018. — 339 с.

4. *Голомидова М. В.* Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 144—173. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019.

5. *Закожурникова Ю. В.* Хлебный рынок города Шадринска в XIX — начале XX в. / Ю. В. Закожурникова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2009. — № 4 (8). — С. 13—16.

Иванов А. В. Хребет России / А. В. Иванов. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — 269 с.

6. *Матвеева И. В.* Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / И. В. Матвеева. — Архангельск, 2021. — 26 с.

7. *Полюшкевич П. О.* Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске / П. О. Полюшкевич // Социология. — 2019. — № 2. — С. 250—256.

8. *Разумов Р. В.* Трансляция региональной идентичности в урбанизации российских городов : современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 201—219. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024.

9. *Словарь русских говоров Среднего Урала* / авт.-сост. А. В. Волоскова и др. — Свердловск : УрГУ, 1984. — Т. 5. Пристановье — Скалянка. — 142 с.

10. *Смирнова Н. А.* Региональная идентичность в условиях современного российского общества : диссертация ... кандидата социологических наук / Н. А. Смирнова. — Волгоград, 2004. — 188 с.

11. *Стрелецкий В. Н.* Культурно-ландшафтные исследования за рубежом : национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Псковский регионоведческий журнал. — 2020. — № 3 (43). — С. 73—91.

12. *Уральская историческая энциклопедия* / ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. — 640 с. — ISBN 5-7691-0795-2.

13. *Четвертый Уральский ...* : документальная повесть / А. Дубасов, И. Вырышев, Н. Попов, П. Стариков. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1967. — 160 с.

14. *Capello R.* Interpreting and Understanding Territorial Identity / R. Capello // Regional Science Policy and Practice. — 2019. — Vol. 11, № 1. — P. 141—158. — DOI: 10.1111/rsp3.12166.

15. *David J.* Názvy míst. Paměť, identita, kulturní dědictví / J. David, P. Mácha. — Ostrava : Ostravská univerzita, 2014. — 240 s.

16. *Felecan O.* Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities / O. Felecan // Transylvanian Review. — 2015. — Vol. XXIV, Supplement nr. 1. Regionalization in Globalization. — P. 229—244.

17. *Golomidova M.* Municipal Toponymic Policy as a Tool For Translation Of Regional Identity: A Case Of Modern Kazan (Russia) / M. Golomidova // Journal of Geography, Politics and Society. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 42.

18. Hummon D. M. Community Attachment: Local Sentiment and Sense of Place / D. M. Hummon // *Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research* / I. Altman, S. Low. (eds.). — New York : Plenum Press, 1992. — Pp. 253—278.
19. Paasi A. Place and region: regional identity in question / A. Paasi // *Progress in Human Geography*. — 2003. — Vol. 27, №. 4. — P. 475—485.
20. Tuan Y. F. *Topophilia* / Y. F. Tuan. — New York : Columbia University Press, 1990. — 260 p.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

References

- Alekseev, V. V. (ed.). (2000). *Ural Historical Encyclopedia*. Yekaterinburg: Akademkniga; Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 640 p. ISBN 5-7691-0795-2. (In Russ.).
- Britvin, A. M. (2013). The city of Shadrinsk in search of a brand. In: *Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects*. Yekaterinburg: UrFU. 22—24. (In Russ.).
- Capello, R. (2019.). Interpreting and Understanding Territorial Identity. *Regional Science Policy and Practice*, 11 (1): 141—158. DOI: 10.1111/rsp3.12166.
- David, J., Mácha, P. (2014). *Place names. Memory, identity, cultural heritage*. Ostrava: University of Ostrava. 240 p. (In Czech.)
- Dubasov, A., Vyryshev, I., Popov, N., Starikov, P. (1967). *The Fourth Ural...: a documentary story*. Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House. 160 p. (In Russ.).
- Felecan, O. (2015). Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities. *Transylvanian Review, XXIV (1) Regionalization in Globalization*: 229—244.
- Galaktionova, N. A. (2016). Sociocultural image of the region through the prism of toponymic policy (the case of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionalology*, 1 (94): 152—163. (In Russ.).
- Golomidova, M. (2020). Municipal Toponymic Policy as a Tool For Translation Of Regional Identity: A Case Of Modern Kazan (Russia). *Journal of Geography, Politics and Society*, 10 (3): 42.
- Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). Reflection of territorial identity in the toponymic landscape of small cities of the Urals. *Questions of onomastics*, 20 (2): 144—173. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. *Construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region)*: Doct. Diss. Yekaterinburg, 2018. 339 p. (In Russ.).
- Hummon, D. M. (1992). Community Attachment: Local Sentiment and Sense of Place. In: I. Altman, S. Low. (eds.). *Human Behavior and Environments: Advances in Theory and Research*. New York: Plenum Press. 253—278.
- Ivanov, A. V. (2010). *Ridge of Russia*. St. Petersburg: ABC-classics. 269 p. (In Russ.).
- Matveeva, I. V. *Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation (based on the vocabulary of Novosibirsk)*: author's abstract of PhD Diss. Arkhangelsk, 2021. 26 p. (In Russ.).

- Paasi, A. (2003). Place and region: regional identity in question. *Progress in Human Geography*, 27(4): 475—485.
- Polyushkevich, P. O. (2019). Territorial identity and problems of toponymy in Irkutsk. *Sociology*, 2: 250—256. (In Russ.).
- Razumov, R. V., Goryaev, S. O. (2020). Translation of regional identity in the urbanonymy of Russian cities: current state. *Questions of onomastics*, 17 (2): 201—219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. (In Russ.).
- Smirnova, N. A. *Regional identity in the conditions of modern Russian society*: PhD. Diss. Volgograd, 2004. 188 p. (In Russ.).
- Streletsky, V. N. (2020). Cultural and landscape studies abroad: national traditions and scientific schools in world cultural geography. *Pskov Regionalological Journal*, 3 (43): 73—91. (In Russ.).
- Tuan, Y. F. (1990) *Topophilia*. New York: Columbia University Press. 260 p.
- Voloskova, A. V. (ed.). et al (1984). *Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals, 5. Pristanovye — Skalyanka*. Sverdlovsk: Ural State University. 142 p. (In Russ.).
- Zakozhurnikova, Yu. V. (2009). Bread market of the city of Shadrinsk in the 19th — early 20th centuries. *Bulletin of Tomsk State University. Story*, 4 (8): 13—16. (In Russ.).

*The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*

Информация для цитирования:

Иванова Н. И. Языковая дистрибуция в семейном общении саха : традиции и инновации / Н. И. Иванова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 49—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67.

Ivanova, N. I. (2023). Language Distribution in Sakha Family Communication: Traditions and Innovations. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 49-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67

**Языковая дистрибуция
в семейном общении саха:
традиции и инновации**

Иванова Нина Иннокентьевна^{1,2}
orcid.org/0000-0003-3064-0175

доктор филологических наук,
¹ведущий научный сотрудник центра
социолингвистических исследований;

²главный научный сотрудник
международной научно-
исследовательской лаборатории
«Лингвистическая экология Арктики»
haar-haar@mail.ru

¹Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

²Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках работы по проектам:
«Якутский язык: систематизация единиц разного
уровня для формального представления
лингвистических данных» (2021—2023 годы)
в рамках выполнения Программы Сибирского
отделения РАН «Разработка современных
лингвистических теорий и их приложений
для описания языковых систем и изучения
активных процессов в языках мира» и научного
проекта «Сохранение языкового и культурного
многообразия и устойчивое развитие Арктики
и Субарктики Российской Федерации» (грант
правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

**Language Distribution in Sakha
Family Communication: Traditions
and Innovations**

Nina I. Ivanova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3064-0175

Doctor of Philology,
¹Leading Researcher,
Center for Sociolinguistic Research;
²Chief Researcher, International
Research Laboratory
“Linguistic Ecology of the Arctic”
haar-haar@mail.ru

¹The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

²M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework
of work on projects: “Yakut language: systematization
of units of different levels for formal representation
of linguistic data” (2021—2023) as part of the
implementation of the Siberian Branch of RAS
Program “Development of modern linguistic theories
and their applications for describing language systems
and studying active processes in world languages”
and scientific project “Preservation of Linguistic and
Cultural Diversity and Sustainable Development
of the Arctic and Subarctic Zones of the Russian
Federation” (RF Government Grant, Agreement
№ 075-15-2021-616)

© Иванова Н. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется проблема воспроизводства этнического языка в семейном общении саха в условиях трансформационных тенденций в развитии городской семьи, характерных для эпохи индустриализации. В рамках междисциплинарного подхода на материале социолингвистических опросов в 2007, 2014, 2021 годов ставится цель установить динамические изменения в функционировании родного (этнического) языка в сфере семейного общения сельских и городских саха. Выяснено, что этническая функция якутского языка актуальна лишь для половины городских семей саха (52,1 %) и для 89,2 % сельских саха. В контексте общей социальной трансформации института семьи основные итоги отличаются в целом сокращением объема общения с детьми в повседневной коммуникации; сокращением пространства межпоколенческого семейного общения на этническом языке (общении бабушек с внуками), незначительным ростом объема общения родителей с детьми. Социальная функция этнического языка в сельской семейной коммуникации благодаря относительной моноэтничности, географической удаленности остается стабильной, но внедрение цифровизации в языковую повседневность обуславливает случаи перехода детей младшего возраста на другой язык.

Ключевые слова:

якутский язык; этнический язык; семейное общение; языковая дистрибуция; воспроизводство языка; якутский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the issue of language reproduction in family communication among the Yakut people in the context of transformational tendencies in the development of urban families during the industrialization era. Using a multidisciplinary approach and sociolinguistic surveys conducted in 2007, 2014, and 2021, the study aims to identify dynamic changes in the functioning of the native (ethnic) language in family communication among rural and urban Yakut people. The results show that the ethnic function of the Yakut language is relevant only for half of urban Yakut families (52.1%) and 89.2% of rural Yakut families. In the context of general social transformation of the family institution, the main findings indicate a reduction in the volume of communication with children in everyday communication, a decrease in intergenerational family communication space on the ethnic language (grandmothers communicating with grandchildren), and a slight increase in parental communication with children. The social function of the ethnic language in rural family communication remains stable due to relative mono-ethnicity and geographical remoteness, but the introduction of digitization into everyday language use leads to cases of younger children switching to another language.

Key words:

Yakut language; ethnic language; family communication; language distribution; language reproduction; Yakut language.

УДК 811.512.157'272::392.3+81'26::316.356.2

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации

© Иванова Н. И., 2023

1. Введение = Introduction

Аксиология семейных ценностей, как извечная проблема общества в целом, так и каждого человека в частности, становится остро актуальной в условиях размывания культурных, языковых различий народов. В предыдущих наших работах о распределении социальных функций якутского и русского языков в семейном общении мы сконцентрировали внимание на таких проблемах, как межпоколенческая трансляция якутского языка с учетом сопоставительного аспекта — сравнения результатов опросов 2007 и 2014 года, и в первую очередь нас интересовал характер языковых установок в межэтнических семьях [Иванова, 2013, с. 94—101].

В данном исследовании расширяется география социолингвистических опросов за счет городов, районных центров, а также малых, практически моноэтнических якутских сел, привлекается дополнительный материал массового социолингвистического опроса, проведенного в 2021 году, в связи с чем увеличивается охват динамических процессов.

Объектом нашего исследования являются особенности функционирования якутского языка в сфере семейного общения в период с 2007 по 2021 годы как одного из основных компонентов языковой ситуации в республике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обзор работ, посвященных исследованию языковой ситуации либо ее компонентов (этноязыковой самоидентификации, языковой компетенции, речевого поведения и т. д.) в арктических и сопредельных с ним районах Якутии, дает возможность установить связи между идеями, теориями, стратегиями и их практическим применением.

Среди них весьма интересной, определяющей контекст исследуемой нами проблемы является статья М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой [Абрамова и др., 2012]. Исследователями на основе результатов социологических опросов, проведенных в 2006—2011 годах, были выделены социокультур-

ные факторы, детерминирующие этносоциальные процессы в республиках Хакасия, Саха, Тыва, Алтай. Достаточно нова авторская интерпретация степени значимости составляющих этнической идентификации, которые актуализируются при проживании на территории своих предков. Поэтому для саха и для коренных малочисленных народов Севера, проживающих на своих исконных территориях, важно осознавать себя представителями своего этноса, в то время как русские и другие народы, опрошенные в ходе исследования, «осознают себя входящими в более крупное образование под названием Россия с ее длительной историей полиэтничности и потому сама этническая самоидентификация по сравнению с гражданской менее значима для них» [Там же, с. 48].

Стратегии сохранения культурно-языкового наследия коренных народов Якутии, предназначенные для воплощения в образовательных и культурных практиках, были предложены и разработаны в ходе форсайт-исследования В. С. Ефимовым и А. В. Лаптевой [Ефимов и др., 2014]. Так, комплексные масштабные исследования в начале XXI века показали, что ядро культуры саха актуализируется в сакрализации природы, родной земли; света и тепла, поддерживающих жизнь; ценности рода, семьи, человеческой общности, жилища; ценности мастерства, умения [Там же]. По прошествии 10 лет со времени разработки данной стратегии можем отметить, что внешние факторы не позволили полностью использовать «окно возможностей» до 2020 года и применить стратегии для развертывания, в особенности, образовательных практик, обеспечивающих воспроизводство языка.

Унифицирующие, стандартизирующие процессы культурной глобализации воздействуют и на традиционные семейные ценности. Как отмечает И. И. Подойницына, при значимой доле участия семьи в сохранении традиционной культуры на более конкретный вопрос «Что позитивного, на Ваш взгляд, несут брак и семья?» лишь 19 % сказали о сохранении национальных традиций и всего 7 % упомянули о формировании в семье национальной идентичности [Подойницына, 2012, с. 175]. В то же время в ряде исследований подтверждается доминирование ценностей личной жизни, семьи и детей в рейтинге жизненных ценностей саха: из 640 якуток в возрасте от 18 до 49 лет 83 % свое жизненное благополучие связывают именно с семьей и детьми [Сукнева и др., 2016; Республика Саха ..., 2014].

В этносоциологическом исследовании, проведенном в 2011 году в Якутии [Ефимов и др., 2015], его авторы, основываясь на количественных данных о выраженности ассимиляционных процессов, происходящих среди трех поколенческих групп коренных жителей республики (жителей сел, горожан в первом и втором поколениях), подтверждают свою гипотезу о том, что урбанизация сопровождается значимыми социально-демографи-

ческими и социально-культурными изменениями, несущими риски и для демографического воспроизводства якутского этноса, и для его воспроизводства как культурно-языковой общности. По нашим данным 2014 года, коррелирующим со временем проведения исследования В. С. Ефимовым, А. В. Лаптевой, Е. И. Михайловой, была установлена поэтапность в речевом поведении сельско-городских мигрантов саха, адаптирующихся к условиям городского коммуникативного пространства. Более того — было выявлено, что речевое поведение коренных горожан саха также подвергается изменению в связи с трансформацией речевой среды и повышением их национального самосознания.

Одной из наиболее актуальных тем современного периода — билингвальному образованию — посвящена статья Л. Д. Старостиной [Старостина, 2016]. Установленная корреляция языковой компетенции, речевого поведения детей в семье, школе, дошкольном учреждении, их возраста позволила автору вывести определенные закономерности, сложившиеся в современных условиях: «официальное» использование родного языка в школьном образовании (обучение на родном языке, изучение родного языка) способствует расширению границ употребляемости якутского языка младшими школьниками саха» [Там же, с. 103], при этом исследование предпочтений респондентов-детей выявило их ориентации на билингвизм и русский язык, языковые установки детей и их родителей. Так, автором установлен факт того, что треть родителей детей саха, изучающих в школе родной язык как предмет и обучающихся на русском языке, не считают первостепенно важным знание родного языка. В целом автор на конкретных фактах доказывает неустойчивый характер билингвизма, имеющего потенциал перехода в русскоязычный монолингвизм.

Важность школьного обучения на языках недоминирующих языков в восстановлении их функций актуализирована в работе исследователей, сравнивших функционирование эвенского и саамского языков в с. Тополином республики Саха и коммуне Гуовдагайну, административной единице Норвегии [Йон, 2016]. Вопреки существующей точке зрения о прямой корреляции жизнеспособности миноритарных языков и традиционного вида хозяйствования, в данном случае оленеводства, авторы представили материал, свидетельствующий о достаточном функциональном статусе саамского языка и для тех, кто не занят в оленеводстве. В Гуовдагайну саамский язык имеет широкое применение, чему способствует школьное обучение на саамском языке.

В статье «Выявление и решение актуальных вопросов социального развития молодых семей, ведущих кочевой образ жизни» [Баишева, 2020] авторы среди проблем социально-экономического характера выделяют проблему утраты эвенского языка, при этом отмечают, что «многоречное

совместное проживание с якутами и изучением в детсадах, школах якутского привели к исчезновению родного эвенского языка. И большинство эвенов родным языком считают якутский» [Там же, с. 613]. Однако во внушительном перечне рекомендаций не предложено вариантов решения данной проблемы, одним из основных факторов возникновения которой выступает собственно структура кочевой семьи, разделяющей место проживания детей — в поселках, родителей — в кочевьях, в результате чего снижается роль семьи в передаче этнического языка.

А. В. Иванова заостряет внимание на благоприятных возможностях билингвизма [Иванова, 2021]. При создании речевого портрета, отражающего уникальную картину детского речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях, ею используется комплексный подход с привлечением социально-психологических характеристик, описания речевых уровней владения устной и письменной речью и особенностей речевого общения в семье, школе, с друзьями.

С позиции лингвистической экологии изучает языки коренных народов Севера М. И. Кысылбаикова: исследование языков в двух населенных пунктах Анабарского улуса выявило сложные типы дву- и многоязычия, кодовые переключения [Кысылбаикова, 2022].

Поместив обзор работ во временной контекст, мы получаем логическое обоснование значимости проблемы, ставшей предметом нашего исследования.

Мы поставили *цель* установить динамические изменения в функционировании родного (этнического) языка в сфере семейного общения у сельских и городских саха в период с 2007 по 2021 годы в контексте общей социокультурной ситуации, в том числе трансформации института семьи.

В настоящей статье использованы данные социолингвистического опроса, который был проведен в 2021 году в г. Якутске среди этнических саха (n=419), а также в улусах республики, входящих в центральную, северо-западную (вилуйскую), северную группу улусов республики в 2021—2022 годах. Для сопоставления приводятся данные мониторинга в отношении языковых установок респондентов-саха, проведенного автором в г. Якутске в 2007, 2014 годах. Особенности процесса межпоколенческой передачи якутского языка выявлены на материале социолингвистических опросов респондентов саха в четырех объектах (городах, селах — районных центрах), отобранных по этнодемографическому критерию (моноэтничные, полиэтничные, этноконтактные с представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в арктической зоне) в западной, северной и центральной группе улусов и столице республики. Таким образом, охватываются саха, проживающие в гг. Якутске, Вилуйске, Средне-

колымске, районном центре — с. Чурапча и малых селах: Чай, Кытаанах, Налымск.

Столица республики, город Якутск, отличается полиэтничностью. В нем и его пригородах на 16.06.2023 г. проживает 372 928 человек 103-х различных национальностей, в том числе 147 532 саха, что составляет 39,5 % всего населения г. Якутска; русских — 65 747 человек, составляющих 17 % всех проживающих. В полиэтничном Вилюйском улусе все население составляет 25 104 человека, представляющих 35 национальностей, в том числе 21 819 (86 %) саха и 2273 (9 %) русских. Городское население саха составляет 10 063 человека, сельское — 11 756. В Среднеколымском улусе проживает всего 6805 человек 25-ти этнических групп, из них саха составляет 5427 (79 %) человек, русских — 669 человек (9 %). Городское население саха насчитывает 2167 человек, сельское — 3260. В отличие от Вилюйского улуса, где доля русских также равна 9 %, в Среднеколымском улусе русские в основном проживают в г. Среднеколымске, а в Вилюйском улусе значительная часть русских и представителей других национальностей проживает в промышленном поселке Кысыл-Сыр. Практически моноэтничное население Чурапчинского улуса составляет 22 006 человек 19-ти различных национальностей, в том числе 21 603 (98 %) саха и 34 (0,1 %) русских. Всего в Чурапчинском улусе проживают 10 235 человек, в Сыланском — 1099, в Кытаанахском — 525.

Таким образом, в фокусе нашего внимания оказываются практически моноэтничный Чурапчинский улус, где 98 % составляют саха; улусы с доминирующим населением саха — Вилюйский (86 %) и Среднеколымский (79 %) и полиэтничный г. Якутск, где саха составляют 39,5 %.

Каждый этап нашего социолингвистического мониторинга, безусловно, представляет новые данные. Результаты исследования 2021 года содержат данные не только по городу Якутску, но и по республике, распределенные по зонам проживания саха.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2008 года

Анализ данных наших опросов, а также результатов опросов, проведенных нашими коллегами, позволяет проследить ведущие тренды в сфере семейного общения. Изменения баланса языков в г. Якутске за 20 лет можно представить на достаточно локальных фактах. Если в 80-е годы [Аргунова, 1992] лишь 52 % родителей саха с высшим образованием общались с детьми на родном якутском языке, то в 2008 году их доля составила 85 %. Также известно, что 78 % молодежи 16—19 лет разговаривала

в семье только на родном языке [Дьяконова, 1988], а в 2008 году, по нашим данным, 87,1 % молодых людей 16—25 лет общались на родном языке. 20-летний период, ознаменовавшийся кардинальными изменениями в политической и экономической жизни государства, был отмечен не только исключительным повышением национального самосознания, но и лавинообразной массовой сельско-городской миграцией, что непременно отразилось на языке и показало жизнестойкость якутского языка.

В 2008 году в г. Якутске этнический язык являлся транслятором межпоколенного общения с бабушкой, дедушкой, его объем колебался от 60 % (преимущественно на якутском) до 87,6 % (на якутском языке). В межпоколенном общении с родителями его доля составила от 66,7 до 80,6 %. В супружеском общении, в частности у молодых супругов до 36 лет, оно сокращается до 55—72,7 %, и вполне закономерно оно уже существенно ограничивается в общении с детьми (41,7—72,9 %). Доля общения на смешанном русско-якутском двуязычии возрастает, и, в целом, двуязычие по сравнению с ситуацией в 1980-е годы замещается семейным общением на родном языке.

Включенность русского языка в семейное общение детерминирована производственной деятельностью: если у супругов до 50 лет его объем составлял 29—34,7 %, то у более возрастной пары составляет 13,6—18,2 %. По завершении активного общения на работе, которое осуществлялось, как правило, на русском языке, актуализируется родной (этнический) язык.

В сельской семье поддерживается на 100 % кросскультурное общение, на 97,3 % — межпоколенное с детьми, на 96,9 % — межпоколенное с родителями, на 96,4 % — внутривозрастное и на 95,7 % — с родственниками. Если в 80-е годы уровень использования русского языка в сельских семьях был высок в семьях, где родителям по 30—40 лет, то в 2008 году максимум его выявляется в возрасте 26—35 лет, а далее идет снижение.

3.2. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2014 года

Опрос 2014 года в г. Якутске выявил, что дети первого поколения участников массового переселения в город составляли социальную базу якутского языка и их половина свободно владела родным языком. Но в то же время объем общения на якутском языке примерно был равнозначен объему общения респондентов старше 50 лет, то есть был выше, чем в двух средних возрастных группах. Диапазон использования родного языка молодежью 16—25 лет в условиях города значился от 3,1 % в сфере услуг и в официальных учреждениях до 73,3 % в ситуации «дома», что, на наш взгляд, показывало совершенное отсутствие условий для развития языка в первых двух сферах и хорошие «домашние» позиции. На тот момент у носителей языка среднего возраста 26—35 и 36—50 лет, реальных

родителей, имеющих детей дошкольного, школьного возраста и студентов, а также имеющих бабушек и дедушек, притом, что немаловажно, выступающих посредниками между старшим и младшим поколением, в общении с представителями старшего поколения был высок удельный вес родного языка: 90,2—86,1 %, который, однако, убывал в общении с детьми (68,8—72,7 %), ослабляя трансляцию языковых навыков.

На наш взгляд, воздействие экстралингвистических факторов на функционирование якутского языка стало наиболее значительно проявляться в 2008—2014 годы. Внедрение компьютеризации, цифровизации в повседневную реальность, усиление позиций русского языка в сфере образования, внедрение в образовательную систему ЕГЭ и другие факторы привнесли необратимые последствия в социокультурную ситуацию недоминирующих народов РФ. При этом массовая сельско-городская миграция не была своевременно обеспечена социальной инфраструктурой; недостаток школ, детских садов с этнокультурным видом образования и сегодня остается острой проблемой [Иванова, 2022, с. 129]. В итоге наблюдаем нисходящие тенденции в использовании якутского языка в семейном общении среди сельских саха, обусловленные нарастающей вариативностью этнической и языковой гомогенности, что неизбежно, и умеренный рост этнической функции якутского языка в городе.

В условиях города, как мы писали выше, процесс утраты языков имеет нелинейный характер. Языковая дистрибуция семейного общения городских якутов детерминирована временем проживания в городе и установок социализации. «В их среде в семейном общении в целом преобладает якутский язык, но при этом установлена следующая дифференциация: если коренные горожане говорят на русском языке, то среди саха — участников сельско-городской миграции прослеживается вариативность речевого поведения: они приезжают в город с родным языком, но в период адаптации к городским условиям доля его использования незначительно сокращается, а по прошествии примерно 10 лет постепенно восстанавливается. Доля общения на русском языке также имеет прямую зависимость от продолжительности проживания в условиях города: чем дольше саха проживает в городе, тем больше русского языка в его языковой компетенции, но при этом объем русского языка намного меньше. В ходе опроса об общении только на русском языке заявили от 2,8 до 16,7 % респондентов, преимущественно на русском — от 4,9 до 29,3 % [Иванова, 2022, с. 91—92].

Таким образом, согласно опросам, проведенным в 2014 году, семейное общение в г. Якутске происходило на русском и якутском языком. Тенденция к смешанной речи наблюдалась у молодежи и в кросспоколенном общении. В сельской местности зафиксирована тенденция к сокращению

использования якутского языка в семье на 10 % вследствие ослабления этнической либо языковой гомогенности населения и под влиянием ряда экстралингвистических факторов; этносоциальная функция родного языка в семейном общении селян в целом оставалась устойчивой.

3.3. Этносоциальная функция якутского языка по данным опроса 2021 года

Особенности демографического состояния отразились на языке общения с детьми и между супругами, что нашло подтверждение в снижении числа ответов на данные вопросы: в первом случае 25,6 % не выразили своего мнения, а это больше 11 % школьников, участвовавших в опросе; во втором случае не ответили 32,3 % респондентов. Следовательно, можно предположить, что семейное общение с детьми и между супругами сократилось за счет ориентаций молодежи на малодетность, отложенное родительство, толерантность к корпусу семейных обязанностей, равенство прав и возможностей при сохранении высокой ценности семьи [Вовк, 2007, Зверева и др., 2010, Белинская, 2018, Гурко, 2019], о чем свидетельствует и республиканская статистика.

При этом на 5,3 % активнее стала этническая коммуникация с родителями и в то же время на 7,8 % сократилась коммуникация на родном языке с бабушками и дедушками. Обнаружен данный тренд и в г. Вилюйске. Новое явление, очевидно, связано с модернизацией социального поведения бабушек, которое в последнее время все чаще становится объектом социологических, психологических работ [Курамшев и др., 2011; Арутюнян, 2012; Короленко, 2018].

М. Ю. Арутюнян [Арутюнян, 2012, с. 76—85] рассматривает изменения современного «социального института бабушек» в социально-психологическом аспекте. Согласно выводам ученого, в недавнем прошлом роль бабушек была такова, что они наряду с системами общественного воспитания выступали в качестве основной «взращающей» и воспитательной единицы, иными словами, если раньше бабушка могла быть «заместителем мамы», то сегодня это скорее «дополнительная» функция.

Таким образом, на языковую практику в семейной коммуникации влияют интенции родителей и старших родственников (в частности, бабушек) по замещению воспитательных функций бабушек родительскими, в результате чего: 1) сокращается передача языковых навыков, умений внукам от бабушек, 2) этнический язык от родителей детям передается более упрощенный, трансформированный на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях, так как по результатам нашего мониторинга прослеживается тенденция возрастания пассивных навыков во владении этническим языком от более старшего поколения к более молодому возрасту.

В сельской местности на примере с. Чай Вилюйского улуса, в котором проводится социалингвистический мониторинг с 2007 года, можно проследить следующие тенденции. Все респонденты с детьми и семейные пары в основном общаются на родном (этническом) языке. Молодые респонденты, в том числе школьники старших классов, с родителями общаются в основном на родном языке, но присутствует и незначительная двуязычная коммуникация (4,9 %). Современная демографическая ситуация в малых селах отличается «старением» населения, по сравнению с 2007 и 2014 годами практически нет респондентов 19—25 лет, и данный факт способствует устойчивости семейного общения на родном языке среди населения старше 16 лет в малых селах. И в то же время у детей дошкольного и младшего школьного возраста наблюдаются случаи языкового сдвига, в том числе и в с. Чай. Каждый случай языкового сдвига имеет социальную обусловленность. В первом случае семья с двумя детьми выехала в русскоязычный город в южной Якутии на лечение старшего ребенка. По возвращении в родное село через 8 лет младшая девочка почти не говорила по-якутски, привычным языком общения для нее стал русский язык. Перешла на якутский язык с односельчанами только через три года. Второй случай произошел в молодой семье в разгар пандемии коронавируса: мальчик рос в якутоязычной семье саха, поэтому первый язык у него якутский, его старший брат хорошо говорит по-якутски, бабушка и дедушка живут рядом, в соседнем доме. В разгар пандемии сельских школьников, как и всех прочих, перевели на дистанционное обучение. Беременную третьим ребенком молодую маму госпитализировали по медицинским показаниям. Оставшись с двумя сыновьями, молодой отец больше времени стал уделять старшему сыну, помогая адаптироваться к новому режиму обучения, а младшему сыну 4-х лет вручил мобильный телефон с возможностью подключения Интернета. За 1 месяц, пока мама находилась в больнице, мальчик полностью перешел на русский язык, при этом русский язык, на котором говорит, он называет «мой язык», а якутский язык, на котором говорит вся семья, — «ваш язык». За время 1,5-часового общения с мальчиком нами было зафиксировано всего 4 слова (глагола) на якутском языке. В данное время мальчик учится во II-м классе, объем воспроизведения якутского языка им за счет школьных уроков незначительно, но увеличился, но вне уроков его функциональным языком остается русский язык. Мальчик по характеру доброжелательный, активный, любознательный, общительный.

Таким образом, развитие гаджетизации детско-родительских отношений, ранний свободный доступ детей в Интернет становятся факторами, препятствующими воспроизводству этнического языка. Сегодня в малых селах многоэтнических улусов зафиксировано до 6,8 % детей саха с языковым сдвигом.

Далее в таблице представим дифференциацию языков в семейной коммуникации полиэтнического г. Якутска, практически моноэтнического Чурапчинского улуса (районный центр с. Чурапча, малое село Кытаанах), представляющего центральную группу улусов; улусов с доминирующим населением саха — Вилюйского улуса (районный центр г. Вилюйск, малое село Чай), представляющего вилюйскую (северо-западную) группу, и Среднеколымского улуса (районный центр г. Среднеколымск, малое село Налымск), представляющего северную (арктическую) группу (табл.).

Очевидно, что сохранность социальной функции этнического языка в семейной коммуникации наиболее стабильна в моноэтнических сообществах, при этом по-прежнему моноэтничность, деурбанизированность, географическая удаленность (с. Налымск Среднеколымского улуса, с. Кытаанах Чурапчинского улуса) населенного пункта являются определяющими факторами.

Общение с детьми на родном языке варьируется от 44,7 % в г. Среднеколымске до 93,4 % в с. Кытаанах Чурапчинского улуса. 25 % якутского населения в г. Среднеколымске общаются со своими детьми на русском языке, 22 % общения между супругами также осуществляется на русском языке. В отличие от г. Среднеколымска в г. Вилюйске, где так же, но компактно, в основном в п. Кысыл-Сыр, проживает 9 % русских, русскоязычное общение с детьми практически отсутствует или имеется весьма локально. Таким образом, фактор дисперсности / компактности проживания русского (русскоязычного) населения, влияющий на наличие межнациональных браков, становится также одним из факторов языкового воспроизводства. Необходимо отметить, что весьма устойчивы в сообществах сложившиеся стереотипы общения: вероятно, в г. Среднеколымске они сильны со времен доминирования русскоязычного общения.

Вилюйский улус в ряду всей группы вилюйских улусов имеет в силу полиэтничности особую языковую ситуацию. Активное двуязычие в улусе обусловлено индустриальной составляющей — наличием рабочего поселка Кысыл-Сыр, основанного в 1961 году, промышленность которого представлена градообразующими предприятиями ПАО «Якутская топливно-энергетическая компания» и АО «Сахатранснефтегаз», а также исторически — город Вилюйск один из старейших городов северо-востока Азии и Дальнего Востока, основанный русскими казаками в 1634 году. Вместе с тем до недавнего времени большое социокультурное значение в городе и в целом по республике имела кузница учительских кадров — педагогическое училище имени Н. Г. Чернышевского, сильно своими этнокультурными традициями, основателями, выпускниками.

В республике среди саха распространено массовое якутско-русское двуязычие. В связи с этим необходимо обратить внимание на социолингви-

Таблица

Выбор языка общения в семейной коммуникации в зависимости от урбанизированности, моноэтничности / полиэтничности (2021)

Ситуация общения	Варианты использования языков	г. Якутск	Вилуйский улус,	Вилуйский улус,	С. Чай	г. Нюра	Чурапчинский улус	Чурапчинский улус,	с. Кытанах	Среднеколымский улус,	Среднеколымский улус,	Среднеколымский улус,	с. Налимск
Общение с детьми	На якутском языке	52,1	60,5	89,2	89,4	85,7	93,4	44,2	89,2	0	25	0	0
	На русском языке	8,3	0	0	1,8	0,8	0	0	0	0	0	0	0
Общение с родителями (-ой)	В равной мере на якутском и русском языках	14	11,9	0	8,8	6,7	3,9	15,4	10,8	0	0	0	0
	На якутском языке	58,3	59,6	76,9	90,9	68,9	72,4	52	96,3	0	0	0	0
Общение с родителями (-ой)	На русском языке	5,1	1,8	0	0,9	0,8	0	22	0	0	0	0	0
	В равной мере на якутском и русском языках	4,3	2,8	0	2,8	4,2	0	4	3,7	0	0	0	0
Общение с родителями (-ой)	На якутском языке	81,7	82,8	82,9	97,4	89,9	94,8	73	100	0	0	0	0
	На русском языке	8,6	0,9	0	0	0,8	0	7,9	0	0	0	0	0
Общение с родителями (-ой)	В равной мере на якутском и русском языках	7,9	14,5	4,9	1,7	8,4	2,6	11,1	0	0	0	0	0
	На якутском языке	78,3	76,8	78	96,5	90,8	98,7	71,2	100	0	0	0	0
Общение с родителями (-ой)	На русском языке	4,7	0,9	0	0	0,8	0	11,9	0	0	0	0	0
	В равной мере на якутском и русском языках	5,2	10,2	0,9	0,9	5,9	0	3,4	0	0	0	0	0

стический контекст владения этническим языком в выбранных населенных пунктах. В период 2007—2021 годов для носителей языка саха среднего и старшего поколения характерно достаточно стабильное свободное владение этническим языком. Уровень свободного владения этническим языком среди всех опрошенных в 2021 году жителей полиэтничных городов, в том числе г. Якутска, с преобладающим населением саха, и моноэтничных сообществ саха, проживающих в селах, колеблется в пределах 64,5—100 % в зависимости от степени урбанизированности. Уровень владения языком 64,5 % зафиксирован у саха в полиэтничном северном городе Среднеколымске, 100 % — в моноэтничных малых селах Чай Вилюйского улуса, Кюндядя Нюрбинского и Бордон Сунтарского улусов. При этом отмечается сохранение прямой зависимости уровня владения языком от языка школьного обучения. В г. Нюрба на свободное владение языком указали 95,8 %, в с. Жархан — 90,7 % опрошенных саха.

Итак, в Вилюйске в силу значительной сельско-городской миграции в общении с детьми и между супругами доминирует общение на родном языке, что является благоприятным фактором в воспроизводстве языка саха; двуязычие функционирует в основном среди коренных горожан среднего и старшего поколения. В г. Среднеколымске полноценное общение на родном языке осуществляется лишь с родителями и старшими родственниками, в общении с детьми и между супругами значительное место занимает русский язык, что прогнозирует неблагоприятную ситуацию языка саха в будущем.

Семья есть исключительно важная среда формирования базовых качеств личности человека. Современная действительность такова, что вербальное общение сегодняшнего «цифрового поколения», их родительско-детских отношений сокращается под предлогом отсутствия времени и занятости родителей.

4. Заключение = Conclusions

Опыт исследования языковой дистрибуции в семейном общении саха выявил динамические тенденции в стремлении народа саха сохранить родной язык. В целом вызовы и угрозы современных быстро меняющихся реалий преодолеваются им, при этом на данном этапе консолидирующая мощь ресурсов саха среднего и старшего возраста, способствующая сохранению и развитию родного (этнического) языка, превосходит воздействие урбанизирующих процессов. Социальная функция этнического языка в сельской семейной коммуникации благодаря относительной моноэтничности, деурбанизированности, географической удаленности остается стабильной.

Этническая функция якутского языка актуальна лишь для половины городских семей саха (52,1 %) и для 89,2 % сельских саха. Для городских сообществ саха в большей степени и в меньшей степени для сельских сообществ стала характерна тенденция снижения объема общения с детьми на родном языке, обусловленная снижением их якутской языковой компетенции, определяющим фактором которой признается ряд экстралингвистических факторов, напрямую влияющих на использование родного (этнического) языка: сокращение этнокультурного образования; социокультурная трансформация института семьи в аксиологической иерархии современного общества; одинаковая уязвимость языковых навыков детей и их родителей в сельской и городской местностях от «цифровой» культуры. При этом городская семейная коммуникация на этническом языке минимизируется за счет сокращения объема кросс-поколенческого общения (общения бабушек с внуками), что представляет собой инновационное явление в традиционной якутской семье.

Сегодня благоприятный лингвистический прогноз формируется за счет роста числа билингвов координативного типа среди молодежи [Иванова, 2022], относительно стабильного функционирования якутского языка в современной городской повседневности носителей языка среднего и старшего возраста [Данилов и др., 2023], положительной динамики в функционировании этнического языка в креативной индустрии (кино, анимация) и освоения новых культурных пространств этнической общностью саха.

Результаты опроса обосновали концептуально различные векторы языковой политики в городской полиэтнической и сельской моноэтнической средах: в городских поселениях важно расширять коммуникативное пространство (мерами конструктивной языковой политики) — ввиду того, что процессами урбанизации постоянно «поглощаются» этноязыковые, этнокультурные различия, причем этноязыковое своеобразие, как наиболее хрупкая, абстрактная субстанция, разрушается быстрее и сильнее. В сельской моноэтнической общности сущность языковой политики, усилий носителей языка должна состоять в сохранении позиций родного языка посредством политики этносберегающего свойства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Демографическая ситуация в России : новые вызовы и пути оптимизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ysia.ru/sahastat-opublikoval-dannye-osemyah-prozhivayushhih-v-yakutii/> (14.05.2022).

Литература

1. *Абрамова М. А.* Степени этничности как основа национальной политики / М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова // Социологические исследования. — 2012. — № 10 (342). — С. 42—49.
2. *Аргунова Т. В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект) / Т. В. Аргунова. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. — 88 с.
3. *Арутюнян М. Ю.* Изменение "института бабушек": социально-психологический аспект / М. Ю. Арутюнян // Народонаселение. — 2012. — № 1 (55). — С. 76—85.
4. *Баишева А. Ю.* Выявление и решение актуальных вопросов социального развития молодых семей, ведущих кочевой образ жизни / А. Ю. Баишева, Н. В. Матвеева // Север и молодежь : здоровье, образование, карьера : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 19—20 ноября 2020 года. — Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2020. — С. 604—619.
5. *Белинская Д. В.* Социальный портрет чайлдфри / Д. В. Белинская // Вестник Тамбовского университета. Серия : Общественные науки. — 2018. — № 13. — С. 12—19.
6. *Вовк Е. Ж.* Лучше поздно? Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства / Е. Ж. Вовк // Социальная реальность. — 2007. — № 8. — С. 32—36.
7. *Гурко Т. А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин / Т. А. Гурко // СНИСП. — 2019. — № 2 (26). — С. 65—80.
8. *Данилов И. А.* Языковая дистрибуция городской повседневности саха : социолингвистическое измерение (по данным 2021 г.) / И. А. Данилов, Н. И. Иванова // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 4. — С. 301—313. — DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.4.21>.
9. *Ефимов В. С.* Проблемы и возможности сохранения коренных народов Севера : культурно-антропологический аспект / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева // Человек.RU. — 2014. — № 9. — С. 186—202.
10. *Ефимов В. С.* Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха : социологический анализ / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева, Е. И. Михайлова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — Т. 43. — № 4. — С. 127—134. — DOI: [10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134](https://doi.org/10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134).
11. *Зверева Н. В.* Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России / Н. В. Зверев, В. Н. Архангельский // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 69—84.
12. *Иванова А. В.* Речевой портрет коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в билингвальном контексте / А. В. Иванова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 2 (32). — С. 9—22. — DOI: [10.23951/2307-6119-2021-2-9-22](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2021-2-9-22).
13. *Иванова Н. И.* Динамика функций якутского и русского языков в сфере семейного общения / Н. И. Иванова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2013. — № 2. — С. 94—102.
14. *Иванова Н. И.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : якутский язык в XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 284 с. — ISBN 978-5-02-041499-0.
15. *Йон Т.* Языки коренных народов Севера — сравнение ситуации в Тополином в Саха Якутии и Гуовдагайну в Саами / Т. Йон, Н. Даннемарк, А. А. Винокурова // Научный электронный журнал Меридиан. — 2016. — № 3 (3). — С. 160—180.

16. *Короленко А. В.* Некоторые аспекты состояния современного "института бабушек" : опыт социологического исследования / А. В. Короленко // Социальное пространство. — 2018. — № 4 (16). — С. 1—15. — DOI: 10.15838/sa. 2018.4.16.3.

17. *Курамшев А. В.* Бабушка в системе внутрисемейных отношений : социологический анализ / А. В. Курамшев, Е. Е. Кутявина, С. А. Судын // Женщина в российском обществе. — 2017. — № 3 (84). — С. 70—79.

18. *Кысылбайкова М. И.* Языковая ситуация в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) / М. И. Кысылбайкова // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике : материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27—29 октября 2022 года. — Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2022. — С. 136—141.

19. *Республика Саха (Якутия)* — 2050. Форсайт-исследование : доклад / Е. И. Михайлова [и др.] ; науч. ред. : Е. И. Михайлова, В. С. Ефимов ; Северо-Восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова, Сибирский федеральный ун-т. — Якутск : Изд. дом Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Аммосова, 2014. — 184 с. — ISBN 978-5-7513-2014-0.

20. *Старостина Л. Д.* Специфика языковой среды детей саха младшего школьного возраста / Л. Д. Старостина // Этническая психология и современные реалии : сборник материалов II Международной научной интернет-конференции, Якутск, 11—24 апреля 2016 года / Ответственный редактор Т. Н. Сидорова. — Якутск : Центр развития научного сотрудничества, 2016. — С. 97—107.

21. *Сукнева С. А.* Факторы демографического роста якутского этноса на рубеже веков / С. А. Сукнева, А. С. Барашкова // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений / сост. : Е. Д. Кули, Т. В. Парников ; под. ред. Е. М. Махарова, А. А. Пахомова. — Якутск : Издательство : Центр развития научного сотрудничества, 2016. — С. 273—280.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023,
одобрена после рецензирования 11.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

Material resources

Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization. Available at: [https://ysia.ru/sahastat-opublikoval-dannye-o-semyah-prozhivayushhih-v-yakutii/\(05/14/2022\)](https://ysia.ru/sahastat-opublikoval-dannye-o-semyah-prozhivayushhih-v-yakutii/(05/14/2022))]. (In Russ.).

References

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2012). Degrees of ethnicity as the basis of national policy. *Sociological research*, 10 (342): 42—49. (In Russ.).

Argunova, T. V. (1992). *Yakut-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)*. Yakutsk: YANTS SB RAS. 88 p. (In Russ.).

Baisheva, A. Yu., Matveeva, N. V. (2020). Identification and solution of topical issues of social development of young families leading a nomadic lifestyle. In: *The North and youth: health, education, career: a collection of materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, November 19—20, 2020*. Khanty-Mansiysk: Yugra State University. 604—619. (In Russ.).

- Belinskaya, D. V. (2018). Childfree's social portrait. *Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences*, 13: 12—19. (In Russ.).
- Danilov, I. A., Ivanova, N. I. (2023). Linguistic distribution of urban everyday life in Sakha: Sociolinguistic dimension (according to the data of 2021). *New studies of Tuva*, 4: 301—313. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.4.21>. (In Russ.).
- Efimov, V. S. (2014). Problems and possibilities of preserving the indigenous peoples of the North: cultural and anthropological aspect. *Человек.RU*, 9: 186—202. (In Russ.).
- Efimov, V. S., Lapteva, A. V., Mikhailova, E. I. (2015). The influence of urbanization on the processes of preserving the culture and language of the Sakha people: a sociological analysis. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 43 (4): 127—134. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.4.127-134. (In Russ.).
- Gurko, T. A. (2019). Student's views on parenthood and the social roles of men and women. *SNIP*, 2 (26): 65—80. (In Russ.).
- Harutyunyan, M. Y. (2012). The change of the “institute of grandmothers”: a socio-psychological aspect. *Population*, 1 (55): 76—85. (In Russ.).
- Ivanova, A. V. (2021). A speech portrait of the indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East in a bilingual context. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2 (32): 9—22. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-9-22. (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2013). Dynamics of the functions of the Yakut and Russian languages in the field of family communication. *Northeastern Humanitarian Bulletin*, 2: 94—102. (In Russ.).
- Ivanova, N. I. (2022). *The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language in the XXI century (ethnosociopsycholinguistic aspect)*. Novosibirsk: Nauka. 284 p. ISBN 978-5-02-041499-0. (In Russ.).
- Korolenko, A. V. (2018). Some aspects of the state of the modern “institute of grandmothers”: the experience of sociological research. *Social space*, 4 (16): 1—15. DOI: 10.15838/sa.2018.4.16.3. (In Russ.).
- Kuramshev, A. V., Kut'yavina, E. E., Sudin, S. A. (2017). Grandmother in the system of intra-family relations: a sociological analysis. *Woman in Russian society*, 3 (84): 70—79. (In Russ.).
- Kysylbaikova, M. I. (2022). The linguistic situation in the Anabar region of the Republic of Sakha (Yakutia). In: *Cognitive paradigms of linguistic consciousness and problems of bilingualism in modern linguistics: proceedings of the III International Scientific Conference, Maykop, October 27—29, 2022*. Maykop: Adygea State University. 136—141. (In Russ.).
- Starostina, L. D. (2016). Specificity of the language environment of Sakha children of primary school age. In: *Ethnic psychology and modern realities: collection of materials of the II International Scientific Internet Conference, Yakutsk, April 11—24, 2016*. Yakutsk: Center for the Development of Scientific Cooperation. 97—107. (In Russ.).
- Sukneva, S. A., Barashkova, A.S. (2016). Factors of demographic growth of the Yakut ethnic group at the turn of the century. In: *Modern problems of interethnic and interfaith relations*. Yakutsk: Publishing house: LLC “Center for the Development of scientific cooperation”. 273—280. (In Russ.).
- The Republic of Sakha (Yakutia) — 2050. *Foresight research: report*. (2014). Yakutsk: Publishing House of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 184 p. ISBN 978-5-7513-2014-0. (In Russ.).

- Vovk, E. J. (2007). Is it better late? The age of birth of the firstborn and the implicit concepts of parenthood. *Social reality*, 8: 32—36. (In Russ.).
- Yon, T., Dannemark, N., Vinokurova, A. A. (2016). Languages of the indigenous peoples of the North — a comparison of the situation in Poplar in Sakha Yakutia and Guovd-ageainu in Sami. *Scientific electronic journal Meridian*, 3 (3): 160—180. (In Russ.).
- Zvereva, N. V., Arkhangelsky, V. N. (2010). Preliminary results and prospects of modern fertility policy in Russia. *Federalism*, 2 (58): 69—84. (In Russ.).

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 11.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*

Информация для цитирования:

Качмазова Е. С. Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) / Е. С. Качмазова, И. Н. Цаллагова, Ф. А. Царикаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 68—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84.

Kachmazov, E. S., Tsallagova, I. N., Tsarikayeva, F. A. (2023). Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects). *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

Качмазова Езетхан Сергеевна¹

orcid.org/0000-0002-5025-6894

кандидат филологических наук, доцент

кафедры осетинского языка

darya.kachmazova@mail.ru

Цаллагова Искра Нартовна^{2*}

orcid.org/0000-0001-7844-8321

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

отела осетинского языкознания

czallagon@mail.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна¹

orcid.org/0000-0001-7844-8321

кандидат педагогических наук, доцент

кафедры осетинского языка

fcarikaeva@mail.ru

¹ Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, Россия)

² Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (Владикавказ, Россия)

Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects)

Ezethkhan S. Kachmazova¹

orcid.org/0000-0002-5025-6894

PhD in Philology, associate professor,

Ossetian Language Department

darya.kachmazova@mail.ru

Iskra N. Tsallagova^{2*}

orcid.org/0000-0001-7844-8321

PhD in Philology,

senior research scientist,

Ossetian Linguistics Department

czallagon @ mail.ru

Fatima A. Tsarikayeva¹

orcid.org/0000-0001-7844-8321

PhD in Pedagogy, associate professor,

Ossetian Language Department

fcarikaeva @ mail.ru

¹ North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz, Russia)

² V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russia)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа является конверсированная лексика иронского и дигорского диалектов осетинского языка. Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей осетинского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление основных конверсивных моделей необходимо для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке. Новизна исследования видится в том, что предпринята попытка научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов. Выявлено, что наиболее активно в осетинском языке проявляют себя такие разновидности конверсии, как субстантивация, адъективация и адвербиализация (направление производности может быть различным). Установлено, что конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие. Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами в осетинском языке представлены в основном наречием и послелогом, что обусловлено развитой системой послелогов в осетинском языке. Анализ языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют существенных различий.

Ключевые слова:

осетинский язык; иронский диалект; дигорский диалект; словообразование; конверсия; субстантивация; адъективация; адвербиализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the converted lexicon of the Iron and Digor dialects of the Ossetian language. The study uses lexical units extracted through a random sampling method from Ossetian language dictionaries. The relevance of the research lies in identifying the primary conversion models necessary for solving problems related to the differentiation of parts of speech in the Ossetian language. The novelty of the study is that it attempts a scientific description of Ossetian conversion models using linguistic material from the Iron and Digor dialects. The study reveals that the most active forms of conversion in the Ossetian language are substantivization, adjectivization, and adverbialization (the direction of productivity may vary). The study also shows that the conversion model in the Ossetian language often includes nouns, adjectives, and participles. Conversion relationships between autosemantic and synsemantic words in the Ossetian language are mainly represented by adverbs and postpositions, which are due to the developed system of postpositions in the Ossetian language. Analysis of linguistic material from the two main dialects of the Ossetian language suggests that there are no significant differences in the mechanisms of converting Iron and Digor lexicons.

Key words:

Ossetian language; Iron dialect; Digor dialect; word formation; conversion; substantivization; adjectivization; adverbialization.

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

1. Введение = Introduction

Языковое явление, при котором происходит взаимопереход между частями речи, свойственно многим разноструктурным языкам мира. Применительно к этому явлению многие исследователи используют термин *конверсия*. В то время как большинство ученых «едины в определении этого вида словообразования как создания нового слова путем включения производящей основы в другую парадигму» [Юшакова, 2005, с. 133], существует также множество факторов, которые остаются дискуссионными.

Термин *конверсия*, впервые введенный в контексте теории английской дериватологии Г. Суитом в конце XIX века, до сих пор вызывает полемику. Об этом свидетельствует тот факт, что даже на современном этапе лингвистических исследований в области словообразования разноструктурных языков данное языковое явление трактуется разными учеными по-разному.

Г. Суит под термином *конверсия* в английском языке подразумевает такое языковое явление, при котором происходит перекатегоризация лексем, то есть взаимопереход слов между частями речи, без формальных изменений [Sweet, 1892, p. 38].

В русистике термин *конверсия* впервые был использован А. И. Смирницким. Однако ученый поясняет, что конверсия — это не «...употребление одного и того же слова в функции разных частей речи». Он обосновывает это тем, что слова в конверсионной модели по отношению друг к другу представляют собой связанные по корню разные слова. Это говорит о том, что «мы имеем здесь дело со словообразованием, с соотношением между словами в пределах одного словообразовательного гнезда» [Смирницкий, 1956, с. 76]. Исходя из этого, А. И. Смирницкий определяет конверсию как «особый вид словообразования, в частности словопроизводства (то есть не словосложения)» [Смирницкий, 1956, с. 76].

В современных лингвистических исследованиях под термином *конверсия* понимается «морфолого-синтаксический способ словообразования, посредством которого слово одной лексико-грамматической категории образуется от (основы) слова другой лексико-грамматической категории без изменения основной формы исходного слова» [Исмаилова, 2006, с. 112],

или же «переход слова из одной грамматической категории в другую (например, существительное в прилагательное)» без изменения его «материальной формы» [Осипова, 2023, с. 70].

Существует также мнение, что это «одна из разновидностей транспозиции (номинализации, вербализации и адъективации), то есть перехода одной части речи в другую часть речи» [Мурясов, 2014, с. 1472].

Для большинства языков наиболее продуктивным видом транспозиции является номинализация. Р. З. Мурясов говорит, что данный вид транспозиции — «как процесс, так и результат преобразования слов других частей речи в существительное или превращение сегментов текста теоретически любой величины в эквивалент имени существительного» [Мурясов, 2014, с. 1473].

Исходя из существующих исследований, можно говорить о «широком» и «узком» понимании данного термина. Широкое понимание основывается на том, что «новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова, но в иной части речи и, следовательно, включаются в новую парадигму, получают новые синтаксические функции и сочетаемость и новое лексико-грамматическое значение» [Каращук, 1977, с. 14]. Е. С. Кубрякова, также рассматривая конверсию в широком ее понимании, определяет ее как «процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у неё» [Кубрякова, 1974, с. 75].

Более узкое понимание основывается на том, что под конверсию подводятся лишь конверсионные модели с полностью идентичными формами слов. Однако, по мнению В. М. Никитевича, «даже при полной идентичности данных форм мы не всегда имеем дело с конверсией» [Никитевич, 1985, с. 84]. По его мнению, обязательным условием также является разная парадигма окончаний, то есть «парадигма как означающее не принимает участия в выражении различий по частям речи, поскольку она одна и та же. Производное значение существительного здесь выражается позицией слова, то есть синтаксически. Отнесение субстантивации прилагательных и причастий к конверсии или морфологическому способу словообразования приводит к пренебрежению целым рядом их существенных признаков как производных номинаций» [Никитевич, 1985, с. 84].

Данные виды словообразовательного процесса во многом очень схожи, но есть и существенные различия. К общим признакам можно отнести номинативность этих процессов, а также то, что они по своей сути являются «семантико-синтактико-морфологическими способами словообразования» [Исмаилова, 2006, с. 113].

В осетинском языкознании процесс, при котором происходит взаимопереход между частями речи, всегда привлекал внимание ученых, хотя и

несколько в другом аспекте. Зачастую осетинские слова, выступающие в функции разных частей речи, рассматривают как недифференцированные или сложно дифференцированные слова. Кроме этого, в осетинском языке «при установлении границ между именными частями речи» возникают определенные трудности, так как очень часто определение частеречной принадлежности невозможно без контекста. Это обусловлено тем, что осетинские имена «не обладают какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко выражают как признак, так и носителя» [Сагцаев, 2017, с. 6].

С учетом сказанного целью нашей работы является исследование переходности в системе частей речи в осетинском языке и специфики функционирования механизма конверсирования иронской и дигорской лексики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение конверсии в разных языках способствует выявлению ее универсальных черт и, что немаловажно, определению национальной специфики, обусловленной типологическими особенностями исследуемого языка. Определение основных конверсивных моделей, а также выявление конверсивных отношений как между автосемантическими, так и между синсемантическими словами необходимы для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке.

Научная новизна статьи состоит в том, что работа представляет собой первый опыт научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками исследования послужили словари осетинского языка [ИЭ; БРОС; ДРС; ТСОЯ], а также языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. Для представления извлеченного из словарей материала был применен описательный метод. Для выявления основных конверсионных моделей были использованы методы компонентного, контекстного и статистического анализа лексических единиц.

Вопросам переходности между частями речи в зарубежной и отечественной лингвистике уделяется большое внимание. Словообразовательный процесс, происходящий без участия словообразовательных суффиксов, именуется по-разному. Так, ряд ученых данный процесс называют «способом словообразования с нулевой морфемой» [Aronoff, 1980; Clark, 1979; Marchand, 1963 и др.]; в некоторых исследованиях он фигурирует как «морфолого-синтаксический способ словообразования или как синтаксическая деривация» [Farrell, 1998; Исмаилова, 2006 и др.]; или же как «без-

аффиксальное словообразование» [Аракин, 1979; Уфимцева, 1968 и др.]; многие ученые считают субстантивацию и конверсию «разными способами словообразования» [Карашук, 1977; Мазо, 1963].

Различные подходы к данному вопросу объединяет то, что в основном под термином *конверсия* понимается «способ производства новых лексем, при котором исходная и результативная единицы принадлежат к разным частям речи» [Пшеничная, 2012, с. 145].

Кроме этого, есть разногласия и по поводу необходимых для установления конверсии признаков (семантика, синтаксическая функция, морфологическая форма). Множество исследований направлены на выявление способов определения производности и мотивированности конверсионных моделей [Кубрякова, 1974; Мешков, 1976; Соболева, 1959 и др.].

Что касается осетинского языкознания, то вопросы, связанные с взаимопереходом частей речи, привлекали внимание многих ученых [Абаев, 1970; Багаев, 1965; Габараев, 1977; Дзодзикова, 2012; Кудзоева и др., 2018; Цопанова и др., 2021 и др.]. Однако данные исследования носят фрагментарный характер, специального комплексного исследования конверсивных отношений между частями речи в осетинском языке на сегодняшний день не проводилось.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Переходность в системе частей речи в современном осетинском языке

Изучение всех существующих на сегодняшний день определений такого неоднозначного термина, как *конверсия*, позволило нам в рамках данной статьи, посвященной взаимопереходу частей речи в осетинском языке, принять следующее определение: «...конверсия — это способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, но при котором изменяется лексическое значение слова, его морфологические и синтаксические свойства» [Заббарова, 2014, с. 64].

В разносистемных языках конверсия может функционировать по-разному. Так, «в описании данного механизма в языках флективного строя актуальным оказывается обращение к морфологической транспозиции, в языках аналитических — более актуально обращение к анализу семантического и синтаксического изменения слова» [Заббарова, 2014, с. 64].

Как известно, «осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский, каждый из которых имеет свою литературную норму» [Беляев и др., 2022, с. 32]. Данное исследование выполнено на языковом материале иронского и дигорского диалектов осетинского языка.

В осетинском языкознании теоретическими вопросами классификации частей речи занимались многие ученые. Однако в их работах критерии частеречной принадлежности разнятся. В. И. Абаев указывает на то, что «имена прилагательные не только по формальным признакам, но и по употреблению не могут быть резко отграничены от существительных» [Абаев, 1959, с. 29].

З. Б. Дзодзикова же указывает на то, что «в осетинском языке имеются пласты слов, являющиеся только именами существительными или только именами прилагательными, а определенную часть составляют слова, выступающие как в роли имени прилагательного, так и имени существительного, но в таком случае мы сталкиваемся с явлением разного рода адъективации или субстантивации» [Дзодзикова и др., 2012, с. 288].

Говоря о субстантивации, современные лингвисты считают, что это «сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое не одним каким-то условием, а единым комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка» [Исмаилова, 2006, с. 112].

Однако если вопрос об определении сути данных языковых явлений уже более или менее ясен, то вопрос, связанный с соотношением этих двух переходных явлений, до сих пор вызывает полемику. Чаще всего возникает вопрос: субстантивация — это особый вид конверсии или самостоятельный способ словообразования? На этот счет существует несколько мнений. Некоторые лингвисты проводят четкие разграничения между конверсией и субстантивацией, другие же считают, что конверсия представляет собой транспонирование разных частей речи в другую, и тем самым относят субстантивацию, адъективацию и адвербиализацию к частным случаям конверсии.

По мнению Н. К. Багаева, субстантивация — это такой «морфологический способ словообразования, при котором происходит переход слов других частей речи в разряд имен существительных без особой аффиксации» [Багаев, 1965, с. 178]. Автор подчеркивает, что «наиболее активно данное явление представлено в именах прилагательных» [Багаев, 1965, с. 178].

По мнению Н. К. Багаева, в иронском диалекте осетинского языка могут подвергаться субстантивации следующие части речи:

— отглагольные имена, образуемые при помощи суффиксов *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад* / *-ада*, *-аг*, *-инаг* / *-уйнаг*, *-аггаг*, *-аен* одинаково могут быть использованы в значении имен прилагательных и в значении имен существительных (*фыссаг* «писатель, пишущий», *ныййараг* «родитель, родивший», *нымайаг* «счетчик, считающий», *кусаг* «рабочий, работающий», *цауаг* «ходок, идущий», *рагвдыд* «ласка, обласканный», *авзæрст* «выбор, выбранный» и т. д.);

— субстантивируются иногда глаголы в повелительной форме 2-го лица единственного числа (*гæс* «сторож» (от *касын* «смотреть»), реже в форме 3-го лица конъюнктива с отрицательной частицей *ма* «не»: *мадзура*, *маркафа*, *матæрса* и т. д.);

— субстантивироваться могут некоторые наречия (*фарон* «прошлый год», *абон* «сегодня», *знон* «вчера» и т. д.). Например: *Нæ абон не знонсей хуыздæр у, нæ райсом ноджыдæр хуыздæр уыздæн* «Наше сегодня лучше, чем наше вчера, наше завтра будет еще лучше» [Багаев, 1965, с. 179].

Первым в осетинском языкознании о конверсии как особом виде словообразования заговорил Н. Я. Габараев. Опираясь на высказывания отечественных и зарубежных лингвистов, ученый определяет конверсию как «способ словообразования, при котором слово без изменения своей исходной формы» начинает выполнять функции слов другого класса и, соответственно, приобретает морфологические формы (парадигму) этих слов [Габараев, 1977, с. 78].

По мнению Н. Я. Габараева, субстантивация представляет собой разновидность конверсии, указывая при этом на ее повышенную продуктивность в осетинском языке. По мнению автора, «для субстантивации характерным является то обстоятельство, что слово, включаясь в категорию имен существительных, приобретает такие грамматические значения и формы, которые составляют основные морфологические признаки существительного, но совершенно не присущи классу транспонированного слова» [Габараев, 1977, с. 80]. В данном случае речь идет о словоизменительной грамматической категории падежа и категории числа.

По мнению З. Б. Дзодзиковой, субстантивация в осетинском языке «представлена в двух видах: языковая субстантивация (не связанная с контекстом) и контекстуальная субстантивация» [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. К языковой субстантивации авторы относят слова, которые подверглись «субстантивации в процессе развития языка и вне зависимости от контекста могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного: *маст* “горький, неприятность, переживание”; *хистæр / хестæр* “старше, более взрослый человек”; *кастæр* “младше, младший” и т. д.». [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. Следует отметить, что антонимическая пара *хистæр / хестæр* «старше, более взрослый человек» и *кастæр* «младше, младший» для осетинской традиции в этнографическом аспекте является в некотором смысле ключевой. *Хистæр / хестæр* «старше, более взрослый человек» этимологически представляет собой суперлатив (сравнительная степень от превосходной), исходная иранская модель — *hvaišta* «главный деятель», «главный участник какого-либо действия», «старший по положению или по возрасту» [ИЭ, т. 4, с. 204]. *Кастæр* «младше, млад-

ший» также восходит к иранскому *kasu + tara*, это сравнительная степень от *kasu* «малый». Здесь мы имеем дело с застывшими формами прилагательных в сравнительной степени, которые в процессе субстантивации могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного.

К контекстуальным субстантивам авторы относят такие случаи, как: «*Кæройнагтæ сыстадысты сæ бынасттæй æмæ сбадын кодтой æрбацауджыты* / Крайние встали со своих мест и усадили вошедших» [Дзодзикова, 2012, с. 282]. Здесь лексема *кæройнагтæ* «крайние», являясь по сути прилагательным, выполняет функцию существительного *адам* «люди», приобретая «морфологические признаки существительного, а именно — суффикс множественного числа *-т* и окончание именительного падежа *-æ*» [Дзодзикова, 2012, с. 282].

3.2. Наиболее продуктивные конверсионные модели

Продуктивность конверсионных моделей неодинакова в разных языках. Так, в исследованиях отмечается, что «неограниченная субстантивация инфинитивов в немецком языке не знает каких-либо ограничений, широко распространены конверсивные отношения между существительными и прилагательными во французском языке» [Мурашов, 2014, с. 1470].

Исследование конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка показало, что наиболее активно проявляют себя следующие модели:

1) $N \leftrightarrow A$ (N — существительное, A — прилагательное), то есть взаимопереход существительных и прилагательных. При этом более высокопродуктивна модель $A \rightarrow N$: ср. ир. *Дондзаст* / диг. *дондзастæ* «болотистое, сырое (место); болото», *зæронд* / диг. *зæронд* «старый, старик», ир. *Хистæр* / диг. *хестæр* «старший, старик», ир. *Æдылы* / диг. *æдулы*, *гъæла* «глупый, глупец», ир. *Цæхджын* / диг. *цæхгун* «солёный, солёние», ир. *Сомхаг* / диг. *сомхаг* «армянин, армянский», ир. *Гæвзык* / диг. *гæвзук* «бедный, нищий, бедняк, беднота, нищета»), ир. *Æгад* / диг. *æгада* «бесславный, позорный, позор, бесславие»), ир., диг. *арф* «глубокий, глубина», ир. *Æвзæр* / диг. *æвзæр* «плохой, зло» и т. д. Модель $N \rightarrow A$, которую часто называют «обратной конверсией», касается существительных, которые в форме именительного падежа единственного числа становятся носителями качества определяемого предмета. Так, существительное ир. *сыгъæрин* / диг. *сугъæрийна* «золото» в составе словосочетания ир. *сыгъæрин къухдарæн* / диг. *сугъæрийна къохдарæн* «золотое кольцо» выступает в функции прилагательного.

Иногда адъективация существительного сопровождается появлением у существительного степеней сравнения, присущих прилагательному, кроме того, слово в этой форме перестает склоняться по падежам и числам. Так,

существительное ир. *талынг* / диг. *талинга* «темнота, мрак» при переходе в класс прилагательных *талынг* «темный, мрачный» может иметь формы степеней сравнения ир. *талынгдæр* / диг. *талингадæр* «темнее», ир. *тынг талынг* / диг. *хъæбæр талинга* «очень темно; очень темный»; существительное ир. *цъыф* / диг. *цъыфа* «грязь», переходя в прилагательное *цъыф* «грязный», может иметь формы ир. *цъыфдæр* / диг. *цъыфæдæр* «более грязный», ир. *тынг цъыф* / диг. *хъæбæр цъыфа* «очень мокрый, грязный» и т. д.

По данному поводу А. И. Смирницкий пишет, что, характеризуя слово «по отношению к другим словам, парадигма каждого данного слова выполняет и лексическую функцию: она является определенным оформлением слова и тем самым выступает как словообразовательное средство. И это средство словообразования и применяется при конверсии» [Смирницкий, 1956, с. 77].

Следует отметить, что связь адъективированного слова с производящей основой не всегда очевидна. Так, ряд прилагательных в современном осетинском языке представляют собой адъективированные иранские причастия. Определить столь раннюю адъективацию «можно только диахронически или при сопоставлении с другими иранскими языками» [Гутиева, 2023, с. 112].

2) Part → N (Part — причастие): ир., диг. *кафæг* «танцующий, танцор»; ир. *Дзураг* / диг. *дзорæг* «говорящий; тот, кто говорит»; ир. *Нымайæг* / диг. *нимайæг* «считающий, счетовод»; ир. *Агуырд* / диг. *агурд* «разысканный, найденный; поиск»; ир., диг. *лавард* «отданный; передача, подача»; ир., диг. *скъæфт* «похищенный; похищение»; ир., диг. *æгъдаудæттæг* «устанавливающий порядок, дисциплину; тот, кто устанавливает порядок и дисциплину» и т. д. Данная модель конверсии в обоих диалектах осетинского языка является высокопродуктивной, так как практически не имеет ограничений. Кроме этого, довольно часто то или иное причастие может переходить и в класс прилагательных, и в класс существительных. Например, причастие ир. *змæст* / диг. *змæст* может выполнять функции как прилагательного «мутный, смутный, беспорядочный», так и существительного «смута». Следует отметить, что «транспонированные причастия выполняют все синтаксические функции, свойственные существительным, прилагательным и наречиям» [Кудзоева и др., 2018, с. 112].

3) Cvb → A (cvb — конверб): ир. *агурга* / диг. *агорга* (разыскивая, разыскиваемый); ир. *алеугæ* / диг. *ралеугæ* «постояв, полежалый»; ир. *Ауындзгæ* / диг. *ауындзгæ* «вешая, висячий», ир. диг. *ахадгæ* «будучи эффективным, эффективный» и т. д. Н. К. Багаев отмечает полный переход некоторых деепричастий в наречия и послелого [Багаев, 1965, с. 360]. Например, слово ир. *зынга* / диг. *зинга* «заметно», образованное от глагола ир. *Зынын* / диг. *зинун* «виднеться», выполняет функцию наречия: *Бонтæ зынга фæдаргъдæр сты* / Дни стали заметно длиннее»; слово ир., диг.

гæсгæ, образованное от глагола ир. *Кæсын* / диг. *кæсун* «смотреть», употребляется в значении послелого: *Мæнмæ гæсгæ уыцы загъд раст нæу* / *По-моему* (на мой взгляд) это высказывание неверное.

Среди конверсионных моделей осетинского языка можно еще выделить такие, как Adv (наречие) → N и Adv → A. Так, субстантивации могут подвергаться некоторые наречия времени, например, ир. *Абон* / диг. *ацибон* «сегодня», ир. *Знон* / диг. *æзинаæ*, ир. *Ахсæв* / диг. *ахсæвæ* «сегодня ночью» и т. д. Наречия переходят в прилагательные, например, ир., диг. *æгсæр* «чрезмерно, слишком, чрезмерный», ир. *æгъгъæд* / диг. *æнгъæд* «довольно, достаточно, достаточный», ир. диг. *æмраст* «прямо, ровно, прямой, ровный» и т. д.

Некоторые наречия, образованные от имен существительных при помощи приставок *дæл-*, *уæл-*, *фæс-*, могут подвергаться как субстантивации, так и адъективации, например, ир., диг. *фæсауонмæ* «заочно, заочное», ир. *фæсхъæу* / диг. *фæсгъæу* «за селом, место за селом», ир. диг. *фæсдуар* «за дверью, место за дверью», ир. *дæлбыл* / диг. *дæлбилæ* «под берегом», ир., диг. *уæлвæндаг* «над дорогой» и т. д.

В осетинском языке степень конверсионной активности данных моделей невысокая. Осетинскому наречию более свойственны конверсивные отношения с синсемантическими словами.

3.3. Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами

Следует отметить, что изначально, приблизительно до середины XIX века лингвистами рассматривался взаимопереход «частей речи (существительного, прилагательного и наречия в глагол, причастия в прилагательное и т. д.). Однако в конце XIX века речь уже идет об употреблении одного и того же слова в позиции различных частей речи» [Кубрякова, 2002, с. 35].

Определённый интерес представляют «конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами», в частности, взаимопереход существительных, прилагательных и послелогов, наречий, частиц и союзов» [Мурясов, 2014, с. 1475].

Наибольшую конверсивную активность в осетинском языке проявляют наречия и послелоги. Так, некоторые наречия могут выполнять функцию послелогов, например, ир. *уæлæ* / диг. *уæлæ* «наверху», ир. *фæстæ* / диг. *фæсте* «позади», ир. *иуæвæрсты* / диг. *еуæвæрсти* «стороной», ир. *ардыгæй* / диг. *ардигæй* «отсюда», «по эту сторону», ир. *æддæйæ* / диг. *æндæггæй* «снаружи, за, позади» и т. д. Сравним некоторые выражения: *Мах уæллæй* (наречие) *адтан* / Мы были наверху; *Кизги уæлæ* (послелог) *рæсугъд пълъци* / На девушке красивое платье; *Фæсте* (наречие) *изайун хуарз нæй* / Не-

хорошо оставаться позади; *Скъоладзаутæ урокти фæсте* (послелог) *сæ хæдзæрттæмæ цæунцæ* / Дети после уроков идут домой.

Некоторые слова в осетинском языке могут выполнять одновременно функции прилагательного, наречия и послелога. Например, ир. *мидæг* / диг. *медæг*, *медæгæ* «внутри» (послелог, наречие) в некоторых сочетаниях может выполнять и функции прилагательного «внутренний», ср.: *мидæг мой* «букв. внутренний муж, примак, муж, вселяющийся в дом жены», *мидæг хор* «внутреннее (домашнее) зерно» [ИЭ, т. 2, с. 114]; ир. *æввахс* / диг. *æввахс* может выполнять функцию прилагательного — «близкий, недалекий, ближний, приближенный»; наречия — «близко, поблизости, недалеко»; послелога — «около, примерно, почти, близ, вблизи, приблизительно»; ир. диг. *аууон* — «тень, силуэт» (существительное), *аууон бынат* «теневая сторона» (прилагательное), «в тени» (наречие), «за чем-либо» (послелог).

Наблюдаются также случаи перехода наречий в частицы и союзы, например, ир. *гъеныр* / диг. *гъенур* — наречие «теперь, сейчас», частица «так»; ир. диг. *далæ* — наречие «внизу», частица «вон внизу»; ир. *афтæ* / диг. *уотæ* — наречие «должным образом, так, очень, настолько, как раз в то время, тогда»; союз «так вот, следовательно, значит»; ир. *æдæппæт* / диг. *еугурай* — наречие «всего, в общей сложности», частица «всего-на-всего» и т. д.

Наибольшая активность послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи обусловлена тем, что «в современном осетинском языке основным средством выражения синтаксических отношений между словами в предложении (в отношении имен и местоимений) служат падежные формы, в сочетании с которыми употребление послелогов играет большую роль. При этом употребление предлогов весьма ограничено» [Грамматика..., 1963, с. 280]. В осетинском языке всего два предлога: *æд* (с, вместе с) и *æнæ* (без) [Цопанова и др., 2021, с. 83; Грамматика... 1963, с. 295], в некоторых исследованиях признается существование третьего предлога (предлог с количественно-разделительным значением *фæйна* «по») [Багаев, 1965, с. 3]. Большинство осетинских послелогов служат для выражения пространственных отношений. В сочетании с глаголами, отглагольными именами и деепричастиями, с именами в соответствующем падеже могут обозначать место действия, состояния-процесса, направление действия и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Анализ конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка позволяет сделать следующие выводы.

Конверсия для осетинского языка является довольно продуктивным способом словообразования. Основными конверсионными моделями в осетинском языке (хотя и с разной степенью продуктивности) являются: $N \leftrightarrow A$ ($A \rightarrow N$, $N \rightarrow A$), $Part \rightarrow N$, $Cvb \rightarrow A$. Конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие.

Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами в осетинском языке представлены следующими моделями: «наречие \rightarrow послелог», «прилагательное / существительное \rightarrow наречие \rightarrow послелог», «наречие \rightarrow частица», «наречие \rightarrow союз». Высокая степень активности послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи, на наш взгляд, обусловлена развитой системой послелогов в осетинском языке.

Привлечение языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют значительных отличий. При этом следует отметить, что между иронским и дигорским диалектами существуют расхождения на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне отмечаются дифференцирующие явления в области и вокализма, и консонантизма; на морфологическом уровне дигорский диалект отличается наличием более архаичных грамматических форм; на лексическом уровне — наличием в дигорском более 2500 слов, которых нет в иронском.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. БРОС — *Большой русско-осетинский словарь* : около 60000 слов и выражений / Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-905691-19-5.
2. ДРС — *Дигорско-русский словарь*. Русско-дигорский словарь / Ф. М. Таказов. — Владикавказ : Алания, 2015. — 872 с. — ISBN 978-5-98585-121-2.
3. ИЭ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. Москва — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I—IV.
4. ТСОЯ — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 т. / Н. Я. Габараев ; Российская академия наук ; Владикавказский научный центр ; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева. — Москва : Наука, 2000. — Т. 1. А-Æ. — 516 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.

Литература

1. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с.
2. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. — Ленинград : Просвещение, 1979. — 255 с.
3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — Ч. 1. — 487 с.
4. *Беляев О. И.* Соединение именных групп в осетинском языке / О. И. Беляев, И. А. Хомченкова // Рема. Rhema. — 2022. — № 4. — С. 32—54. — DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54.
5. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке / Н. Я. Габараев. — Тбилиси : Мецниереба, 1977. — 174 с.
6. *Грамматика осетинского языка.* Фонетика и морфология / Под ред. Г. С. Ахвледиани. — Орджоникидзе : Республиканская книжная типография, 1963. — Т. I. — 364 с.
7. *Гутиева Э. Т.* Специфика словообразовательной валентности отрицательных формантов / Э. Т. Гутиева // Известия СОИГСИ. — 2023. — Выпуск 48 (87). — С. 108—128. — DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005.
8. *Дзодзикова З. Б.* Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским / З. Б. Дзодзикова, Б. В. Кунавин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2012. — № 1. — С. 287—291.
9. *Заббарова Р. З.* Проблема лексикографирования конверсированных существительных в переводных словарях татарского языка / Р. З. Заббарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 64—67.
10. *Исмаилова Д. Б.* К проблеме разграничения субстантивации и конверсии / Д. Б. Исмаилова // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 5. — С. 112—116.
11. *Карашук П. М.* Словообразование английского языка / П. М. Карашук. — Москва : Наука, 1977. — 302 с.
12. *Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1974. — № 5. — С. 64—77.
13. *Кубрякова Е. С.* Конверсия в современном английском языке / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // ВЕСТНИК ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 2. — С. 33—38.
14. *Кудзоева А. Ф.* Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в персидском, русском и осетинском языках / А. Ф. Кудзоева, Е. С. Качмазова, М. Шафаги // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 30 (69). — С. 103—112.
15. *Мазо Б. В.* Деадъективное образование имен существительных в современном английском языке (конверсия и субстантивация прилагательных и причастий — сопоставительное исследование) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Б. В. Мазо. — Воронеж, 1963. — 85 с.
16. *Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. — Москва : Наука, 1976. — 248 с.
17. *Мурясов Р. З.* К понятию «конверсия» в дериватологии / Р. З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1470—1479.
18. *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. — Минск : Вышэйш. шк., 1985. — 157 с.

19. *Осипова О. В.* Аналитические прилагательные как результат конверсии во французском языке / О. В. Осипова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2023. — № 2 (77). — С. 69—75.
20. *Пиеничная А. Ю.* Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) / А. Ю. Пиеничная // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2012. — № 1. — С. 145—150.
21. *Сатцаев Э. Б.* Проблема выделения именных частей речи в осетинском языке / Э. Б. Сатцаев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 6—9.
22. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : Наука, 1956. — 260 с.
23. *Соболева П. А.* Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии / П. А. Соболева // Вопросы языкознания. — 1959. — № 2. — С. 91—95.
24. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1968. — 198 с.
25. *Цопанова П. Г.* Атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках / П. Г. Цопанова, Э. Чангизи // Известия СОИГСИ. — 2021. — Выпуск 42 (81). — С. 82—89. — DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006.
26. *Юшкова Л. А.* Конверсия как продуктивный способ словообразования в современной немецкой молодёжной лексике / Л. А. Юшкова // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 5. — С. 133—140.
27. *Aronoff M.* Contextuals / M. Aronoff // Language. — 1980. — № 56. — Pp. 744—758.
28. *Clark E.* When noun surface as verbs / E. Clark, H. Clark // Language. — 1979. — № 55. — Pp. 767—811.
29. *Farrell P.* Comments on the paper by Lieber / P. Farrell // Morphology and its relation in phonology and syntax / Ed. S. Lapointe. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1998. — Pp. viii+440.
30. *Marchand H.* On a question of contrary analysis / H. Marchand // English studies. — 1963. — № 44. — Pp. 176—187.
31. *Sweet H.* A Short Historical English Grammar / H. Sweet. — Oxford : Oxford University Press, 1892. — 280 p.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

- BROS — *A large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions / Institution of the Russian Academy of Sciences North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V. I. Abaev VNC RAS and the Government of the Russian Academy of Sciences-A.* (2011). Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 p. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).
- DRS — *Digor-Russian dictionary. Russian-Digor dictionary.* (2015). Vladikavkaz: Alania. 872 p. ISBN 978-5-98585-121-2. (In Russ.).

- IE — Abaev, V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. V. I-IV. (In Russ.).
- TSOI — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 1. A.* (2000). Moscow: Nauka. 516 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Russ.).

References

- Abaev, V. I. (1959). *Grammatical essay of the Ossetian language*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 168 p. (In Russ.).
- Arakin, V. D. (1979). *Comparative typology of English and Russian languages*. Leningrad: Prosveshchenie. 255 p. (In Russ.).
- Aronoff, M. (1980). Contextuals. *Language*, 56: 744—758.
- Bagaeв, N. K. (1965). *Modern Ossetian language, 1*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 487 p. (In Russ.).
- Belyaev, O. I., Khomchenkova, I. A. (2022). Connection of nominal groups in the Ossetian language. *Rema. Rhema*, 4: 32—54. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54. (In Russ.).
- Clark, E., Clark, H. (1979). When noun surface as verbs. *Language*, 55: 767—811.
- Dzodzikovа, Z. B., Kunavin, B. V. (2012). The question of the differentiation of nouns and adjectives in the modern Ossetian language in comparison with Russian. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 1: 287—291. (In Russ.).
- Farrell, P. (1998). Comments on the paper by Lieber. In: *Morphology and its relation in phonology and syntax*. Stanford, CA: CSLI Publications. viii+440.
- Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language*. Tbilisi: Metsniereba. 174 p. (In Russ.).
- Grammar of the Ossetian language. Phonetics and morphology, 1.* (1963). Ordzhonikidze: Republican Book Printing House. 364 p. (In Russ.).
- Gutieva, E. T. (2023). The specificity of the word-formation valence of negative formants. *Izvestiya SOIGSI*, 48 (87): 108—128. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005. (In Russ.).
- Ismailova, D. B. (2006). On the problem of differentiation of substantiation and conversion. *Bulletin of the Chuvash University*, 5: 112—116. (In Russ.).
- Karashchuk, P. M. (1977). *Word formation of the English language*. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Gureev, V. A. (2002). Conversion in modern English. *Bulletin of TvSU. Linguistics and Intercultural Communication series*, 2: 33—38. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1974). Derivation, transposition, conversion. *Questions of linguistics*, 5: 64—77. (In Russ.).
- Kudzoeva, A. F., Kachmazova, E. S., Shafagi, M. (2018). Comparative analysis of participles in Persian, Russian and Ossetian languages. *Izvestiya SOIGSI*, 30 (69): 103—112. (In Russ.).
- Marchand, H. (1963). On a question of contrary analysis. *English studies*, 44: 176—187.
- Mazo, B. V. (1963). *Deadjective formation of nouns in modern English (conversion and substantiation of adjectives and participles — a comparative study)*. Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 85 p. (In Russ.).
- Meshkov, O. D. (1976). *Word formation of the modern English language*. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.).

- Muryasov, R. Z. (2014). Towards the concept of “conversion” in derivatology. *Bulletin of the Bashkir University*, 19 (4): 1470—1479. (In Russ.).
- Nikitevich, V. M. (1985). *Fundamentals of nominative derivation*. Minsk: Higher School of Economics. 157 p. (In Russ.).
- Osipova, O. V. (2023). Analytical adjectives as a result of conversion in French. *Bulletin of TvsU. The series “Philology”*, 2 (77): 69—75. (In Russ.).
- Pshenichnaya, A. Yu. (2012). General characteristics of conversion as a method of word formation (based on the material of Russian and French languages). *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*, 1: 145—150. (In Russ.).
- Sattsaevev, E. B. (2017). The problem of distinguishing nominal parts of speech in the Ossetian language. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 17 (4): 6—9. (In Russ.).
- Smirnitsky, A. I. (1956). *Lexicology of the English language*. Moscow: Nauka. 260 p. (In Russ.).
- Soboleva, P. A. (1959). On the main and derivative word in word-formation relations by conversion. *Questions of linguistics*, 2: 91—95. (In Russ.).
- Sweet, H. (1892). *A Short Historical English Grammar*. Oxford: Oxford University Press. 280 p.
- Tsopanova, R. G., Changizi, E. (2021). Attributive phrases in the Ossetian and Persian languages. *Izvestiya SOIGSI*, 42 (81): 82—89. DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (1968). *The word in the lexico-semantic system of the language*. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russ.).
- Yushkova, L. A. (2005). Conversion as a productive way of word formation in modern German youth vocabulary. *Bulletin of the Udmurt University*, 5: 133—140. (In Russ.).
- Zabbarova, R. Z. (2014). The problem of lexicography of converted nouns in translated dictionaries of the Tatar language. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11 (1): 64—67. (In Russ.).

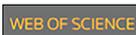
*The article was submitted 19.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*

Информация для цитирования:

Московкин Л. В. Модели речевого онтогенеза носителей русского языка : монолингвов и русско-немецких билингвов / Л. В. Московкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 85—103. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103.

Moskovkin, L. V. (2023). Models of Speech Ontogenesis in Russian Monolinguals and Russian-German Bilinguals. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 85-103. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-85-103

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов и русско-немецких билингвов

Московкин Леонид Викторович

orcid.org/0000-0002-4818-1205

ResearcherID: A-6069-2016

Scopus Author ID: 57222508416

доктор педагогических наук, профессор,
кафедра русского языка как
иностранного
и методики его преподавания
moskovkin.leonid@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 21-48-04401

Models of Speech Ontogenesis in Russian Monolinguals and Russian-German Bilinguals

Leonid V. Moskovkin

orcid.org/0000-0002-4818-1205

ResearcherID: A-6069-2016

Scopus Author ID: 57222508416

Doctor of Pedagogy, Professor,
Department of Russian as a Foreign
Language and Teaching Methodology
blagoder_1@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-48-04401

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи — рассмотрение моделей речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов, проживающих в России, и русско-немецких билингвов, проживающих в Германии. Материалом исследования послужили отклонения от норм литературного языка в транскриптах записей устной речи 42 монолингвов и 48 билингвов, дополненные данными анализа речи, отраженными в печатных источниках. Методы исследования: анкетирование, интервьюирование, методы чтения фонетически представительного текста и рассказа по картинкам, анализ отклонений от норм литературного языка, синтез речевых данных. Описаны две модели речевого онтогенеза монолингвов и четыре модели речевого онтогенеза билингвов. Доказано, что процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, а) осуществляется он в России или за рубежом, б) на какой разновидности русского языка говорит его носитель, в) в каком возрасте зарубежный носитель русского языка начинает активно использовать язык большинства. Установлено, что важнейшим фактором, препятствующим утрате элементов русского языка в диаспоре, является владение нормами литературного языка. Определена зависимость появления интерференции немецкого языка от модели речевого онтогенеза.

Ключевые слова:

речевой онтогенез; онтолингвистика; литературный язык; просторечие; модели речевого онтогенеза; факторы речевого развития.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to examine models of speech ontogenesis in Russian monolinguals living in Russia and Russian-German bilinguals living in Germany. The study uses deviations from literary language norms in transcriptions of oral speech from 42 monolinguals and 48 bilinguals, supplemented by speech analysis data reflected in printed sources. Research methods include surveys, interviews, reading phonetically representative texts and picture stories, analysis of deviations from literary language norms, and synthesis of speech data. Two models of speech ontogenesis for monolinguals and four models for bilinguals are described. It is shown that the process of speech ontogenesis proceeds differently among Russian language speakers depending on a) whether it occurs in Russia or abroad, b) which variety of Russian language the speaker uses, c) at what age the foreign speaker of Russian language begins to actively use the language of the majority. It is established that the most important factor preventing the loss of elements of the Russian language in the diaspora is mastery of literary language norms. The dependence of the appearance of interference from the German language on the model of speech ontogenesis is determined.

Key words:

speech ontogenesis; ontolinguistics; literary language; vernacular; models of speech ontogenesis; factors of speech development.

УДК 811.161.1'246.1+81'246.2

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов и русско-немецких билингвов

© Московкин Л. В., 2023

1. Введение = Introduction

Термин *речевой онтогенез* используется в российских трудах по онтолингвистике, психоллингвистике и логопедии для описания индивидуального речевого развития человека [Леонтьев, 1974; Елисеева, 2005; Петрова, 2009; Браудо, 2017; Цейтлин, 2017], при этом российские труды по проблемам речевого онтогенеза отличаются двумя важными особенностями.

Во-первых, они рассматривают речевое развитие детей, как правило, дошкольников, и, соответственно, термин *онтолингвистика* употребляется для обозначения лингвистики детской речи [Цейтлин, 2018]. Однако онтогенез как процесс индивидуального развития организма не ограничивается только начальными стадиями — развитие организма осуществляется от зачатия до смерти. Соответственно, и исследования речевого онтогенеза также не должны быть сосредоточены только на детской речи.

Вторая особенность российских трудов по проблемам речевого онтогенеза заключается в том, что в них устанавливаются общие закономерности речевого развития, тогда как этот процесс обладает и индивидуально-типологическими особенностями (на материале анализа русской речи русско-английских билингвов, проживающих в США, это показала М. Полински [Polinsky, 2018]). Соответственно, правомерно ставить вопрос об изучении типов или моделей речевого онтогенеза. Актуальность такого исследования обуславливается не только теоретическими соображениями, но и потребностями практической деятельности в области педагогики, лингводидактики, логопедии, медицины и т. д.

В научной литературе полные описания моделей речевого онтогенеза отсутствуют. Причина этого состоит в том, что исследования речевого онтогенеза должны основываться, прежде всего, на анализе устной речи индивидуума, записанной на протяжении длительного периода времени, и технически это трудно сделать. Исследователю намного проще наблюдать и записывать речь детей, с которыми он находится в ежедневном контак-

те. Вместе с тем существуют исследования устной речи современных носителей русского языка [Богданова-Бегларян и др., 2019; Ерофеева, 2009; Шапошников, 2012 и др.], результаты которых могут быть использованы при построении моделей речевого онтогенеза монолингвов. Для изучения моделей речевого онтогенеза билингвов могут привлекаться данные исследований русской речи разных возрастных групп эмигрантов и их детей [Brehmer et al., 2017; Anstatt, 2010; Anstatt, 2011; Gagarina et al., 2018].

Целью настоящей работы является построение моделей речевого онтогенеза носителей русского языка: монолингвов, проживающих в России, и русско-немецких билингвов, проживающих в Германии. Основная идея исследования состоит в том, что процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, а) осуществляется он в России или за рубежом, б) на какой разновидности русского языка говорит его носитель, в) в каком возрасте зарубежный носитель русского языка начинает активно использовать язык большинства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили прежде всего данные, полученные в ходе реализации международного научно-исследовательского проекта «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения» (2021—2023 гг.). Они были собраны в процессе анкетирования носителей русского языка, их интервьюирования и использования методов экспериментального исследования — чтения фонетически представительного текста и рассказа по картинкам. В последнем случае испытуемым предлагалось составить рассказ по картинкам из книги М. Майера «Лягушка, где ты?» [Maueg, 1969], которая более 35 лет используется как удобный стимульный материал для элицитации речи детей, говорящих на разных языках.

Всего в исследовании приняли участие 90 испытуемых, представители 35 семей: 48 русско-немецких билингвов, проживающих в Германии (22 взрослых и 26 детей), и 42 русских монолингва, проживающих в России (19 взрослых и 23 ребенка). Возраст детей — 10—15 лет, возраст родителей — 35—50 лет. Сбор речевых данных монолингвов осуществлялся в Санкт-Петербурге, билингвов — в городе Бохум (земля Северный Рейн — Вестфалия).

Испытуемые дети-билингвы родились в Германии или прибыли в нее в раннем детстве, они посещали немецкие детские сады. В момент исследования они обучались в немецких гимназиях, но при этом посещали и русские субботние школы. Их родители переехали в Германию главным образом в юношеском возрасте, многие из них окончили русские школы и даже вузы в тех странах, откуда они прибыли. По данным анкетирования,

почти все они имеют высшее образование. К моменту исследования они проживали в Германии от 15 до 25 лет.

Методом изучения собранных данных послужил анализ отклонений от норм литературного языка в транскриптах записей речи разных групп носителей русского языка. В ходе исследования было установлено, что одни семьи и в России, и за рубежом используют в своем общении литературный язык, другие — просторечие.

В настоящей работе термины *литературный язык* и *просторечие* используются в их традиционном социолингвистическом понимании — выступают в качестве обозначений подсистем (или форм существования) русского национального языка [Крысин, 1989, с. 30—32]. Так, термин *просторечие* употребляется для обозначения формы существования русского языка, включающей элементы фонетики, лексики и грамматики, которые признаются неправильными, ненормативными, неприемлемыми в литературной речи. Это так называемое просторечие-1 [Филин, 1973], внелитературное [Капанадзе, 1984] или социальное просторечие [Химик, 2009], «устная некодифицированная общепонятная речь для повседневного общения преимущественно городского населения, не владеющего нормами литературного языка» [Войлова, 2000, с. 7].

Современное городское просторечие отличается от языка малообразованных слоев населения, изучавшегося в 1980-х годах [Капанадзе, 1984, Крысин, 1989 и др.]. Оно в значительной степени сближено с литературным языком благодаря влиянию единой системы образования в нашей стране и деятельности СМИ. В наше время многие носители просторечия имеют высшее образование [Прияткина, 2000]. При этом современное просторечие, как и просторечие предшествующих периодов, отличается наличием ряда устойчивых элементов: притяжательного местоимения *ихний*, вводного слова *видать*, глаголов *ложить*, *играться* и др.

В качестве метода построения моделей речевого онтогенеза в настоящем исследовании был выбран метод синтеза данных, предполагающий объединение отдельных элементов или компонентов для получения единого целого [Ritchey, 1991, с. 21]. При его применении учитывалось, что в результате синтеза создается новый научный продукт, обладающий не только целостностью, но и специфическими свойствами, которых лишены его компоненты, (эмерджентностью) и в силу этого определённой самостоятельностью по отношению к ним. В процессе научного синтеза данные, полученные в ходе экспериментального исследования, дополнялись данными речевого развития носителей русского языка, отраженными в печатных источниках (в учебной и научно-популярной литературе). В качестве таких источников использовались также научные труды, дающие представ-

ление о речи современных носителей русского языка [Богданова-Бегларян и др., 2017; Земская, 2008; Ерофеева, 2009 и др.], о городском просторечии [Химик, 2000; Шалина, 2009; Шапошников, 2012 и др.], о русской речи русско-немецких билингвов [Anstatt, 2010; Gagarina et al., 2018 и др.].

Поскольку модель как объект, воспроизводящий свойства и характеристики оригинала, может быть представлена в разных формах [Develaki, 2016], в процессе исследования возникал и вопрос о форме представления моделей речевого онтогенеза. В настоящей работе указанные модели даны в описательном формате и обобщены в таблицах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Модель речевого онтогенеза монолингвов, с детства владеющих литературным языком (модель 1)

Эта модель характеризует речевое развитие лиц, в семьях которых культивируется речь, соответствующая нормам литературного языка и в дальнейшем сохраняющаяся в качестве доминирующей формы существования языка на протяжении всей их жизни. Ее закреплению и совершенствованию способствует пребывание этих лиц в образовательных учреждениях: в детских садах, школах и вузах.

Дети, впитавшие литературный язык, усваивают и отдельные элементы просторечия, общаясь с его носителями. Как правило, эти элементы не замещают соответствующие элементы литературного языка. Взрослые носители русского языка иногда используют их как средство выражения экспрессии (просторечие-2 по Ф. П. Филину) [Филин, 1973]. Вместе с тем в научной литературе отмечаются и случаи перехода представителей этой группы лиц в 1990-х годах с литературного языка на просторечие. Г. П. Нецименко отмечает: «Как исследователи мы не можем игнорировать и такую современную реалию, как втягивание интеллигенции в иную социальную среду (например, ее отток из интеллектуальной сферы в мелкое предпринимательство, торговлю и пр.), где ей для коммуникативной успешности приходится не распространять литературную норму, ... а приспосабливаться к узусу соответствующих корпоративных слоев, в том числе не только профессионального сленга, но и криминального жаргона» [Нецименко, 2000, с. 212—213].

Другие носители литературного языка в подобных трудовых коллективах стараются сохранить его. В связи с этим В. Е. Гольдин писал: «... отдельные языковые личности могут владеть несколькими, в том числе функционально несовместимыми вариантами русской речи, ... эти варианты образуют в речевой практике языковых личностей своеобразные системы, сплавы, контаминации...» [Гольдин, 2000, с. 55].

3.2. Модель речевого онтогенеза монолингвов, с детства использующих просторечие (модель 2)

Модель 2 характеризует речевое развитие лиц, средством общения которых в детском возрасте было просторечие.

Просторечные слова и формы могут сохраняться в речи в неизменном виде до поступления учащихся в школу, если они не посещали детский сад. В детском же саду осуществляется их целенаправленное исправление, в ходе которого некоторые элементы просторечия вытесняются в речи ребенка соответствующими элементами литературного языка. Таким образом, уже в дошкольный период наблюдается вариантность речевого онтогенеза ребенка в зависимости от того, в каких условиях осуществляется его речевое общение (в семье и в детском саду или только в семье), с кем он общается дома и в детском саду (с носителями литературного языка или просторечия).

В общеобразовательной школе преподается литературный язык, он же выступает и языком обучения — на нем преподаются все учебные предметы. Эта среда, в которой учащиеся проводят значительную часть своего времени, влияет на их речевое развитие. При этом, поступая в школу, дети изначально находятся в неравном положении. Учащиеся, с детства говорящие на литературном языке, испытывают меньше трудностей, чем учащиеся, использующие просторечие. Последние постепенно овладевают двумя языковыми кодами: дома они говорят на одной разновидности русского языка, а в школе на другой. Под влиянием школьного обучения литературному языку, постоянной работы над ошибками учащихся, которую проводят учителя не только русского языка, но и всех других предметов, а также просветительской деятельности, они овладевают литературным языком, хотя элементы просторечия и могут включаться в их речь, свидетельствуя о том, что обе подсистемы языка находятся в их сознании в тесной взаимосвязи и не всегда четко разграничиваются.

Школьное обучение следует рассматривать как особую стадию речевого онтогенеза, так как в этот период осуществляется интенсивное овладение литературным языком, причем разные группы учащихся овладевают им по-разному. Те, кто с детства владел литературным языком, расширяют и углубляют свою лингвистическую компетенцию и владеют устной литературной речью на уровне автоматизма. Те, кто с детства использовал просторечие, овладевают литературным языком как вторым кодом. В их сознании литературный язык и просторечие находятся в состоянии конкуренции, и поэтому они вынуждены контролировать свою литературную речь. Если же они перестают это делать, то невольно переходят на просторечие.

Таким образом, в ходе школьного обучения не только речевое развитие детей, говоривших в детстве на литературном языке и просторе-

чи, осуществляется по-разному, но и характер владения литературным языком тоже будет разным: Г. П. Нещименко отмечает, что следует различать действительных носителей литературного языка и пользователей литературного языка, многие из которых обладают сниженным или неустойчивым знанием литературной нормы [Нещименко, 2000, с. 211]. Действительные носители литературного языка владеют им свободно, на уровне автоматизма, тогда как пользователи литературного языка контролируют свою речь, предупреждая интерференцию просторечных слов и форм.

Социолингвистическая специфика речевого онтогенеза проявляется и в вузе. Если действительные носители литературного языка, как и в школе, не испытывают трудностей, связанных с его использованием, то пользователи литературного языка при отсутствии постоянного внешнего контроля часто утрачивают литературные нормы. Именно этой причиной были вызваны предложения русистов на рубеже XX—XXI веков ввести в качестве обязательной во всех вузах практическую дисциплину «Русский язык и культура речи», которая развивала бы лингвистическую компетенцию, формируемую в школе [Колесникова, 2010; Семенова, 2010 и др.]. Эта дисциплина и поныне преподается во многих вузах России.

Таким образом, лица, с детства использующие просторечие, в процессе школьного и вузовского обучения овладевают литературным языком. В дальнейшем их основным средством общения может стать литературный язык или просторечие в зависимости от того, необходим ли литературный язык для их профессиональной деятельности (он необходим в научных, образовательных, медицинских учреждениях, в органах власти, СМИ и т. п.). При этом в их речи могут сохраняться отдельные просторечные слова и формы.

Профессиональное сообщество в некоторых случаях терпимо относится к этим нарушениям литературной нормы, но это не относится к речи школьных учителей, вузовских преподавателей, врачей и «публичных людей» (журналистов и политиков), о чем свидетельствует специальная литература (см., например: [Горбаневский и др., 2010]). Социологические опросы показывают, что большинство граждан России считают образцовой речь школьных учителей и вузовских преподавателей, независимо от того, какой учебный предмет они преподают [Семенов и др., 2004].

Если в профессиональной деятельности выпускников образовательных учреждений, с детства использовавших просторечие, литературный язык не требуется, то они его могут утрачивать. Это связано с психолингвистическими факторами, о которых уже шла речь выше: многие из этих лиц владеют элементами просторечия на уровне навыков, а литературным

языком — на уровне знаний: его использование требует применения правил, постоянного самоконтроля, напряжения мысли.

Изложенный выше материал позволяет построить две типовые модели речевого онтогенеза монолингвов в зависимости от того, на какой разновидности русского языка общался человек в детстве (табл. 1).

Таблица 1

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка — монолингвов

Периоды жизни	Дошкольный	Школьный	Вузовский	Период трудовой деятельности
Модель 1. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия.	Совершенствование владения устной формой литературного языка. Овладение письменной формой литературной речи. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Использование просторечия как средства выражения экспрессии	Использование литературного языка. В ряде случаев переход на просторечие
Модель 2. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение просторечием. Знакомство с элементами литературного языка	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами литературного языка	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Избегание употребления просторечных слов и форм в речи на литературном языке	Доминирование разновидности языка, принятой в трудовом коллективе

3.3. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и с детства владеющих литературным языком (модель 3)

При построении моделей речевого онтогенеза русско-немецких билингвов важно учитывать не только то, на какой разновидности русского

языка общался человек в детстве, но и такой фактор, как возраст, в котором билингв начинает активно общаться на немецком языке [Gagarina et al., 2018]. Именно поэтому отдельно рассматривается речевой онтогенез взрослых билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте, и онтогенез речи детей, привезенных в нее в раннем детстве или родившихся в Германии. Соответственно, модели речевого онтогенеза билингвов будут более разнообразными.

Модели речевого онтогенеза билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте (модели 3 и 4), во многих чертах сближаются с моделями 1 и 2. Их отличия обусловлены степенью влияния немецкого языка, а также сокращением общения на русском языке.

Представители этой группы билингвов до того, как попали в иноязычное окружение, проходят стадии речевого онтогенеза, характерные для модели 1: они приобретают литературный язык в семье, совершенствуют владение им в детском саду, школе и в вузе (если обучались в вузе на русском языке). В эмиграции они стремятся сохранить литературный язык как средство семейного общения и общения в диаспоре (по нашим данным, литературный язык является средством общения в 5 из 20 семей, то есть в каждой четвертой). Как правило, переезжая в Германию, они плохо владеют немецким языком, но новые коммуникативные потребности, связанные прежде всего с их профессиональным обучением и дальнейшей профессиональной деятельностью, приводят к необходимости быстрого овладения им. Несмотря на то, что владение языками обладает индивидуальными особенностями, можно полагать, что в языковом сознании большинства русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и проживающих в ней от 15 до 25 лет, русский литературный и немецкий языки существуют как две относительно автономные системы. У этой группы билингвов имеют место отдельные случаи русско-немецкой и немецко-русской интерференции, но в целом они незначительны.

3.4. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, прибывших в Германию в юношеском возрасте и с детства использующих просторечие (модель 4)

Речевое развитие этой группы лиц сближается развитием монолингвов, характерных для модели 2. Они так же с детства используют просторечие. В детском саду, школе и вузе они овладевают литературным языком и являются, с одной стороны, действительными носителями просторечия, с другой стороны, пользователями литературного языка. Однако, прибыв в Германию, они обнаруживают, что большая часть русскоязычных используют в общении между собой не литературный язык, а именно про-

сторечие. Если литературный язык в их жизни и деятельности никак не востребован, он постепенно утрачивается. Представители этой группы билингов так же, как и представители модели 3, стремятся сохранить русский язык, но сохраняют его в форме просторечия.

Так же, как и представители модели 3, они овладевают немецким языком, при этом со временем немецкий язык становится для них доминирующим. Даже в ситуациях, когда использование русского языка осуществляется под их контролем, например, при предъявлении устного рассказа по картинкам, который записывается экспериментатором, их речь содержит отклонения от литературных норм, представляющие собой не только просторечные слова и формы, но и интерферентные явления. Приведем примеры отклонений от лексических норм в речи этой категории билингов: *с дерева у нас упал улей на пол* (вм. на землю) под влиянием немецкого *Voden*, означающего и землю, и пол; *Митя обнаружил ямку в земле / и принялся кричать туда* (вм. нору, норку) под влиянием немецкого *Höhle*, означающего нору, ямку, дырку и т. д.

Таким образом, случаи утраты явлений родного языка (аттриции) в большей степени характерны для носителей русского просторечия, чем для действительных носителей литературного языка.

Представим рассмотренные модели речевого онтогенеза в табл. 2.

Таблица 2

Модели речевого онтогенеза русско-немецких билингов, прибывших в Германию в юношеском возрасте

Периоды жизни	Дошкольный	Школьный	Вузовский	Период трудовой деятельности
Модель 3. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения устной формой литературного языка. Овладение письменной формой литературного языка. Знакомство с элементами просторечия	Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Использование просторечия как средства выражения экспрессии	Овладение немецким языком. Владение немецким языком и русским литературным языком как двумя автономными системами.

Окончание табл. 2

Периоды жизни	Дошкольный	Школьный	Вузовский	Период трудовой деятельности
Модель 4. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение просторечием. Знакомство с элементами литературного языка	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами литературного языка	Владение просторечием. Совершенствование владения литературным языком. Овладение стилем литературного языка, необходимым для ведения профессиональной деятельности. Избегание употребления просторечных слов и форм в речи на литературном языке	Овладение немецким языком. Владение русским просторечием и немецким языком. Пассивное владение литературным русским языком. Доминирование немецкого языка.

3.5. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве и с детства владеющих литературным языком (модель 5)

Модели речевого онтогенеза носителей русского языка, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве, обладают спецификой, связанной с тем, что уже в дошкольном возрасте представители этой группы билингов овладевают немецким языком. Их принято называть носителями унаследованного, или эритажного, русского языка. М. Полински и О. Каган пишут, что носители унаследованного языка (heritage speakers) — это ранние билингвы, которые овладели этим языком (L1) и языком большинства (L2) либо одновременно, либо последовательно в раннем детстве (примерно в возрасте до 5 лет), но для которых в какой-то момент L2 становится основным, доминирующим языком [Polinsky et al., 2007, с. 368]. Вместе с тем исследования показывают, что у носителей унаследованного языка также можно выделить две модели речевого онтогенеза, различающиеся отношением к нормативности их речи, — модели 5 и 6.

Уже было отмечено, что в русскоязычном эмигрантском сообществе имеются семьи, в которых культивируется литературный язык. Дети из этих семей, посещая дошкольные учреждения, одновременно усваивают и немецкий язык. В их русской и немецкой речи имеют место интерферентные явления, которые целенаправленно устраняются родителями и воспитателями немецких детских садов. Эти дети посещают русские школы,

читают русские книги, смотрят русские фильмы, общаются с родственниками, проживающими в России.

Анализ записей интервью и рассказов по картинкам показал отсутствие в них отклонений от норм литературного языка, в том числе и вызванных влиянием немецкого языка. Можно полагать, что владение литературным языком является фактором, препятствующим межъязыковой интерференции и, соответственно, способствующим сохранению русского языка в условиях диаспоры.

3.6. Модель речевого онтогенеза русско-немецких билингов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве и с детства использующих просторечие (модель б)

Члены 15 из 20 обследованных семей русско-немецких билингов, средством общения в которых является просторечие, также заинтересованы в сохранении русского языка, поэтому дети из этих семей посещают субботние и воскресные русские школы, а родители стремятся дома говорить с ними по-русски. Они также овладевают немецким языком в дошкольных учреждениях, а иногда общаются на нем и в семье, если один из родителей плохо владеет русским языком. Процесс утраты элементов русского языка у представителей этой группы билингов осуществляется более интенсивно, чем у носителей литературного языка. Если у дошкольников и младших школьников он еще слабо выражен, то у старшеклассников уже более очевиден [Anstatt, 2010].

Многие отклонения от литературных норм в этой группе испытуемых совпадают с ошибками немцев, изучающих русский язык как иностранный. Приведем отдельные примеры из опубликованных работ исполнителей проекта «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения». В речи данной категории билингов нередко встречаются случаи лексико-семантической интерференции. Например, слово *банка* заменяется словами *стекло*, *стакан*, *бутылка*: *лягушку он положил в стакан*; *собачка и мальчик встали / смотрят в бутылку*; *из стекла ночью / когда мальчик и собака заснул / лягушка выпалзывает*. Эти замены обусловлены влиянием немецкого слова *Glas*, означающего и стекло, и стакан, и стеклянную банку [Коврижкина, 2023, с. 286]. В сложных предложениях встречаются замены временного союза *когда* союзом *как*: *как лежит в кровати / на нем лежит собачка его*; *как он смотрит туда / где лягушка была / и заметил / что ее больше нет //* (БД-12), вызванные влиянием немецкого союза *als*, аналога союза *когда* (*в то время как*), который употребляется и в значении *как* (*в качестве*) [Цховребов, 2023, с. 298]. Имеют место случаи постановки сказуемого на последнее место в предложении под влиянием немецких рамочных конструкций и т. д.

Представим модели 5 и 6 (табл. 3).

Таблица 3

Модели речевого онтогенеза русско-немецких билингвов, родившихся в Германии или прибывших в нее в раннем детстве

Периоды жизни	Дошкольный	Школьный	Вузовский	Период трудовой деятельности
Модель 5. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства говорящих на литературном языке	Овладение устной формой русского литературного языка. Знакомство с элементами просторечия. Овладение немецким языком	Совершенствование владения устной формой русского литературного языка. Овладение письменной формой русского литературного языка. Совершенствование владения немецким языком	Владение немецким и литературным русским языком как относительно автономными языковыми системами	Использование немецкого языка в трудовом коллективе и литературного русского языка в семье и в общении в диаспоре
Модель 6. Стадии речевого онтогенеза людей, с детства использующих просторечие	Овладение русским просторечием. Овладение немецким языком	Владение просторечием. Овладение устной и письменной формами русского литературного языка. Совершенствование владения немецким языком	Владение немецким языком и русским просторечием. Влияние немецкого языка на русский	Использование немецкого языка в трудовом коллективе и русского просторечия в семье и в общении в диаспоре

4. Заключение = Conclusions

В настоящей работе представлены модели речевого онтогенеза носителей русского языка: русских монолингвов и проживающих в Германии русско-немецких билингвов. Основные выводы состоят в следующем:

1. Процесс речевого онтогенеза протекает у носителей русского языка по-разному в зависимости от того, осуществляется он в России или в Германии. В зарубежных странах на речевое развитие русскоязычных оказывает влияние язык большинства, и со временем он часто становится доминирующим.

2. При наличии общих психофизиологических закономерностей речевое развитие осуществляется по-разному в зависимости от того, какая разновидность русского языка используется как средство семейного общения: литературный язык или просторечие. Эта закономерность проявляется в речи как монолингвов, так и билингвов.

3. Речевой онтогенез билингов зависит от того, в каком возрасте они начинают использовать немецкий язык как средство общения. Овладевающие этим языком в дошкольном возрасте становятся его действительными носителями, а овладевающие в юношеском и более старшем возрасте, как правило, пользователями немецкого языка. Это и объясняет большее количество отклонений от литературных норм в русской речи детей-билингвов по сравнению с речью их родителей: ошибки возникают под влиянием немецкого языка.

4. Владение литературными нормами препятствует утрате элементов русского языка, выступает как значимый фактор его сохранения за рубежом. Это положение значимо не только для понимания процессов билингвизма, но и для обучения русскому языку в зарубежных школах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Браудо Т. Е. Онтогенез речевого развития / Т. Е. Браудо, М. Ю. Бобылова, М. В. Казакова // Русский журнал детской неврологии. — 2017. — Том 12, № 1. — С. 41—46. — DOI: 10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46.

2. Войлова К. А. Судьба просторечия в русском языке : автореферат диссертация ... доктора филологических наук / К. А. Войлова. — Москва : Изд-во Московского педагогического университета, 2000. — 40 с.

3. Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики / В. Е. Гольдин // Русский язык сегодня. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 53—65. — ISBN 5-937860-02-0.

4. Горбаневский М. В. Не говори шершавым языком : о нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / М. В. Горбаневский, Ю. Н. Караулов, В. М. Шаклеин. — Москва : Изд-во РУДН, 2010. — 300 с. — ISBN 978-5-209-03219-9.

5. Елисеева М. Б. Речевой онтогенез: взгляд лингвиста / М. Б. Елисеева // Логопед. — 2005. — № 4. — С. 18—28.

6. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Т. И. Ерофеева. — Пермь : Пермский государственный университет, 2009. — 239 с. — ISBN 978-5-7944-1307-6.

7. Земская Е. А. Активные процессы в языке русского зарубежья // Современный русский язык : активные процессы на рубеже XX—XXI веков. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — С. 613—669. — ISBN 5-9551-0216-7.

8. Капаназде Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык / Л. А. Капаназде // Городское просторечие: проблемы изучения : сборник научных трудов / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. — Москва : Наука, 1984. — С. 5—12.

9. Коврижкина Д. Г. Лексические особенности русской речи билингвов в Германии и монолингвов в России: экспериментальное исследование / Д. Г. Коврижкина, Л. В. Московкин // Русистика. — 2023. — Том 21, № 3. — С. 293—305. — DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292.

10. Колесникова Н. И. Преподавание речеведческих дисциплин в нефилологическом вузе / Н. И. Колесникова // Высшее образование в России. — 2010. — № 12. — С. 119—127.
11. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 21. — С. 100—110.
12. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1989. — 188 с. — ISBN 5-02-010915-0.
13. Нецименко Г. П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка / Г. П. Нецименко // Русский язык сегодня : сборник статей. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 208—220. — ISBN 5-937860-02-0.
14. Основы теории речевой деятельности / ред. А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1974. — 368 с.
15. Петрова А. А. Развитие речи в онтогенезе: проблемы моделирования / А. А. Петрова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2009. — № 1 (9). — С. 112—117.
16. Прияткина А. Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба / А. Ф. Прияткина // Русский язык сегодня: сборник статей. — Москва : Азбуковник, 2000. — Выпуск 1. — С. 231—239. — ISBN 5-937860-02-0.
17. Русский язык повседневного общения: грамматический аспект / Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2017. — № 5. — С. 19—25.
18. Семенов В. Е. Русская речь в современной России: тенденции развития по результатам социологического исследования / В. Е. Семенов, Е. Е. Юрков. — Санкт-Петербург : Политехника, 2004. — 45 с. — ISBN 5-7325-0635-7.
19. Семенова М. А. Об особенностях преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в техническом вузе / М. А. Семенова // Известия ВолГТУ. — 2010. — Том 9, № 8. — С. 146—149.
20. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. — 1973. — № 2. — С. 3—12.
21. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. — 272 с. — ISBN 5-8465-0003-X.
22. Цейтлин С. Н. Онтолингвистика в пути / С. Н. Цейтлин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2018. — № 189. — С. 12—22.
23. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок : освоение ребенком родного языка / С. Н. Цейтлин. — Москва : ВЛАДОС, 2017. — 240 с. — ISBN 978-5-9500675-3-2.
24. Цховребов А. С. Сложное предложение в русской речи билингов и молилингвов: анализ отклонений от нормы / А. С. Цховребов, Г. Н. Шамонова // Русистика. — 2023. — Том 21, № 3. — С. 293—305. — DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-293-305.
25. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И. В. Шалина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2009. — 444 с. — ISBN 978-5-7996-0460-8.
26. Шапошников В. Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе / В. Н. Шапошников. — Москва : Либроком, 2012. — 176 с. — ISBN 978-5-397-02460-0.

27. *Anstatt T.* Kognitive Strategien Zweisprachiger: Lösungen lexikalischer Probleme im Russischen bilingualer Kinder und Jugendlicher / T. Anstatt // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2010. — P. 217—239.
28. *Anstatt T.* Russisch in der zweiten Generation: Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland / T. Anstatt // Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Migration / L. M. Eichinger, F. Plewnia, M. Steinle. (eds.). — Tübingen : Narr Verlag, 2011. — P. 101—128. — ISBN 139783823366324.
29. *Brehmer B.* Lost in transmission? Family language input and its role for the development of Russian as a heritage language in Germany / B. Brehmer, T. Kurbangulova // Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians / L. Isurin, C. M. Riehl (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2017. — P. 225—268. — DOI: 10.1075/impact.44.08bre.
30. *Develaki M.* Key-Aspects of Scientific Modeling Exemplified by School Science Models: Some Units for Teaching Contextualized Scientific / M. Develaki // Interchange. — 2016. — Vol. 47. — P. 297—327. — DOI: 10.1007/s10780-016-9277-7.
31. *Gagarina N.* Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals / N. Gagarina, A. Klassert // Frontiers in Communication. — 2018. — No. 3:40. — P. 1—14. — DOI: 10.3389/fcomm.2018.00040.
32. *Mayer M.* Frog, Where Are You? / M. Mayer. — New York : Penguin Young Readers Group, 1969. — 32 p.
33. *Polinsky M.* Heritage Languages and their Speakers / M. Polinsky. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 410 p. — ISBN 9781107252349.
34. *Polinsky M.* Heritage Languages: In the ‘Wild’ and in the Classroom / M. Polinsky, O. Kagan // Language and Linguistics Compass. — 2007. — No. 1 (5). — P. 368—395. — DOI: 10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x.
35. *Ritchev T.* Analysis and synthesis: On scientific method — based on a study by Bernhard Riemann / T. Ritchev // Systems Research. — 1991. — Vol. 8, № 4. — P. 21—41. — DOI: 10.1002/SRES.3850080402.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023,
одобрена после рецензирования 11.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

References

- Anstatt, T. (2010). Cognitive strategies of bilinguals: Solutions to lexical problems in the Russian of bilingual children and adolescents. In: *The Slavic languages in the light of cognitive linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz. 217—239. (In Germ.).
- Anstatt, T. (2011). Russian in the second generation: On the language situation of young people from Russian-speaking families in Germany. In: Eichinger, L. M., Plewnia, F., Steinle, M. (eds.). *Language and integration. On multilingualism and migration*. Tübingen: Narr Verlag. 101—128. ISBN 139783823366324. (In Germ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. (2017). Russian language of everyday communication: grammatical aspect. *Socio- and psycholinguistic studies*, 5: 19—25. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. (2019). Corpus of the Russian language of everyday communication “One speech day”

- (ORD): current state and prospects. *Proceedings of the Russian Language Institute them. V. V. Vinogradova*, 21: 100—110. (In Russ.).
- Braudo, T. E., Bobylova, M. Yu., Kazakova, M. V. (2017). Ontogenesis of speech development. *Russian Journal of Child Neurology*, 12 (1): 41—46. DOI: 10.17650/2073-8803-2017-12-1-41-46. (In Russ.).
- Brehmer, B., Kurbangulova, T. (2017). Lost in transmission? Family language input and its role for the development of Russian as a heritage language in Germany. In: Isurin, L., Riehl, C. M. (eds.). *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 225—268. DOI: 10.1075/impact.44.08bre.
- Chemist, V. V. (2000). *Poetics of the low, or vernacular as a cultural phenomenon*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 272 p. ISBN 5-8465-0003-X. (In Russ.).
- Develaki, M. (2016). Key-Aspects of Scientific Modeling Exemplified by School Science Models: Some Units for Teaching Contextualized Scientific. *Interchange*, 47: 297—327. DOI: 10.1007/s10780-016-9277-7.
- Eliseeva, M. B. (2005). Speech ontogenesis: a linguist's view. *Speech therapist*, 4: 18—28. (In Russ.).
- Erofeeva, T. I. (2009). *Sociolect: stratification study*. Perm: Perm State University. 239 p. ISBN 978-5-7944-1307-6. (In Russ.).
- Filin, F. P. (1973). On the structure of the modern Russian literary language. *Questions of linguistics*, 2: 3—12. (In Russ.).
- Gagarina, N., Klassert, A. (2018). Input dominance and development of home language in Russian-German bilinguals. *Frontiers in Communication*, 3: 1—14. DOI: 10.3389/fcomm.2018.00040.
- Goldin, V. E. (2000). Internal typology of Russian speech and the structure of Russian studies. In: *Russian language today*, 1. Moscow: Azbukovnik. 53—65. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).
- Orbanevsky, M. V., Karaulov, Yu. N., Shaklein, V. M. (2010). *Don't speak in rough language: about violations of the norms of literary speech in electronic and print media*. Moscow: RUDN Publishing House. 300 p. ISBN 978-5-209-03219-9. (In Russ.).
- Kapanadze, L. A. (1984). Modern urban vernacular and literary language. In: Zemskoy, E. A., Shmeleva, D. N. *Urban vernacular: problems of study: collection of scientific works*. Moscow: Science. 5—12. (In Russ.).
- Kolesnikova, N. I. (2010). Teaching speech science disciplines at a non-philological university. *Higher education in Russia*, 12: 119—127. (In Russ.).
- Kovrizhkina, D. G., Moskovkin, L. V. (2023). Lexical features of Russian speech of bilinguals in Germany and monolinguals in Russia: experimental study. *Russian Studies*, 21(3): 293—305. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-278-292. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1989). *Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language*. Moscow: Nauka. 188 p. ISBN 5-02-010915-0. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (ed.). (1974). *Fundamentals of the theory of speech activity*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Mayer, M. (1969). *Frog, Where Are You?* New York: Penguin Young Readers Group. 32 p.
- Neshchimenko, G. P. (2000). On the problem of functional differentiation of the ethnic language. In: *Russian language today: collection of articles*, 1. Moscow: Azbukovnik. 208—220. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).

- Petrova, A. A. (2009). Development of speech in ontogenesis: problems of modeling. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 1 (9)*: 112—117. (In Russ.).
- Polinsky, M. (2018). *Heritage Languages and their Speakers*. Cambridge : Cambridge University Press. 410 p. ISBN 9781107252349.
- Polinsky, M., Kagan, O. (2007). Heritage Languages: In the ‘Wild’ and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass, 1 (5)*: 368—395. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x.
- Priyatkina, A. F. (2000). Vernacular neoplasms: their basis and fate. *Russian language today: collection of articles, 1*. Moscow: Azbukovnik. 231—239. ISBN 5-937860-02-0. (In Russ.).
- Ritchey, T. (1991). Analysis and synthesis: On scientific method — based on a study by Bernhard Riemann. *Systems Research, 8(4)*: 21—41. DOI: 10.1002/SRES.3850080402.
- Semenov, V. E., Yurkov, E. E. (2004). *Russian speech in modern Russia: development trends based on the results of sociological research*. St. Petersburg: Polytechnic. 45 p. ISBN 5-7325-0635-7. (In Russ.).
- Semenova, M. A. (2010). On the features of teaching the discipline “Russian language and culture of speech” at a technical university. *News of VolSTU, 9 (8)*: 146—149. (In Russ.).
- Shalina, I. V. (2009). *Ural urban vernacular: cultural scenarios*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 444 p. ISBN 978-5-7996-0460-8. (In Russ.).
- Shaposhnikov, V. N. (2012). *Vernacular speech in the Russian language system at the present stage*. Moscow: Librocom. 176 p. ISBN 978-5-397-02460-0. (In Russ.).
- Tseitlin, S. N. (2017). *Language and the child: a child’s mastery of his native language*. Moscow: VLADOS. 240 p. ISBN 978-5-9500675-3-2. (In Russ.).
- Tseitlin, S. N. (2018). Ontolinguistics on the way. *News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, 189*: 12—22. (In Russ.).
- Tskhovrebov, A. S., Shamonina, G. N. (2023). Complex sentence in Russian speech of bilinguals and monolinguals: analysis of deviations from the norm. *Russian Studies, 21 (3)*: 293—305. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-3-293-305. (In Russ.).
- Voilova, K. A. *The fate of common speech in the Russian language: author’s abstract of Doct Diss*. Moscow: Publishing house of Moscow Pedagogical University, 2000. 40 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2008). Active processes in the language of Russian abroad. In: *Modern Russian language: active processes at the turn of the 20th—21st centuries*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 613—669. ISBN 5-9551-0216-7. (In Russ.).

*The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 11.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*

Информация для цитирования:

Онуфриева Е. С. Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθουμαι* / Е. С. Онуфриева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 104—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122.

Onufrieva, E. S. (2023). Modern Greek Constructions with Position Verb *κάθουμαι*. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 104-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-104-122

Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθουμαι*

Онуфриева Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0003-3395-4516
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры византийской и
новогреческой филологии
lisa.onufrieva@gmail.com

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Modern Greek Constructions with Position Verb *κάθουμαι*

Elizaveta S. Onufrieva
orcid.org/0000-0003-3395-4516
PhD in Philology, lecturer,
Department of Byzantine and
Modern Greek Studies
lisa.onufrieva@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

© Онуфриева Е. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу функционирования новогреческого глагола *κάθωμαι* ‘сидеть’ в аспекте его взаимодействия с его лексическим и синтаксическим окружением. Актуальность работы обусловлена малоисследованностью системы позиционных глаголов новогреческого языка и путей их грамматикализации. Исследование проводится с использованием корпусного и лексикографического методов на материале данных двух корпусов текстов — Национального корпуса греческого языка и корпуса eTenTen19 — и основных словарей новогреческого языка. Анализируется спектр значений глагола *κάθωμαι* и характеризуются конструкции, в которых эти значения проявляются. Отдельно проводится корпусный анализ конструкции *Τι κάθωσαι και Χ*. Показано, что новогреческий глагол *κάθωμαι* представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу, значение которой определяется ее окружением. В составе конструкции *Τι κάθωσαι και Χ*, выражающей негативную оценку действия или состояния *Χ*, глагол *κάθωμαι* утрачивает свое значение специфической позы человека, однако в зависимости от лексического наполнения слота способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения. Взаимодействие глагола *κάθωμαι* как составного элемента конструкции и лексического наполнения слота конструкции позволяет рассматриваемому глаголу проявлять свою полисемию.

Ключевые слова:

глаголы позиции; глагол *κάθωμαι*; конструкции; грамматикализация; новогреческий язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the functioning of the Modern Greek verb *κάθωμαι* ‘to sit’ in relation to its lexical and syntactic environment. The study is motivated by the under-researched system of position verbs in Modern Greek and their grammaticalization. Corpus and lexicographic methods are used, drawing on data from the National Corpus of Greek and the eTenTen19 corpus, as well as major Modern Greek dictionaries. The spectrum of meanings of *κάθωμαι* is analyzed, along with the constructions in which these meanings are manifested. A corpus analysis of the construction *Τι κάθωσαι και Χ* is separately conducted. The study shows that *κάθωμαι* is a weakly semantically-specified lexical unit whose meaning is determined by its context. In the construction *Τι κάθωσαι και Χ*, which expresses a negative evaluation of an action or state *Χ*, the verb *κάθωμαι* loses its meaning of a specific human posture. However, depending on the lexical content of the construction slot, it is capable of demonstrating various non-locative meanings within the same construction. The interaction between *κάθωμαι* as a constituent element of the construction and the lexical content of the slot allows this verb to exhibit its polysemy.

Key words:

Position verbs; verb *κάθωμαι*; constructions; grammaticalization; Modern Greek language.

Новогреческие конструкции с глаголом позиции *κάθωμαι*

© Онуфриева Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Глаголы позиции, такие как греч. *κάθωμαι* ‘сидеть’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи, за исключением особо оговоренных случаев), *στέκομαι* ‘стоять’, описывающие тип положения субъекта в пространстве, принадлежат, наряду с глаголами движения, к числу частых источников грамматикализации и конструкционализации в разных языках мира (об этом см., например, [Bybee et al., 1994, с. 127—131; Kuteva, 1999; Kuteva, 2001; The Linguistics of Sitting ..., 2002; World Lexicon ..., 2019, с. 257—258, 404—406, 409—412; Дмитренко и др., 2013; Майсак, 2005]).

Среди возможных причин частой эволюции основных глаголов позиции в вспомогательные единицы с грамматикализованным значением (например, в маркеры прогрессива, дуратива и континуатива) исследователи называют необходимость заполнения функциональной лакуны в системе видовременных форм глагола конкретного языка [Hewson et al., 1997, с. 340—341], базовость глаголов позиции и высокую частоту их использования, в том числе для характеристики местонахождения неодушевленных объектов в языках с классифицирующей тенденцией [Kuteva, 2001, с. 44], специфику исходного, широкого значения этих глаголов [Bybee et al., 1994, с. 130], а также обслуживающий характер описываемых ими ситуаций [Дмитренко и др., 2013, с. 159].

С. Ю. Дмитренко и В. С. Храковский отмечают: «Главная особенность ситуаций лежания, сидения и стояния состоит в том, что они почти никогда не являются самоцелью. Мы довольно редко лежим, для того чтобы лежать, еще реже сидим, для того чтобы сидеть, и уж совсем редко стоим, для того чтобы стоять» [Дмитренко и др., 2013, с. 159]. Вследствие этого «ситуации лежания, сидения и стояния, грубо говоря, можно назвать обслуживающими ситуациями, то есть выполняющими служебную роль. Отсюда прямой путь к грамматикализации глаголов пространственных положений, то есть к утрате лексемами своего лексического значения и к их превращению в показатели определенных грамматических значений, что и наблюдается в самых различных языках, в том числе и в русском», где су-

ществуют, например, такие конструкции, как *Студенты стоят и думают*, *Книга лежит и пылится*, *Что же ты сидел молчал* и т. п. [Там же].

Помимо основных положений в пространстве — *сидеть*, *лежать*, *стоять*, также *висеть*, — класс позиционных глаголов включает и другие единицы. В фундаментальной семантической классификации предикатов, предложенной Ю. Д. Апресяном, общей для этого класса является идея контакта между рабочей частью агенса или пациенса (например, *опираться локтем*) и опорой (*опираться на перила*) [Апресян, 2006, с. 87, 95]. Актуальными для глаголов позиции являются аспектуально-каузативные значения нахождения в состоянии (*сидеть*), вхождения в состояние (*садиться*) и каузации вхождения в состояние (*посадить*) [Апресян, 2006, с. 87—88; Майсак, 2005, с. 121; Talmy, 1985, с. 85]. В некоторых случаях все три перечисленных значения могут выражаться в языке одной и той же формой глагола в разном синтаксическом окружении (ср. английское *sit*).

В новогреческом языке к глаголам позиции, помимо уже упоминавшихся выше *κάθομαι* ‘сидеть’, *στέκομαι* ‘стоять’ и редко используемого *κείτομαι* ‘лежать’, относятся также *κρέμομαι* ‘висеть’, *στηρίζομαι* ‘опираться’, *ακουμπώ* ‘касаться; опираться, облокачиваться’, *σηκώνομαι* ‘вставать, подниматься’, *ορθοστατώ* ‘стоять прямо’, *ζαπλώνω* ‘ложиться’, *πλαγιάζω* ‘укладываться’, *καβαλώ* и *καβαλικέω* ‘сидеть верхом’, *γονατίζω* и *γονυπετώ* ‘вставать на колени’, *θρονιάζομαι* ‘восседать’, *στρογγυλοκάθομαι* ‘сидеть раскинувшись’ и др.

Не все глаголы позиции в равной степени подвержены грамматикализации. Дж. Байби и ее коллеги отмечают, что слова, входящие в состав грамматических конструкций, всегда относятся к числу наиболее частотных единиц языка и обладают максимально широким значением: «Лексические единицы, подходящие для грамматических конструкций, — это скорее *идти* и *приходить*, чем более специфичные и менее частотные *плыть* или *выходить*; скорее *иметь* или *получать*, чем *покупать* или *воровать*» [Bybee et al., 1994, с. 130].

Описанию новогреческих глаголов позиции на данный момент посвящены немногочисленные работы. Среди них можно выделить работы Э. Антонопулу [Antonopoulou, 1987], С. Свору [Svorou, 2018], К. Бонно и С. Василяки [Bonnot et al., 2021], Т. С. Борисовой и Л. В. Табаченко [Борисова и др., 2022]. Отдельные упоминания о возможности функционирования новогреческих глаголов позиции в качестве вспомогательных содержатся в работах М. Сетатоса [Σετάτος, 1994, с. 431, 438].

Данная статья посвящена анализу специфики функционирования новогреческого глагола *κάθομαι* ‘сидеть’ в аспекте взаимодействия с его лексическим и синтаксическим окружением. Глагол *κάθομαι* является одним из

базовых глаголов позиции в современном греческом языке и обладает широким спектром значений, некоторые из которых можно, по всей видимости, признать лингвоспецифичными. В качестве составного элемента *κάθωμαι* участвует в образовании разнообразных конструкций, описание которых является особенно актуальным ввиду малоисследованности системы позиционных глаголов новогреческого языка и путей их грамматикализации.

Новизна данной статьи видится в том, что в ней значения новогреческого глагола позиции *κάθωμαι* впервые исследуются в прямой связи с его лексическим и синтаксическим окружением. На примере конструкции *Τι κάθεςσαι και Χ* показано, что глагол *κάθωμαι* способен в рамках одной и той же конструкции проявлять полисемию, взаимодействуя с лексическим наполнением слота.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — исследовать спектр значений глагола *κάθωμαι* ‘сидеть’ и особенности его функционирования в составе различных конструкций новогреческого языка.

Задачи исследования:

- проанализировать значения глагола *κάθωμαι*;
- определить, как значения глагола *κάθωμαι* соотносятся с его синтаксическим и лексическим окружением, и охарактеризовать основные конструкции с этим глаголом;
- проанализировать конструкцию *Τι κάθεςσαι και Χ* (букв. ‘что ты сидишь и Х’), представляющую собой частную реализацию синтаксического паттерна *κάθωμαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’: изучить семантику этой конструкции и семантический вклад глагола *κάθωμαι* в значение конструкции, определить степень грамматикализации *κάθωμαι* в составе конструкции, набор актантов, заполняющих слот конструкции, и специфику взаимодействия *κάθωμαι* как с актантами, заполняющими слот, так и со всей конструкцией в целом.

Исследование проводится с привлечением корпусного и лексикографического методов. Используется материал двух корпусов текстов: крупнейшего на текущий момент веб-корпуса новогреческого языка eTenTen19 (Corpus of the Greek Web) общим объемом 2,3 млрд слов, доступного на платформе sketchengine.co.uk, и Национального корпуса греческого языка (ΕΘΕΓ) общим объемом 96,5 млн слов. Также привлекаются данные основных общезыковых словарей: Словаря новогреческого языка Афинской академии под редакцией Х. Хараламбакиса [ΧΑΝΓ, 2014], Словаря стандартного новогреческого языка Института новогреческих исследований Университета имени Аристотеля в Салониках (т. н. «Словарь Триандафил-

лидиса») [ΛΚΝ] и Словаря новогреческого языка Г. Бабиньотиса [Μπαμπινιώτης, 2005].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Глагол *κάθωμα* и спектр его значений в новогреческом языке

Количество значений, закрепляемых за глаголом *κάθωμα* в трех основных словарях новогреческого языка [ΧΛΝΓ, 2014, с. 740; ΛΚΝ; Μπαμπινιώτης, 2005, с. 804—805], варьируется от пяти до девятнадцати.

Число значений, закрепляемых разными словарями за глаголом *κάθωμα*, коррелирует со степенью аналитичности толкования каждого из возможных употреблений этого глагола. Так, в словаре Г. Бабиньотиса статическая и динамическая интерпретации глагола *κάθωμα* — ‘сидеть’ и ‘садиться’ — разграничены и приведены как разные значения, в то время как в словаре Афинской академии они объединены в одно значение. Число основных значений *κάθωμα* также коррелирует с числом идиоматичных употреблений этого глагола, вынесенных в «заромбовую» часть словарной статьи в качестве устойчивых выражений с пометами *φρ.* ‘фраза’ или *έκφρ.* ‘выражение’. Так, значение ‘уступать, поддаваться чьим-либо ухаживаниям’, выделяемое в словаре Г. Бабиньотиса в качестве основного (девятнадцатого), в словаре Афинской академии вынесено в «заромбовую» часть словарной статьи как фразеологизм *του κάθισε*.

Приведем перечень значений глагола *κάθωμα*, указанных в Словаре Афинской академии [ΧΛΝΓ, 2014, с. 740]:

1. придавать своему телу такое положение, чтобы его вес поддерживался ягодицами, обычно при корпусе, перпендикулярном бедрам;
2. стоять;
3. (разг.) проживать, жить;
4. (разг.) находиться в определенном состоянии;
5. (разг.) мириться с чем-либо;
6. (разг.) бездействовать, бездельничать.

В своем прямом значении — собственно ‘сидеть’ или ‘садиться’ — глагол *κάθωμα* используется главным образом в отношении человека и антропоморфных существ, обладающих такими специфическими частями тела, как ягодицы и бедра.

(1) *Παίρω την κούπα με τον καφέ και κάθωμα στον καναπέ.*¹

‘Я беру кружку с кофе и **сажусь** на диван’.

(2) *Δίπλα του στο αυτοκίνητο, καθόταν η 19χρονη φίλη του Σάρα.*

‘Рядом с ним в машине **сидела** его 19-летняя подруга Сара’.

1 В примерах (1)—(15), (17) использованы контексты из Национального корпуса греческого языка (ΕΘΕΓ). В примере (16) используется контекст из корпуса elTenTen19.

Ключевой для первого значения глагола *κάθομαι* является валентность опоры. Если валентность опоры не выражена (например, словами *στον καναπέ* ‘на диване’, *στην καρέκλα* ‘на стуле’, *στην πολυθρόνα* ‘на кресле’ и пр.), а актанта, заполняющий валентность места, не предполагает пребывания субъекта только в положении сидя (как в случае с *στο αυτοκίνητο* ‘в машине’), точное значение новогреческого *κάθομαι* — слабосемантизированного глагола, нуждающегося в поддержке контекста, — часто сложно и даже невозможно с точностью интерпретировать. Нередко значение *κάθομαι* можно толковать и как ‘сидеть’, и как ‘стоять’, и как ‘находиться в неконкретизированной позиции’.

Как показывает анализ контекстов Национального корпуса новогреческого языка, *κάθομαι* может также использоваться для описания положения в пространстве птиц (например, *καρακάξα* ‘сорока’, *κουρούνα* ‘ворона’, *περιστέρι* ‘голубь’, *κουκουβάγια* ‘сова’), насекомых (*μύγα* ‘муха’, *τσιμπούρι* ‘клец’, *μέλισσα* ‘пчела’), рептилий (*σαύρα* ‘ящерица’) и млекопитающих (*γάτα* ‘кошка’, *σκύλος* ‘собака’, *αρκούδα* ‘медведь’):

(3) *Απέναντι, μία καρακάξα κάθεται στην κορυφή του κυπαρισσιού και προσεκτικά παρατηρεί την πρωινή κίνηση.*

‘Напротив на вершине кипариса **сидит** сорока и внимательно следит за утренним движением’.

(4) *Έχει και μια αρκούδα, είναι αποκαμωμένη από τη ζέστη και κάθεται κάτω από μία μουριά, δίχως την αλυσίδα της.*

‘А еще у него есть медведь, который устал от жары и **сидит** под шелковицей без своей цепи’.

Если для такого животного, как *αρκούδα* ‘медведь’, семантический компонент специфической позы актуален, — это животное может как сидеть, так и лежать или стоять, — то в случае с птицами, насекомыми и рептилиями *κάθομαι* указывает уже не на специфическое положение корпуса агенса как одну из доступных альтернатив в ряду «горизонтальное положение корпуса» — «горизонтально-вертикальное» — «вертикальное», а на пребывание агенса в какой-либо локации в контакте с какой-либо опорой в неподвижном или малоподвижном состоянии либо на вхождение в указанное состояние, прекращение движения.

Понять, что глагол *κάθομαι* обозначает именно специфическую позу в случае с людьми и некоторыми высокоорганизованными животными, помогает не только выраженная валентность опоры, но и выраженная валентность рабочей части (*ο σκύλος κάθεται στα πίσνά του πόδια* ‘собака сидит на задних лапах’), хотя возможности реализации последней во многом ограничены из-за немногочисленности релевантных актантов.

Для описания положения в пространстве неодушевленных объектов в новогреческом языке, который можно охарактеризовать как язык с уни-

версальной, а не классифицирующей тенденцией, нормативно используется основной локативный предикат *είμαι* ‘быть’. В то же время отдельные случаи использования глагола *κάθομαι* с обозначениями неодушевленных объектов также встречаются в корпусе:

(5) *Πιστεύουν ότι αν το γιαούρτι **κάθεται** δίπλα του παστουρμά πάνε περίπατο οι Δέκα Εντολές.*

‘Они считают, что, если йогурт **находится** (букв. ‘сидит’) рядом с бастурмой, то десять заповедей безвозвратно нарушены’.

Контексты, в которых с помощью *κάθομαι* описывается положение неодушевленного объекта в пространстве без какого-либо указания на опору, как в примере (5), в корпусе единичны. Чаше *κάθομαι* указывает на плотный контакт двух объектов и нахождение одного объекта непосредственно на другом, служащем ему опорой или каркасом: *το λάστιχο **κάθεται** πάνω στη ζάντα* ‘шина сидит на диске’, *το καλούπι **κάθεται** πάνω στην σιδηροκατασκευή* ‘форма для отливки сидит на железной конструкции’. Идея плотного контакта неодушевленного объекта с его окружением проявляется и в таком идиоматичном использовании глагола *κάθομαι*, как ‘застрывать’: *το χάπι μου **έκατσε** στο λαιμό* ‘таблетка застряла (букв. ‘села’) у меня в горле’, *το πρωινό του **έκατσε** στο στομάχι* ‘завтрак встал у него поперек желудка (букв. ‘сел у него в желудке’)’, *η ιδέα **έκατσε** στη σκέψη του* ‘идея засела в его мыслях’ или *το καϊκι **έκατσε** στην άμμο* ‘лодочка застряла (букв. ‘села’) в песке’.

В некоторых случаях *κάθομαι* транслирует идею движения неодушевленного объекта сверху вниз по направлению к какой-либо опоре: ‘оседать, опускаться, покрывая собой какую-либо поверхность’ (*η λάσπη **κάθεται** στον πυθμένα της θάλασσας* ‘грязь оседает на дне моря’, *η σκόνη **κάθεται** σε κάθε επιφάνεια* ‘пыль оседает на всех поверхностях’) и ‘проседать’ (*κάθισε το χώμα* ‘земля просела’).

Валентность опоры актуальна и для более сложных новогреческих конструкций со значением специфического положения тела человека: *κάθομαι **καβάλα*** ‘сидеть верхом’, *κάθομαι **σταυροπόδι*** ‘сидеть нога на ногу’, *κάθομαι **ανακούκουδα*** ‘сидеть на корточках’, *κάθομαι **οκλαδόν*** ‘сидеть по-турецки’, *κάθομαι **στα τέσσερα*** ‘стоять (букв. ‘сидеть’) на четвереньках’ и пр. (например, *κάθομαι **καβάλα** σε μία μηχανή* ‘сидеть верхом на мотоцикле’, *κάθομαι **ανακούκουδα** στο πάτωμα* ‘сидеть на корточках на полу’).

В некоторых случаях семантика глагола *κάθομαι* вступает в формальный конфликт с семантикой других элементов конструкции. Так, значение ‘стоять’ наиболее явно проявляется глаголом *κάθομαι* в составе конструкции *κάθομαι **όρθιος***, букв. ‘сидеть стоя’, т.е. просто ‘стоять’, *κάθομαι **προσοχή*** или *κάθομαι **σε στάση προσοχής*** ‘стоять (букв. ‘сидеть’) по стойке смирно’, *κάθομαι **σούζα*** или *κάθομαι **κλαρίνο*** ‘стоять (букв. ‘сидеть’) вы-

тянувшись’ и др. Во всех приведенных выражениях глагол *κάθομαι* можно заменить глаголом *στέκομαι* ‘стоять’ без изменения смысла.

(6) *Οικογένεια κάθεται όρθια σε ολόκληρο το ταξίδι για να αποβιβαστεί πρώτη από το πλοίο.*

‘Семья **стоит** (букв. ‘сидит стоя’) на протяжении всей поездки, чтобы первой сойти с корабля’.

Большой интерес представляют и конструкции *κάθομαι ζαπλωμένος*, букв. ‘сидеть лежа’, то есть ‘лежать’, и *κάθομαι καθιστός*, букв. ‘сидеть сидя’, или *κάθομαι σε καθιστή θέση*, букв. ‘сидеть в сидячем положении’, то есть просто ‘сидеть’:

(7) *Καθόμασταν ζαπλωμένοι κοντά στη σκηνή μας και χαίρομασταν την όμορφη βραδιά.*

‘Мы **лежали** (букв. ‘сидели лежа’) рядом со своей палаткой и радовались прекрасному вечеру’.

(8) *Επιπλέον, προσπαθούσε να σηκώσει τον κορμό της πιο ψηλά και να κάθεται σε καθιστή θέση για παραπάνω ώρα.*

‘Кроме того, она пыталась поднять свой корпус повыше и **оставаться** (букв. ‘сидеть’) **в положении сидя** большее количество времени’.

Наличие в новогреческом языке конструкций типа *κάθομαι καθιστός* ‘сидеть сидя’ служит ярким свидетельством расплывчатости семантики глагола *κάθομαι* даже в его прямом значении ‘сидеть’.

Ю. Д. Апресян, характеризуя глаголы положения в пространстве как прототипически трехвалентные единицы, обладающие валентностями агенса / пациенса, опоры и рабочей части, отмечает: «Основной четверке глаголов со значением положения в пространстве не чужда идея местонахождения, которая, возможно, сообщает им еще одну валентность, а именно валентность места: *стоять у окна, сидеть в полупустом зале, лежать в столе, висеть под потолком*» [Апресян, 2006, с. 95]. Валентность места выходит на первый план в случае использования новогреческого глагола *κάθομαι* в значении ‘жить, проживать где-либо’, в то время как валентности опоры и рабочей части теряют в этом случае свою актуальность, так как *κάθομαι* уже не обозначает специфическое положение тела человека:

(9) *Στο σπίτι του — καθόταν στη Μητροπόλεως — είδα για πρώτη φορά Θεόφιλο.*

‘У него дома — он жил (букв. ‘сидел’) на улице Митрополеос — я впервые увидел Феофилоса’.

В значении ‘жить, проживать где-либо’ глагол *κάθομαι* нередко сопровождается названиями улиц (*στη Μητροπόλεως* ‘на улице Митрополеос’), районов (*στο Βατραχονήσι* ‘в Ватрахониси’), городов (*στη Νέα Υόρκη* ‘в Нью-Йорке’) и пр., или иными оборотами, способствующими его соответству-

ющей интерпретации (*κάθομαι με νοίκι σε ένα μικρό διαμέρισμα* ‘жить (букв. ‘сидеть’) с арендной платой в маленькой квартире’, *κάθομαι σε ένα περιποιημένο σπιτάκι μαζί με τη γυναίκα μου* ‘жить (букв. ‘сидеть’) в ухоженном домике вместе со своей женой’).

Позиционная семантика глагола *κάθομαι* утрачивается и в конструкциях типа *κάθομαι στο τιμόνι* ‘сидеть за рулем’, *κάθομαι στον υπολογιστή* ‘сидеть за компьютером’, *κάθομαι στη ραπτομηχανή* ‘сидеть за швейной машинкой’, *κάθομαι με το παιδί* ‘сидеть с ребенком’ со значением вовлеченности в какое-либо занятие. Второй компонент таких конструкций (как правило, предложный оборот) является указанием на специфику конкретного занятия. Показательно, что одним из значений, закрепляемых за глаголом *κάθομαι* в словаре Г. Бабиньотиса, является значение ‘заниматься, посвящать много времени чему-либо’.

(10) *Μου έλεγε ότι κάθεται στο ραδιόφωνο και έχει την καλύτερη συντροφιά.*
‘Она говорила мне, что **сидит у радиоприемника** и это ее лучший компаньон’.

Значение начала вовлеченности в какое-либо занятие может выражаться конструкцией *κάθομαι να Χ* ‘сидеться, чтобы Χ’:

(11) *Όταν ο Γκόρκι καθόταν να γράψει τη βιογραφία του ήξερε πως η ρωσική λογοτεχνία είχε μια μεγάλη παράδοση πάνω στο είδος αυτό.*

‘Когда Горький **садился писать** свою биографию, он знал, что у русской литературы уже была долгая традиция этого жанра’.

Идея пребывания агенса в малоподвижном или неподвижном состоянии может быть переосмыслена как состояние покоя или бездействие. В значении ‘бездействовать, бездельничать’ *κάθομαι* может использоваться автономно или в сопровождении слов со значением длительности (*πολύ* ‘много, долго’, *όλη μέρα* ‘весь день’, *καθόλου* ‘совсем не’). Интересен контраст этого значения глагола *κάθομαι* со значением вовлеченности в какое-либо занятие, описанным выше.

(12) *Δεν βλέπετε πως δουλεύουμε μόνο την περίοδο της συγκομιδής και μετά καθόμαστε;*

‘Разве вы не видите, что мы работаем только в период сбора урожая, а потом **сидим**?’

(13) *Είμαι workaholic, δεν μπορώ να κάθομαι πολύ, τέσσερις μήνες είναι ήδη αρκετοί.*

‘Я трудоголик, не могу долго **сидеть**, четыре месяца уже достаточно’.

В рассматриваемом значении глагол *κάθομαι* может быть использован и в отношении неодушевленных объектов:

(14) *Τρώγεται πολύ ευχάριστα και την επόμενη μέρα γιατί όσο κάθεται τόσο δένουν οι γέυσεις.*

‘Его очень приятно есть и на следующий день, потому что чем больше он **настаивается** (букв. ‘сидит’), тем больше раскрывается вкус’.

Значение бездействия — иногда вынужденного — присутствует во многих сочетаниях глагола *κάθομαι* со словами, обозначающими различные нелокативные состояния: *κάθομαι αδρανής*, букв. ‘сидеть бездеятельным’, *κάθομαι άνεργος*, букв. ‘сидеть безработным’, *κάθομαι υπόδικος*, букв. ‘сидеть подследственным’ (см. также идиому *κάθομαι με σταυρωμένα χέρια* ‘сидеть со сложенными руками’).

(15) *Δεν καθόταν ούτε στιγμή αδρανής γιατί οι ανάγκες την οδηγούσαν και την έσπρωχναν να ζητήσει βοήθεια, ν' απαιτήσει ακόμα, δουλειά για τα τίμια χέρια της.*

‘Она ни минуты не **сидела без дела**, потому что нужда вела, толкала ее к тому, чтобы просить помощи, даже требовать работы для своих честных рук’.

Сходное значение отсутствия противодействия — ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо, соглашаться на что-либо, не оказывая сопротивления’ — реализуется глаголом *κάθομαι* как в относительно свободном употреблении при поддержке общего контекста, так и в составе некоторых конструкций, например, конструкции *κάθομαι να Χ* ‘сидеть / садиться, чтобы Х’.

(16) *Τι κάθεστε, όλα μας τα ληστεύουν!*

‘Что вы **сидите**, у нас всё разворовывают!’

(17) *Βέβαια ούτως ή άλλως η Εθνική μας δεν θα καθόταν να χάσει από τους Αμερικανούς.*

‘Конечно, в любом случае наша сборная **не согласилась бы** (букв. ‘не села бы’) **проиграть** американцам’.

К значению ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо, не оказывая сопротивления’ примыкает и специфическое значение ‘уступать чьим-либо ухаживаниям’, отдельно выделяемое в словаре Г. Бабиньотиса (*κάθομαι στις ορέξεις κάποιου* ‘потворствовать (букв. ‘сидеться’) чьим-либо любовным аппетитам’, *δεν του κάθεται ούτε μια εποχιακή υπάλληλος* ‘ему не отвечает взаимностью (букв. ‘не садится’) даже сезонная работница’). Идею благосклонности — судьбы, жизненных обстоятельств — можно усмотреть и в таких идиоматических употреблениях глагола *κάθομαι*, как *τον έκατσε μια ευκαιρία* ‘ему выпал (букв. ‘сел’) шанс’, *τον έκατσε μία καλή δουλειά* ‘ему предоставилась (букв. ‘села’) хорошая работа’. В этих конструкциях у *κάθομαι* появляется валентность получателя (*του* ‘ему’, *της* ‘ей’ и т.д.).

Как было продемонстрировано выше, глагол *κάθομαι* представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу, значение которой во многих случаях определяется ее окружением. Размытость семантики глагола *κάθομαι* является благоприятным условием для его закрепления в составе разнообразных конструкций с разным значением.

3.2. Новогреческая конструкция *Τι κάθεται και Χ*

Сочетания глаголов позиции с другими глаголами, подобные новогреческому *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’, встречаются во многих языках мира, в том числе и в русском [Майсак, 2005, с. 262—267; Шведова, 1960, с. 57; Vonnot et al., 2021]. Н. Ю. Шведова характеризует значение конструкций русского языка типа *сидела шила* как сложносоставный предикативный признак, а именно как конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии [Шведова, 1960, с. 57]. Как отмечает Т. А. Майсак, «с семантической точки зрения подобные конструкции изучены недостаточно, но можно утверждать, что в них имеется компонент подчеркивания длительности или повторяемости ситуации» [Майсак, 2005, с. 265].

В данной статье мы сосредоточим свое внимание на новогреческой конструкции *Τι κάθεται και Χ* (букв. ‘что ты сидишь и Х’), представляющей собой одну из реализаций синтаксического паттерна *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’:

(18) *Τι κάθεται και χάνεις τη νιότη σου και την ομορφιά σου;* (Α. Εφταλίωτης, «Н Αγγέλικα»)

‘Что ты сидишь и растрчиваешь свою молодость и красоту?’

(19) *Τι κάθεται και δηλητηριάζεται τώρα με ανησυχίες;* (Σ. Γιαννάτου, «Καϊκία στην άσφαλτο»)

‘Что он сидит и отравляет себя волнениями?’

М. Сетатос характеризует функцию глагола *κάθομαι* во фразах типа *Τι κάθεται και κλαίς;* ‘что ты сидишь и плачешь?’, *Τι κάθεται και φωνάζεις;* ‘что ты сидишь и кричишь?’ как вспомогательную, подчеркивая его грамматикализацию [Σετάτος, 1994, с. 431]. С. Свору отмечает, что в риторических вопросах с *τι* ‘что’ конструкция *κάθομαι + και + Χ* ‘сидеть + и + Х’ допускает только небуквальную интерпретацию глагола *κάθομαι* [Svorou, 2018, с. 45].

Поиск конструкции *Τι κάθεται και Χ* в корпусе текстов eTenTen19 дал 747 результатов. Поиск проводился по ключевым словам *τι* ‘что’ и *κάθομαι* ‘сидеть’ с максимально возможным расстоянием между ними в три слова. Релевантные контексты отбирались вручную.

Анализ корпусных контекстов показывает, что в составе рассматриваемой конструкции *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение глагола позиции. При этом *κάθομαι* вносит в общее значение конструкции семантический компонент контролируемости, а также длительности или повторяемости ситуации Х.

С. Д. Кацнельсон отмечает, что глаголы позиции *сидеть*, *лежать*, *стоять* отличаются «своей личностью», а также «своей произвольностью

в том смысле, что указанное состояние, как и переход к нему, зависит от воли лица, и все глаголы, выражающие переход в такое состояние, являются глаголами преднамеренного действия» [Кацнельсон, 2001, с. 593]. В составе конструкции *Τι κάθεται και Χ* проявляют себя свойства глагола *κάθομαι* как глагола преднамеренного действия. Семантика конструкции предполагает, что агенс совершает действие *Χ* или находится в состоянии *Χ* по своей воле и властен положить конец этому действию или состоянию, когда пожелает. Если слот конструкции *Τι κάθεται και Χ* заполняется актантом, нормативно обозначающим неконтролируемое или мало контролируемое действие или состояние (*στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’), конструкция интерпретирует их как контролируемые и происходящие по воле субъекта.

Также *κάθομαι* привносит в общее значение конструкции *Τι κάθεται και Χ* идею длительности и статичности. Исходное значение *κάθομαι* предполагает сколько-нибудь длительное пребывание агенса в фиксированной «сложенной» позиции, значительно ограничивающей возможность его передвижения. Параллельное глаголу *κάθομαι* действие или состояние *Χ* воспринимается, таким образом, также как длительное или повторяющееся.

Несмотря на то, что в составе конструкции *Τι κάθεται και Χ* глагол *κάθομαι* десемантизируется, значение актантов, заполняющих слот конструкции в корпусе, как правило, совместимо с прямым значением *κάθομαι* как обозначения специфической позы человека. Актанты, контрастирующие со статичной семантикой *κάθομαι*, например, глаголы движения или становления, заполняют слот конструкции только в отрицательной форме (*Τι κάθεστε και δεν πάτε στον γιατρό*; ‘Что вы сидите и не идете к врачу?’).

Условия контролируемости и длительности или повторяемости ситуации *Χ* коррелируют с общим значением конструкции *Τι κάθεται και Χ*, выражающей негативную оценку действия или состояния агенса как непродуктивного, бесполезного или неуместного. Конструкцию *Τι κάθεται και Χ* можно сравнить со скрытым императивом. Так, фразу *Τι κάθεται και στεναχωριέσαι*; ‘что ты сидишь и расстраиваешься?’ легко переформулировать как *Μη στεναχωριέσαι* ‘не расстраивайся, прекрати расстраиваться’.

Анализ корпусных контекстов показывает, что в составе конструкции *Τι κάθεται και Χ* глагол *κάθομαι* в зависимости от лексического наполнения слота конструкции способен проявлять различные нелокативные значения, описанные нами в предыдущем разделе.

Наиболее часто (95 % всех случаев в корпусе) *κάθομαι* в составе конструкции *Τι κάθεται και Χ* выражает значение вовлеченности агенса в действие или состояние *Χ* (ср. значение ‘заниматься, посвящать много времени чему-либо’):

(20) *Τι κάθεται και αναλβεις τρία χρόνια και ακόμη δεν έχεις βγάλει άκρη*;

‘Что ты сидишь и анализируешь три года и до сих пор не разобрался?’

(21) *Έχεις όλη τη ζωή μπροστά σου! Τι κάθεται και στεναχωριέσαι;*

‘У тебя вся жизнь впереди! Что ты сидишь и расстраиваешься?’

Среди актантов, заполняющих слот конструкции в таких случаях, выделяются глаголы речи (*λέω* ‘говорить’, *μιλάω* ‘разговаривать’, *συζητάω* ‘обсуждать’, *απαντάω* ‘отвечать’, *τσιμπούναω* ‘молоть, нести’, *απαδιάζω* ‘перечислять, «выдавать»’ и многие др.)¹, глаголы мышления, интеллектуальной деятельности (*σκεφτομαι* ‘думать’, *συλλογέμαι* ‘размышлять’, *αναλύω* ‘анализировать’ и др.), а также глаголы, обозначающие переживание неприятных эмоциональных, физических или нравственных состояний (*στεναχωριέμαι* ‘расстраиваться’, *αγχόνομαι* ‘испытывать стресс’, *σκάω* ‘терзаться’, *παιδεύομαι* ‘мучаться’ и пр.). На долю этих групп актантов приходится в совокупности около 70 % всех случаев употребления конструкции в корпусе. В числе прочих актантов можно также выделить глаголы восприятия (*ακούω* ‘слышать, слушать’, *βλέπω* ‘видеть, смотреть’) и глаголы с широким значением деятельности или взаимодействия с объектом (*ασχολούμαι* ‘заниматься’, *κάνω* ‘делать’, *δημιουργώ* ‘создавать’).

Гораздо реже (4 % случаев в корпусе) глагол *κάθομαι* в составе рассматриваемой конструкции указывает на бездействие агенса, отсутствие его вовлеченности в деятельность, обозначенную актантом X (ср. значение ‘бездействовать, бездельничать’):

(22) *Τι κάθεστε βρε και δεν έρχεστε, δεν διαγκώνουμε!*

‘Что вы сидите и не приходите, мы не кусаемся!’

(23) *Τι κάθεται και δεν την πας στον κτηνίατρο;*

‘Что ты сидишь и не ведешь ее к ветеринару?’

Характерным для этих случаев является употребление актантов, заполняющих слот конструкции, в отрицательной форме. Среди актантов присутствуют глаголы, значение которых контрастирует с исходной статичной семантикой глагола *κάθομαι*, в частности, глаголы движения (*δεν έρχομαι* ‘не приходиться’, *δεν πάω* ‘не идти, не вести’, *δεν σηκώνομαι να φύγω* ‘не вставать, чтобы уйти’, *δεν βγαίνω* ‘не выходить’) или становления (*δεν γίνομαι* ‘не становиться’).

В немногочисленных случаях в корпусе (1 %) глагол *κάθομαι* в составе конструкции *Τι κάθεται και X* выражает значение непротиводействия агенса внешним раздражителем (ср. значение ‘мириться с чем-либо, терпеть что-либо или соглашаться на что-либо, не оказывая сопротивления’):

(24) *Τι κάθεται και τον ανέχεσαι, και αυτόν και τη μάνα του!*

‘Что ты сидишь и его терпишь, и его, и его маму!’

1 Абсолютным фаворитом является глагол *λέω* ‘говорить’, встречающийся в корпусе в 133 контекстах, то есть в 18 % всех случаев употребления конструкции.

(25) *Τι κάθεται συνέχεια και σου βάζουνε ενέσεις και χημειοθεραπείες, έλα πάνω κόρη μου να δεις τι ωραία περνούμε.*

‘Что ты постоянно сидишь и тебе делают уколы и химиотерапию, давай к нам, дочка, посмотришь, как у нас хорошо’.

В этих случаях слот конструкции характерно заполняется актантами со значением ‘терпеть’, ‘разрешать’ (*ανέχομαι* ‘терпеть’, *αφήνω* ‘позволять’), а в широком контексте, как правило, присутствуют указания на стороннее лицо или ситуацию, воздействию которых подвергается агенс. Также может различаться субъект глагольных компонентов конструкции, как в примере (25) выше.

Таким образом, в составе конструкции *Τι κάθεται και Χ*, выражающей значение негативной оценки ситуации *Χ* как непродуктивной, бесполезной или неуместной, глагол *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение специфической позы человека, однако в зависимости от лексического наполнения слота способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения.

Подтверждение своим наблюдениям мы находим в греческих словарях. В словаре Афинской академии конструкция *Τι κάθεται και Χ* встречается среди примеров, иллюстрирующих все вторичные значения *κάθομαι*: ‘находиться в определенном состоянии’, ‘мириться с чем-либо’, ‘бездействовать, бездельничать’ [ΧΑΝΓ, 2014, с. 740]. В словаре Г. Бабиньотиса эта конструкция используется для иллюстрации значения глагола *κάθομαι* ‘заниматься чем-либо, посвящать много времени чему-либо’ [Μπαμπινιώτης, 2005, с. 804—805]. В словаре Триандафиллидиса конструкция *Τι κάθεται και Χ* встречается в примерах к значению глагола *κάθομαι* ‘пребывать в бездействии, не заниматься чем-либо или не брать на себя инициативу в чем-либо’ [ΛΚΝ], а в Словаре народного и периферийного языка Г. Катоса фраза *Τι κάθεται και δεν...* ‘что ты сидишь и не...’ зафиксирована как отдельное устойчивое выражение с толкованием ‘почему ты бездействуешь, не активизируешься’ [Κάτος].

4. Заключение = Conclusions

В данной статье продемонстрировано, что новогреческий глагол позиции *κάθομαι* ‘сидеть’ в свободном употреблении представляет собой слабосемантизированную лексическую единицу. Размытость исходной семантики глагола *κάθομαι* и его потребность в поддержке контекста способствуют его закреплению в составе разнообразных конструкций с различным значением.

Эмфатическая конструкция *Τι κάθεται και Χ* выражает негативную оценку действия или состояния, обозначенного актантом *Χ*. В составе конструкции *Τι κάθεται και Χ* глагол *κάθομαι* утрачивает свое прямое значение

специфической позы человека, однако не десемантизируется полностью. Глагол сохраняет образность своего прямого значения, что отражается на семантических ограничениях, накладываемых конструкцией на лексическое наполнение слота. Актанты, семантика которых контрастирует с прямым значением *κάθωμαι* как глагола позиции, в частности глаголы движения, могут заполнять слот конструкции только в отрицательной форме.

Очевиден семантический вклад глагола *κάθωμαι* и в общее значение оценочной конструкции *Τι κάθωσαι και Χ*. Как глагол преднамеренного действия *κάθωμαι* привносит в общее значение конструкции идею контролируемости ситуации *Χ*. Аспектуальный оттенок длительности или повторяемости ситуации *Χ*, присущий конструкции, связан с прямым значением глагола *κάθωμαι*, предполагающим сколько-нибудь длительное пребывание субъекта в положении, значительно ограничивающем возможность его передвижений.

Анализ корпусных контекстов показал, что в зависимости от лексического наполнения слота *κάθωμαι* способен в рамках одной и той же конструкции демонстрировать разнообразные нелокативные значения. Взаимодействие глагола *κάθωμαι* как составного элемента конструкции и лексического наполнения слота конструкции позволяет рассматриваемому глаголу проявлять свою полисемию.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. eITenTen19 — *Corpus of the Greek Web* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/> (accessed 12.11.2023).
2. ΕΘΕΓ — *Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας* [Electronic resource]. — Access mode : <https://hnc.ilsp.gr/> (accessed 12.11.2023).
3. Κάτος Γ. *Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας* [Electronic resource] / Γ. Κάτος. — Access mode : <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (accessed 12.11.2023).
4. ΛΚΝ — *Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (accessed 12.11.2023).
5. *Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας / Γ. Μπαμπινιώτης*. — Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2005. — 2032 σ. — ISBN 960-86190-1-7.
6. ΧΑΝΓ — *Χρηστικό λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας*. — Αθήνα : Εθνικό Τυπογραφείο, 2014. — 1819 σ. — ISBN 978-960-404-278-4.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — С. 32—160. — ISBN 5-9551-0135-7.

2. *Борисова Т. С.* Концептуализация горизонтального положения в пространстве в русских и греческих глаголах состояния / Т. С. Борисова, Л. В. Табаченко // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2022. — Т. 20, № 3. — С. 5—18. — DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18.
3. *Дмитренко С. Ю.* Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) / С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский // *Проблемы функциональной грамматики : принцип естественной классификации*. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — С. 149—192. — ISBN 978-5-9551-0663-2.
4. *Кацнельсон С. Д.* Категории языка и мышления : из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 864 с. — ISBN 5-94457-009-1.
5. *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 480 с. — ISBN 5-9551-0107-1.
6. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — 377 с.
7. *Antonopoulou E.* Prototype theory and the meaning of verbs, with special reference to Modern Greek verbs of motion / Doct. Diss. / E. Antonopoulou. — London, 1987. — 405 p.
8. *Bonnot Ch.* Entre phraséologie et conditionnement contextuel: le cas des constructions pseudo-coordonnées en russe et en grec moderne / Ch. Bonnot, S. Vassilaki // *Lexique*. — 2021. — No. 29. — Pp. 191—209.
9. *Bybee J.* The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. — Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. — 415 p. — ISBN 0-226-08665-8.
10. *Hewson J.* Tense and Aspect in Indo-European Languages. Theory, typology, diachrony / J. Hewson, V. Bubenik. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1997. — 403 p. — ISBN 90 272-3649-6.
11. *Kuteva T.* On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliations / T. Kuteva // *Linguistics*. — No. 37 (2). — 1999. — Pp. 191—213.
12. *Kuteva T.* Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization / T. Kuteva. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — 213 p. — ISBN 0-19-829974-5.
13. *Svorou S.* Constructional pressures on 'sit' in Modern Greek / S. Svorou // *Functionalist and Usage-based Approaches to the Study of Language*. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2018. — Pp. 17—58. — ISBN 978-90272-0022-8.
14. *Talmy L.* Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms / L. Talmy // *Language Typology and Semantic Description*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon. — Pp. 57—149. — ISBN 0-521-31899-8.
15. *The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying* / J. Newman (ed.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. — 409 p. — ISBN 90-272-2957-0.
16. *World Lexicon of Grammaticalization* / T. Kuteva, B. Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog, Seongha Rhee. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 632 p. — ISBN 978-1-107-13624-3.
17. *Σετάτος Μ.* Γλωσσολογικές παρατηρήσεις σε ρήματα της κοινής νεοελληνικής / Μ. Σετάτος // *Ελληνικά*. — 1994. — № 44. — Σ. 423—445.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2023,
одобрена после рецензирования 15.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

Material resources

- Babinotis, G. (2005). *Dictionary of the new Greek language*. Athens: Center for Lexicology. 2032 p. ISBN 960-86190-1-7. (In Greek).
- CHNLG — *Useful dictionary of the Modern Greek Language*. (2014). Athens: National Printing Office. 1819 p. ISBN 978-960-404-278-4. (In Greek).
- eITenTen19 — *Corpus of the Greek Web*. Available at: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/> (accessed 12.11.2023).
- ETHEG — *National Treasure of the Greek Language*. Available at: <https://hnc.ilsp.gr/> (accessed 12.11.2023). (In Greek).
- Katos, G. *Dictionary of our popular and marginal language* Available at: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (accessed 12.11.2023). (In Greek).
- LKN — *Dictionary of Common Modern Greek*. Available at: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/ (accessed 12.11.2023). (In Greek).

References

- Antonopoulou, E. *Prototype theory and the meaning of verbs, with special reference to Modern Greek verbs of motion*: Doct. Diss. London, 1987. 405 p.
- Apresyan, Yu. D. (2006). Foundations of systemic lexicography. In: *Language picture of the world and systemic lexicography*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 32—160. ISBN 5-9551-0135-7. (In Russ.).
- Bonnot, Ch., Vassilaki, S. (2021). Between phraseology and contextual conditioning: the case of pseudo-coordinate constructions in Russian and Modern Greek. *Lexicon*, 29: 191—209. (In French.).
- Borisova, T. S., Tabachenko, L. V. (2022). Conceptualization of horizontal position in space in Russian and Greek verbs of state. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 20 (3): 5—18. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-5-18. (In Russ.).
- Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W. (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago; London: University of Chicago Press. 415 p. ISBN 0-226-08665-8.
- Dmitrenko, S. Yu., Khrakovsky, V. S. (2013). Problems of semantic and taxonomic classification of predicates (comparative analysis of verbs denoting standard and non-standard positions of the human body). In: *Problems of functional grammar: the principle of natural classification*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 149—192. ISBN 978-5-9551-0663-2. (In Russ.).
- Hewson, J., Bubenik, V. (1997). *Tense and Aspect in Indo-European Languages. Theory, typology, diachrony*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 403 p. ISBN 90 272-3649-6.
- Katsnelson, S. D. (2001). *Categories of language and thinking: from the scientific heritage*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 864 p. ISBN 5-94457-009-1. (In Russ.).
- Kuteva, T. (1999). On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliation. *Linguistics*, 37 (2). 191—213.
- Kuteva, T. (2001). *Auxiliation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press. 213 p. ISBN 0-19-829974-5.
- Kuteva, T., Heine, B., Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog, Seongha Rhee. (2019). *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 632 p. ISBN 978-1-107-13624-3.

- Maysak, T. A. (2005). *Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 480 p. ISBN 5-9551-0107-1. (In Russ.).
- Newman, J. (ed.). (2002). *The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 409 p. ISBN 90-272-2957-0.
- Setatos, M. (1994). Linguistic observations on common modern Greek verbs. *Greek*, 44: 423—445. (In Greek).
- Shvedova, N. Yu. (1960). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 377 p. (In Russ.).
- Svorou, S. (2018). Constructional pressures on ‘sit’ in Modern Greek. In: *Functionalist and Usage-based Approaches to the Study of Language*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 17—58. ISBN 978-90272-0022-8.
- Talmy, L. (1985). Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In: *Language Typology and Semantic Description, 1*. Cambridge: Cambridge University Press. Grammatical categories and the lexicon. 57—149. ISBN 0-521-31899-8.

*The article was submitted 12.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*